

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА

САД БОЖЕСТВЕННЫХ ПЕСНЕЙ

ХАРЬКОВ
«ФОЛИО»
2009

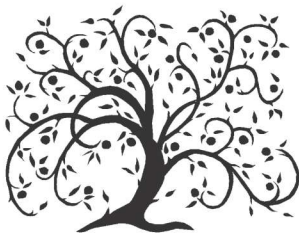

Г. СКОВОРОДА

САД
БОЖЕСТВЕННЫХ
ПЕСНЕЙ

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Разговор, называемый алфавит или букварь мира

Милостивому Государю,
Владимиру Степановичу
Его Благородию Тевяшову.

Милостивый Государь!

Один разговор уже к вам пришел, вот-же нашол вас и брат первого. Когда меня жалуете, примите милостиво и сего и положите братнюю сию двоицу пред лицом дражайшаго вашего родителя, как образ и память усерднаго моего почитания. В обоих написано то, что говорено в беседах с здешними приятельми. Они ж и беседующими лицами поставленны в обоих. Первый испытует с Давидом небесныя круги, поведающия славу вечнаго: «лета вечная помянух...»,

и назван *колицом*; а второй, узнав безначальное *начало*, из нетрудных начатков, будто из алфавита, Богу последовать побуждает и назван букварем. Премудрейшее слово есть сие: Γνωθι σεαυτόν. Nosce te ipsum. Узнай себе самого.

И теперь оно всем во устах, но не многим во вкусе¹. Думают, что начальник слова сего был древнейший мудрец Фалис. Верно. Кто что нашел и любит, тое своим ему быть может, а *истина* безначальна. Пишет Плутарх, что на Аполлоновом, Делфийском храме было написано: «узнай себе». Древние египтяне слово сие высоко почитали. Что значит *сфинкс* — изъяснено в первом разговоре. Имя его значит связь или узол. Гадание сего уroda утаевало ту ж силу: «узнай себе». Не развязать сего узла была смерть мучительная, убийство души, лишение мира. Для сего египтяне онаго уroda статуи по-

¹ Самая сладкая ягода или зерно во устах не дает вкуса, поколь не ражжевать. Крошечное, как зерно, слово сие высокой вкус утаило. — *Здесь и далее примечания Г. С. Сковороды.*

ставляли по улицам, дабы, как многочислен-
ные зеркала, везде в очи попадая, сей само-
нужнейшее знание утаевающий узел на па-
мять приводили.

Потомки их были не таковы. Отнялась
от них глава мудрости; долой пала чистая
часть богочтения; остались одни художест-
ва, с физическими волшебствами и суевери-
ем. Монумент, напоенный всеполезнейшим
для каждого советом, обратился в кумир,
уста имущий и не глаголющий, а только
улицы украшающий, и будто источник в
лужу отродился. Так и все богословския
тайны превращаются в смешные вздоры и
суеверныя сказки. Во времена Авраамские
делали сие филистины, а ныне делают не
ведущие себе и *Бога*. В божественном мра-
ке Мойсейских книг почти 20 раз находится
сие: «воньми себе — внемли себе» и вместо
ключа ко всему предвручается тоже, что
«узнай себе».

И не дивно, что древние египтяне, евреи
и еллины высоко почитали слово сие. Знать
то, от познания себе самого входит в душу

свет ведения Божия, а с ним путь счастья мирный. Что компас в корабле, то Бог в человеке. Компасная в сердце корабельном стрела есть тайный язык, закон, глава, око и царство корабельное.

Библия тоже именуется стрелою, яко начертанная тень *вечнаго* закона и тма Божия. Не тот мне знаток в корабле, кто перечел и перемерил каюты и веревки, но кто познал силу и природу корабля: тот, разумея компас, разумеет путь его и все личности.

А что ж есть Бог, если не вечная глава и тайный закон в тварях? Истину скажет Павел: «закон духовен есть». Закон же сей что есть, если не владеющая тлением господственная природа, названная у древних отцов: Τριβηλίος μόνας καὶ φύσις? Трисолнечное единство и естество — сия единица всему глава, а сама безначальная, ни временем, ни именем, ни местом, ни полом не ограниченная.

Сия то *мати* и *отец* отвечает Мойсею, что ей имени нет. Кто (де) ищет моего име-

ни, тот не видит естества моего. Имя мое и естество есть тоже: «аз есмь сый». Я тот, что есмь везде, всегда во всем и не видно мене, а прочее все видно и нет того ничего. «Плоть ничтоже». Я — древо жизни, а другое все — тень моя. И не напрасно еллины к обоему полу прилагали слово сие — Θεός. И не без толку у некоторых христиан дают имя мужчине с мужеским и женское, например: Юзеф-Мариа. Сюда то смотрит острое Павловское слово: «несть мужеск пол, ни женск»... И так, не прекрасный Нарцыс, не хиромантик и не анатомик, но увидевший внутри себе главный машины пункт — *царствие Божие* — сей узнал себе, нашед в мертвом живое, во тме свет, как алмаз в грязи и как евангелская жена *империял* в горничном соре. «Радуйтесь со мною»... Сей точно узнал *человека* и может похвалиться: «вем человека».

Вот вам несколько знатоков!

Авраам: «виде и возрадовася».

Навин: «виде *человека* стояща».

Иов: «ныне же око мое виде тя».

Давид: «возведох очи мои в гору».

Исаиа: «виде славу *Его*».

Даниил: «видех и се *муж един*».

Захариа: «воздвигох очи мои и видех,
и се муж, и в руце *Его...*»

Вот еще дюжина! взгляните на гору Галилею!

11 Апостолов: «видевше *Его* поклонишася».

И Стефан: «Се вижу небеса отверста»...

А как «мудраго очи его во главе его»,
так «очи безумных, на концах земли».

С лица человека приметить можно, но не с подошвы «тии пята мою соблюдут».

Сколь о многих можно сказать: «вы кланяетесь, его же не весте».

О всех сих, подло ползущих, написано: «блюсти будеш его пята».

Вся Библия дышет сим вкусом: «узнай себе».

Разве ж *Бог* в человеке точию? Никак! Но кто слеп дома, тот и в гостях и, не имея сам в себе, не найдет и в пищи вкуса. А тогда можно смело отважиться и на глуби-

ну библейную с тем, кого слушает ветер и море.

Узнать *Ego* есть чувство премудрости. Любить и слушать есть дух веры и благочестия.

Руководство блаженных *натуры* всей своей мудрости виною ставит Катон Цицеронов. Но ключ к сему чертогу сей есть: «воньми себе».

Чем более кто себе узнавает, тем выше восходит на Сион мира.

Нет легче последовать Богу, как в пищи, в дружбе, в звании. Тут приобучивыйся может подняться и на крутые места, поколь сбудется: «положу стропотная их в гладкая». А я желаю вам итить от силы в силу. Половину зделал, кто хорошо начал.

Окончу речь любезнаго моего Фалиса словом: Ἀρχὴν ἀπάντων καὶ τέλος ποιεῖ Θεός. Началом и концом во всем тебе будь Бог, и пребуду, милостивый государь, Вашего Благородию нижайший слуга, любитель священной Библии, *Григорий Сковорода*. 1775 года, генваря 1 дня, в Липцах.

ОСНОВАНИЕ

Аз есмь А^{льфа} и Ω^{мега}. *Апокал.*

Слыши Израилью, воньми себе, внемли.
Мойсей.

Себе знающие премудры суть. *Притч.*

Аще не увеси самую тебе... изыиди.
Песнь песней.

Узнай себе самого. *Фалис.*

Дружеский разговор о душевном мире

Лица: Афанасий, Яков, Лонгин,
Ермолай, Григорий.

Григорий. Слава Богу! собралась наша беседа. Что слышно? Нет ли вестей?

Яков. Вчерась зделался пожар. Довелось быть в гостях и напасть на шайку учоных.

Лонгин. Был ли пожар?

Яков. При бутылках и стаканах ужасный загорелся диспут. Иной величал механику; иной превозносил химию; иной ублажал геометрию; иной пришивал человеческое щастие врачебной науке; иной похвальными песнями венчал историю; иной возвышал грамматику с языками; иной политику с обращением. Потом был спор, какая пища здоровее, кое вино полезнее. Наконец, самый пламень загудел о причине, погубившей республику Афинейскую, плодородную мать ученых людей. Много ввали и о богине Минерве, который посвящен был город Афинский. Однак я не мог ничего понять и, не знаю почему, никакова вкуса не чувствовал. А в любезной моей книжечке, которую всегда с собою ношу, недавно начитал, что щастие ни от наук, ни от чинов, ни от богатства, но единственно зависит оттуда, чтоб охотно отдаться на волю Божию. Сие одно может успокоить душу.

Григорий. Как прозываются те учонья?

Яков. Первой Навал, второй Сомнас, третьей Пификов, люди славно-учоные, а прочих не знаю.

Григорий. Как же ты не мог ничего понять?

Яков. Сему я и сам дивлюсь. Одно только то знаю, что слушать их вовсе меня не позывало.

Григорий. Разве они о Минерве говорили без Минервы? Так беседу ем же сами о драгоценнейшем нашем мире бесспорно и дружелюбно. Раскусим несколько слово сие: «отдаться в волю Божию». А премилосердная мать наша блаженная *натура*, нас любителей своих не оставит, руководствуя нашу всю беседу. Вспомните сказанное мною слово сие: «чем кто согласнее с Богом, тем мирнее и счастливее». Сие то значит: «жить по натуре». Кто же не говорит сего: жить по натуре? Но сия ошибка путем есть всей пагубы, если кто, смешав рабскую и господственную натуру в одно тождество, вместо прозорливой или божественной избирает себе путеводительни-

цею скотскую и слепую натуру. Сие есть родное нечестие, неведение о Боге, непознание пути мирнаго, шествие путем нещастия, ведущим в царство тмы, в жилище духов безпокойных. Самое сие слово нещастие оттуду родилось, что прельщенный человек, пошедший за руководством слепой натуры, ухватился за хвост, минув главу или тую высочайшую часть: «часть моя еси Господи». Сколько ж мы одолженны матери нашей *Библии*? Она непрестанно кладет нам во уши иное высочайшее некое естество, называя оное началом, оком, отцом, сильным, Господем, царем, Ангелом совета, духом владычным, страхом путеведущим, вторым человеком, светом, радостью, веселием, миром, и протчая. На скольких местах вопиет нам: «внемли себе». «Воньми себе крепце...» «Внийдите в храмину вашу...» «Возвратися в дом твой...» «Дух Божий живет в вас...» Второй человек Господь с небесе... «И сие то есть благовестити мир, возвещати щастия путь, отворять ворота к благоденствию, отверзать

предводительствующее во всем и не дремлющее *око*, дабы всеусерднейше всяк, тайному мановению блаженного внутри себе *духа* повинуюсь, мог получать наставление, просвещение, кураж и совершение в каждом своем деле, а без Его дозволения самого мелочного не всчинать действия и самого маленького ступня не ступать. Щастлив живущий по воле благаго духа! «Господь будет на всех путех твоих». Бедная душа, своими похотьми водимая! «Путь нечестивых погибнет». Самое переднее крыльцо и преддверие, вводящее в пагубу, и самая начальная замашка, будто букварь, обучающий нас быть супостатами Богу, есть сия:

- А. Входит в несродную статью.
- Б. Несть должность, природе противну.
- В. Обучаться, к чему не рожден.
- Г. Дружить с теми, к коим не рожден.

Сии дорожки есть родный нещастия путь.
А ф а н а с и й. А если кто к воровству рожден?

Григорий. Убирайся прочь! Моя речь единственно точно касается до человеколюбных душ, до честных званий и до благословенных промысла трудов, коих Божий и человеческий закон вон из сожителства не изгонит, а составляют они плодоносный церкви, яснее сказать, общества сад так, как часовую машину свои части. Она в то время порядочное продолжает течение, когда каждый член не только добр, но и сродную себе, разлившись по всему составу должности, часть отправляет. И сие то есть быть счастливым, познать себе или свою природу, взяться за свою долю и пребывать с частию себе сродною от всеобщей должности. Сии должности участия есть благодеяние и услуга. И недивно, что у древних римлян, как должность, так и благодеяние, означалось сим словом *officium*. Самая добрая душа тем безпокойнее и несчастливее живет, чем важнейшую должность несет, если к ней не рожденна. Да и как ей не быть несчастною, если потеряла сокровище сие, всего мира дражайшее: «ве-

селие сердца, живот человеку и радование мужа, (есть то) долгоденствие» (*Сирах*). Как же не потерять, если вместо услуг обижают друзей и родственников, ближних и дальних, однородных и чужоюстранных? Как не обижать, если вред приносит обществу? Как не повредить, если нет прямого рачения и неутомимаго труда? Откуда же уродится труд, если нет охоты и усердия? Где ж возмеш охоту без природы? Природа есть первоначальная всему причина и самодвижущаяся пружина. Она есть мать охоты. Охота есть раждение, склонность и движение. Охота сильнае неволи, по пословице. Она стремится к труду и радуется им, как сыном своим. Труд есть живой и неусыпный всей машины ход потоль, поколь породит совершенное дело, соплетающее Творцу своему венец радости. Кратко сказать, природа запалает к делу и укрепляет в труде, делая труд сладким. А что ж есть *природа*, если не тот блаженный в человеке дух, о коем Бог к Мойсею: «се Аз посылаю Ангела моего пред лицом твоим...

Воньми себе и послушай его. Не обинется бо, яко имя мое на нем есть». Великое есть сие дело: «имя мое на нем есть». Божие имя и естество Его есть то же. Того ради велит вникнуть внутрь себе и внимать сему наставнику, ясно все нужное показывающему. Сколько можно догадываться, сей есть тот, что сказует: «без мене не можете творити ничесо же». И сие то есть с Богом щастливо вступить в звание, когда человек не по своим прихотям и не по чужим советам, но вникнув в самого себе и вняв живущему внутри и зовущему его святому духу, последуя тайному Его мановению, принимается и придерживится той должности, для которой он в мире родился, самым Вышним к тому предопределен. Не везде ли присносущнаго Божия естества исполнение? Есть он во всяком человеке, есть и в тебе и с тобою. Что ж он делает? Послушай Соломона: «Нетленный дух твой во всех есть. Тем-же заблуждающих обличаеши и в них же согресиша, воспоминаая учиши, да, пременившеся от злобы, веруют в

тя, Господи». Видиш, что живущее в тебе блаженное естество управляет будто скотом твоею природою. Сия слепая натура, есть ты ж сам, с прихотями своими. И сие то значит: «царствие Божие внутрь вас есть». Оно не ошибается и лучшим путем поведет тебе, разумеи, к тому, к чему ты рожден, да будеш для себе и для братии твоей полезным, нежели чужие советы и собственные твоя стремления, о коих написано: «враги человеку домашнии его». А теперь осмотришь; чево торопишься? Куда забежит твоя необузданность? Зачем хватаешься за должность, не ведая, будеш ли в ней щасливым? Как можно тебе отправить удачно, не до ея рожденному? Кто может подписаться, что хорошая сия пища будет в пользу твоего желудка? Не лучше ль сам о сем можеш осведомиться? Справся ж сам с собою. Узнай себе. Внемли себе и послушай Господа своего. Есть в тебе царь твой, отец и наставник. Воньми себе, сыщи Его и послушай Его. Он один знает, что тебе сродное; сие есть полезное. Сам он и по-

ведет к сему, зажжет охоту, закуражит к труду, увенчает концем и благословением главу твою. Пожалуй, друг мой, не начинай ничево без сего царя в жизни твоей! Чудо, что до селе не могут тебе тронуть сии слова: «ищите прежде царствия Божия». Ищи, и день, и ночь вопли: «да приидет царствие твое». А без сего наплюй на все дела твои, сколько ни хороши они и славны. Все то для тебе худая пища, что не сродная, хотя бы она и царьская. Ах! где ты мне сыщеш человека, чтоб, избирая стать, сказал: «да будет воля твоя!» Сей-то Небесный Отец, приводя нас, по святой своей воли, к тому, к чему нас родил, сам и советами утверждает сердце наше, ежедневно оные, как пищу, в душу нашу посылая. И тогда-то дело нашей должности имеет свое существо и силу. Если ж постигло уже тебе *царствие Божие*, взглянь на оное и ужаснися. Проси о оставлении долгов твоих за-то, что, похитив высочайшую власть, доселе правил житием твоим, по советам слепой твоей натуры, не по руководству царственного ес-

тества. Сие есть родное искушение, разумей, мучение твое, раждаемое от лукаваго духа, в скотской твоей натуре царствующаго. Не думай никто, будто от нашей воли зависит избрать стать или должность. Владеет Вышний царством человеческим, и блажен сему истинному царю последующий. Сие-то есть быть в царствии Божии и в щасливой стране твердаго мира. Теперь взошли мне на ум тоскою, скукою, горестью среди изобилия мучащиеся. Сии просят у Бога богатства, а не удовольствия, великолепнаго стола, но не вкуса, мягкой постели, да не просят сладкаго сна, нежной одежды, не сердечнаго куража, чина, а не сладчайшия оныя кесаря Тита забавы: «о други мои! потерял я день»... Ах друг мой! Не проси дождя, по пословице: проси урожая; бывает, что и дождь вредит плодonoсью.

Ерм о л а й. А я вспомнил тех совопросников века сего: «богословская наука к чему она? Я, де, не священник и не монах»... Будто не всем нужное душевное спасение

и будто спасение и спокойствие сердечное не тоже есть.

Яков. А я не могу довольно надивиться ужасному множеству грешащих противу сего тайнопишемаго божественнаго закона. Не сыщеш столь подлой души нигде, которая не рада бы хоть сего дня взойти и на самое высокое звание, ни мало не разсуждая о сродности своей. Сие царствия Божия невежество все сердца помрачило. Без сумнения они уверенны, будто щастие наше к одному коему-то званию или статьи привязано, хотя сто раз слышали о царствии Божии, кое, если кто сыскал и повинулся, приняв за природное звание, тому легко все прочее нужное присовокупляется. А без сего и звание есть не званием. И как быть может званием, если я к оному не зван вышним царством? Как же зван, если не к тому рожден? Божие царство везде присутствует и щастие во всякой статье живет, если входиш во оное, за руководством твоего Создателя, на то самое тебе в мир сей произведшаго, и во сто-раз

блаженнее пастух, овцы или свиньи с природою пасущий, нежели священник, брань противу Бога имущий. Почему нам столь подлым кажется хлебопашество, что все онаго убегаем? Щаслив, кто родился к медицине, к пиктуре, к архитектуре, к книгочетству... Я их благословенную, яко природную, школу (разумей, праздность, упражнение) блажу и поздравляю. Радуюсь, если и сам в одной из сих наук, только бы сие было с Богом, упражняюсь. Но чем нещаснее земледел, если с природою землю пашет? Признаюсь, други мои, пред Богом и пред вами, что в самую сию минуту, в которую с вами беседую, брошу нынешнее мое статье, хотя в нем состарелся, и стану последнейшим горшечником, как только почувствую, что доселе находился в нем без природы, имея сродность к скудельничеству. Поверьте, что с Богом будет мне востораз и веселее, и удачнее лепить одни глиняные сковороды, нежели писать без натуры. Но доселе чувствую, что удерживает мене в сем состоянии нетленная *рука Веч-*

наго. Лобызаю оную и ей последую. Презираю всех посторонних советников без советие. И если бы я их слушал, давно бы зделался врагом Господеви моему. А ныне раб Его есмь.

Лонгин. Я напротив того с удовольствием дивлюся, коль сладок труждающемуся труд, если он природный. С коликим веселием гонит зайца борзая собака! Кой восторг, как только дан сигнал к ловле! Сколько услаждается трудом пчела в собирании меда! За мед ея умерщвляют, но она трудиться не перестанет, поколь жива. Сладок ей, как мед, и слаже сота труд. К нему она родилась. О Боже мой! Коль сладкий самый горький труд с тобою.

Григорий. Некоторый молодчик был моим учеником. Дитина подлинно рожден к человеколюбию и дружбе. Рожден все честное слышать и делать. Но не рожден быть студентом. С удивлением сожалел я о его остоленности. Но как только он отрешился к механике, так вдруг всех удивил своим понятием без всякаго руководителя. Мертва

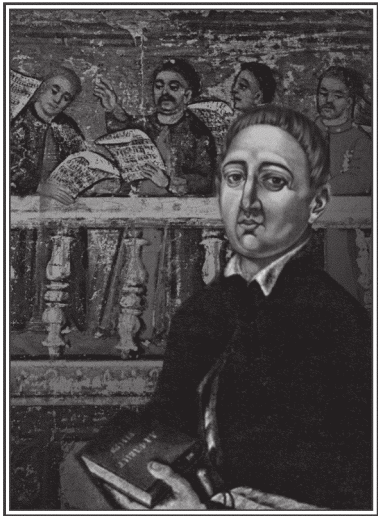
совсем душа человеческая, не отрешенная к природному своему делу, подобна мутной и смердящей воде, в тесноте заключенной. Внушал я сие непрестанно молодцам, дабы испытывали свою природу. Жалко, что заблаговременнее отцы не печатлеют сего в сердцах сыновьям своим. Отсюда-то бывает, что воинскую роту ведет тот, кто должен был сидеть в оркестре.

А ф а н а с и й. Как же наживать можно шляхетство и соблюсти грунт.

Г р и г о р и й. Хватаешься за хвост, не за голову. Скажy, если хотиш, чтоб сын твой куражно и удачно отправлял должность, долженствуеш ему способствовать в выборе сроднаго качествам его звания. Сто сродностей, сто званий, а все почтенные, яко законные. Разве не знаеш, что грунт от честно носимыя должности, не она от грунта зависит? И не видиш, что низкое звание часто приобретает грунт, а вышшее теряет? Не смотри, что вышше и нижше, что виднее и не знатнее, богаче и убогшее, но смотри тое, что тебе сродное. Раз уже сказано, что без

сродности все ничто... Если кто владеющий грунтом живет щастливо, не потому щастлив, что владеет им: щастие к грунту не привязано. Самое изрядное дело, без сродности деемое, теряет свою честь и цену, так как хорошая пища делается гадкою, приемлемая из урыкала. Сие внушает предревняя старинных веков пословица оная: «от врагов и дары — не дары». И слаже меда сия русская притча: «где был? — У друга. Что пил? — Воду, слаже неприятельского миеду». И подлинно, самая мелкая услуга есть милая и чувствительна, от природы, как от неисчерпаемого родника сердечного исходящая. Вспомните поселянина, поднесшаго пригорстью из источника воду проезжающему персидскому монарху! Вспомните, чему мы недавно смеялись — мужичка Конона репищу, принесенную в дар Лудовику 12-му, королю французскому! Сколько сии монархи веселились грубою сею, но усердною простотою! За чем же окаеваеш себе, о маловерная душа, когда твой отец небесный родил тебе или земледелом, или горшечником

или бандуристом? За чем не последуешь званию *его*, уклоняясь в вышшее, но не тебе сродное? Конечно, не разумеешь, что для тебе в тысячу раз щасливее в сей не знатной низкости жить с Богом твоим, нежели без Его находиться в числе военачальников или первосвященников? Не ужель ты доселе не приметил, щастие твое где живет? Нет его нигде, но везде оно есть. Пожалуй, чувствуй, что разумным и добрым сердцам гаразда милее и почтеннее природный и честный сапожник, нежели безприродный штатский советник. Кая польза, если имя твое в тленном списке напечатанно, а дух истины, сидящий и судящий во внутренностях твоих, не одобряет и не зрит на лицо, но на твое сердце? Остаься ж в природном твоём звании, сколько оно ни подлое? Лучше тебе попрощаться с огромными хоромами, с пространными грунтами, с великолепными названиями, нежели растаться с душевным миром, зделав чрез сопротивление твое внутренним себе неприятелем так чуднаго, сильного и непобедимаго духа, самые ливанские кедры стирающего.

НЕСКОЛЬКО ОКРУХОВ И КРУПИЦ ИЗ ЯЗЫЧЕСКОЙ БОГОСЛОВИИ

Яков. Позволите ли нечто предложить на стол из языческих закромов?

Григорий. Представь, только бы не было идоложертвенное.

Лонгин. Смотри, чтоб не смердело духом, *Христову* благовонию противным. Сие то значит у Павла бесовская трапеза.

Афанасий. Возможно ли, чтоб пища не была скверная, если она от языческого стола?

Ермолай. А я верую, что она перестанет быть скверною, если Господь освятит оную соблаговолит. Все то святое, что доброе. Все то доброе, что Господеви приносится. Все то Господне, духу страха Божия и царствию Его не противустоящее. Если ж сам Господь освятит, то кто дерзнет сквернить? Давай сюда! Я прежде всех начну кушать с Господем и пред Господем, ни мало не боясь Мойсеева угрожения. «Истина есть Господня, не бесовская».

Яков. Предлагаемое мною не тобою не встает противу Господа, но сверх того стоит за ним.

Лонгин. Развеж ты позабыл, что всяк, кто не противу нас, по нас есть, скажет *истина*, и кто дает быть пророками? «Еда иудеев тобою Бог? Ей! и языков». Дышет везде живущий во всех дух Господень и блажен послушай Его. Сие-то значит похищенное у язычников золото посвящать в храм Господеву. И не менее Богу любезный римский капитан Корнилий, как самый иудей, в тайне обрезан по сердцу, омыт по смыслу.

Яков. Мне кажется, что сия божественная в человеке сила, побуждающая его к сродности, называлась у древних египтян Исус, Isis, у еллинов Ἀθηνᾶ, Athena, у римлян Minerva сиречь Natura. Природа называлась же Γένιος, Genius, Ангел природы, назывался тож Θεός — Бог.

Афанасий. А почему называлась Минервою?

Яков. Не знаю, а только думаю потому, что Минерва был *Человек* (мужчина или женщина) к тому рожден, чтоб мог для себе и для своей братьи хорошо научиться знать, где обитает щастие. Сему научившийся назывался у еллин Eudaemon, Εὐδαίμων, сие есть хорошо знающий, а благополучие Εὐδαιμονία. Противное-ж сему Какодемон, Какодемониа, а у римлян сей хорошо знающий, кажется, назывался Divini juris peritus, сиесть, хорошо знающий Божие право. Что же присносущное величество Божие его именем означалось, сие думаю сделано для любви к нему и почтения, дабы чрез любезного человека имя означить вселюбнейшаго, приводящаго к щастию и таящагося в каждом человеке Божиего духа, который собственного имени для себе не имеет и с которым неразрывная была дружба Минерве. Сего духа, если кто не слушая принимался за дело, о сем у язычников была пословица: «invita Minerva» без благоволения Минервы, а у нас говорят: без Бо-

га. И первое так говорено о науках, потом о всем, даже о самом мелочном деле. Если кто без природы сунулся во врачебную науку, или в музыку, говорили «invito Apolline»: «Iratis Musis» — «без благоволения Аполлона». «Без милости муз». «Если кто обращался в купечестве: без дозволения Меркуриева». «Если обитал в прекрасных рощах, на полях, на холмах и горах, при чистых реках и прозрачных источниках, уединяясь в лесах и в шумящих птичьим пением вертоградех, убегая человеческого сожительства и брачного союза, но без Бога, говорили: «без благословения Дианы». Сколько должностей, столько сродностей. Сии разные к различным должностям божественныя побуждения означались у них разными разных человек именами, своими сродностями прославившихся. Однак все сии дарования, столь различные, един и той же *Дух святой* действует. Так как, например, в мусикийском органе один воздух разные чрез различные трубки голоса про-

изводит, или, как в человеческом теле, один ум однак разнo по разсуждению разных частей действует.

А ф а н а с и й. По моему мнению, не очень погано из языческаго навоза собираеш золото. Часто загребається в горничном соре монета царская, а родник здоровейшия воды грязью затаскивается.

Я к о в. Вить басня о исполинах, воздвигших брань противу Бога, всем знакомая. Но она не перстом ли показывает на тех смелчаков, кои дерзновеннее и упрямее духу божественному сопротивляются, устремляясь с отчаянным упорством к великому, но совсем природе их не благоприличному званию. Сие сколь смердит богомерзостью и нечестием, столь напротиву того благословенное Господем дело, будто полная роза и благовонный ландыш, сокровенною дышет красотою. Сия красота называлась у древних: «Препон. *Decorum*». Сиесть благолепие, благоприличность, всю тварь и всякое дело осуществляющая, но ни коим челове-

ческим правилам не подлежащая, а единственно от царствия Божия зависящая. И кто может человека наставить к тому, к чему сам Бог преградил ему путь? Но что владеет по сродности, тое-ж разуметь должно о всех внешностей родах. Все-ж то внешность, что находится вне человека: грунт, фамилия, чин и протч. Чего хочешь ищи, но не потеряй мира. Шляхетный список вне тебе находится, а ты вне его быть можешь счастливым. Он без мира ничто, а мир без его есть нечто, без чего нельзя быть счастливым и в самом Едемском раи. Разве чаешь сыскать рай вне Бога, а Бога вне души твоей? Щастие твое и мир твой, и рай твой, и Бог твой внутри тебе есть. Он о тебе, в тебе же находясь, промышляет, наставляя к тому, что прежде всех для самага тебе есть полезное, разумей, честное и благоприличное. А ты смотри, чтоб Бог твой был всегда с тобою. Будет же с тобою, если ты с ним будешь. А конечно будешь с ним, если примиришься, задружишь с пресладким сим и блаженным

духом. Дружба и отдаленного сопрягает. Вражда и близ сущаго удаляет. С природою жить и с Богом быть есть тоже, жизнь и дело есть тоже. Слышал я мальчиком, что на европейские берега выбросила буря дикаго человека, оленью кожею обшитаго, с такою же лоточкою. Окружил сие чудо народ. Удивляется, соболезнает, притствует. Предлагает немому гостю разные роды изрядныя пищи, но он ничево не касается, сидит, будто мертв. А, наконец, как только усмотрел предложенные плоды, тот час задрожал к ним и воскрес. Сей есть родной образ верныя Господеви своему души в выборе звания.

Л о н г и н. Живо мне представляются два человека, одно и тоже дело делающие. Но от сей души рождается приятное, а от той неприятное дело. Сей самою ничтожною услугою веселит, а тот дорогим подарком огорчает. От сей персоны досада, насмешка и самое пуганье некоторую в себе утаевает приятность, а от другой самая ласкавость тай-

ною дышет противностию. Сего хула вкуснее от того хвалы... Чудо! Шило, как притчу говорят, бриет, а бритва не бериот. Что за чудо? Сие чудо есть Божие. Он один тайная дружина всему сему. Все действительным, все приятным, все благоприличным делает одно только повиновение сокровенной его в человеке силе. А противление святому сему вся дествующему духу все уничтожает. По сей-то причине искусный врач не удачно лечит. Знающий учитель без успеху учит. Ученый проповедник без вкуса говорит. С приписью подъячий без правды правду пишет. Перевравший Библию студент без соли вкушает. Истощивший в пиктуре век без натуры подражает натуре. Во всех сих всегда недостает *нечто*. Но сие *нечто* есть всему глава и конечная красота десницы Божия, всякое дело совершающая. Кратко притчею сказать: «со всем телега кроме колес». И не без толку зделали лаконцы. Они полезнейший для общества вымысел, из уст плутовских произшедший, отринули, а при-

няли из уст добросердаго гражданина, который, по прошению сейма, тое ж самое своим языком высказал. Отсюда думаю родился у них чудный сей философский догмат, ὅτι μόνον ἀγαθόν, χαλόν сиесть, «доброта живет в одной красоте. Отсюда у них же следующая пословица: «ὁμοίον πρὸς ὁμοίον ἄγει Θεός» — «подобнаго до подобнаго ведет Бог». Она учит, что неточию звания, но и высокостепенныя дружбы избрание не от нас, а зависит от Вышняго определения. Наше точию дело узнать себе, исправиться, в какую должность и с кем обращение иметь мы родились. И как сродность к званию, так и склонность к дружбе, ни куплею, ни прозьбою, ни насилием не достается, но сей есть дар *Духа святаго*, все по своему благоволению разделяющаго; и последующий благому сему духу человек каждое звание хвалит, но принимается за сродное, всякому доброжелательствуют, но дружит с теми, к коим особое Святаго Духа чувствует притяжение. Сему верному наставнику столь

усердно последовал Сократ, что и в самых мелочах его советов придерживался. Я вам недавно рассказывал, коим образом сей муж, вышед из гостей, вернулся из переулка и пошел домой другою улицею, по одному только внутреннему манию, ничево не предвидя.

А ф а н а с и й. А если бы не воротился, тогда что такое?...

Я к о в. Тоже что другим не следовавшим. Нечаянно на встречу гонимое стадо свинное всех их перемарало, как видно из книги Плутарховой о ангеле хранителе Сократовом. И нельзя поверить, что-б сей муж, находясь в беседах, не по большей части беседовал о сем премудром наставнике и главе щастия. Оттуду носится и у нас премудрая сия пословица: «Без Бога ни до порога, а с Богом хоть за море». А когда таких беседников не стало в Афинах, тогда источник, напаяющий сад общества, и родник мудрости со всем стал затаскан и забит стадами свинными. Стада сии были соборища обезь-

ян философских, кои кроме казистой маски (разумей философскую епанчу и бороду) ничего существа от истинныя мудрости не имели. Сии растлением спортили самое основание афинского юношества. Оно и вздумать не могло, дабы заглянуть внутрь себе к божественному своему предводителю. Безпутно стремились в след бешенных своих замыслов, будто олень, котораго крилами бьет по очам сидящий на рогах его орел, дабы как можно пробраться к знатнейшим званиям, нимало не разсуждая, сродны ли им те звания и будут ли обществу, а впервых, сами для себе полезными? Только бы достать блистательное, хоть пустое оно, имя или обогатиться. Судите, коликое множество там было пожаловано ослов мулами, а мулов лошаками? Тогда-то богочтение превратилось в яд, в раздоры, в суеверие и лицемерие; правление в мучительство; судейство в хищение; воинство в грабление; а науки — в орудие злобы. Сим образом воинствуя против Минервы, зделали себе защитницу свою враждебною, а республику погибельною.

А ф а н а с и й. Или я ошибся, или ты твою языческую деву Минерву не незаконно обрезал, но так, как велит обряд обрезания, дабы непорочно посвятить ее Господеви Богу нашему. Она перестает быть идолослужительною, не означая впредь тленную плоть и кровь, но служит являющемуся под именем, будто под одеянием ея, тому, о ком написано: «вы есте храм Бога жива и дух Божий живет в вас». Кратко скажу: ныне Египетская *Исус* и именем, и естеством есть тоже, что Павловский Иисус. «Вем человека...» Но скажи мне, каковы были Афиняне в то время, когда Павел к ним пришел — мудрые ли?

Я к о в. Если-бы ты перезнал все твои телесные уды, минув голову, и от самого рождения твоего, не веруя о пребывании ея, можно ли почесть тебе за знатока или за изрядного анатомика?

А ф а н а с и й. Фу!.. В то время был бы я самой изрядненькой чучел.

Я к о в. Тогда бы ты был родной Павловых времен Афинянин. Скажи мне, кая муд-

рость быть может в непознавших естества Божия? Одно тленное естество в сердцах их царствовало. Зевали они на мирскую машину, но одну только глинку на ней видели. Глинку меряли, глинку считали, глинку существом называли, так как не искусный зритель взирает на картину, погрузив свой телесный взор в одну красочную грязцу, но не свой ум в невещественный образ носящего краски рисунка, или как неграмотный, вперивший тленное око в бумагу и в чернило букв, но не разум в разумение сокровенных под буквами силы. А им и на ум не всходило сие нетленного нашего *человека* чудное *слово*: «плоть ничтоже: дух животворит». У них только одно было истиною, что ощущать можно. Глиняные душки — те их защитники. Каждое мненийцо — то их божок, а каждый божок — то их утешенийцо. Собачою охотою чествовали Диану, математикою Юпитера или Диа, мореплаванием Нептуна. Инаго Бога чтили оружейным брязком, иных великолепными пирами и уборами и

протч. Одно точию осязаемое у них было *натурою* или физикою, физика философи-ею. А все не осязаемое пустою фантазиею, без местными враками, чепухою, вздором, суеверием и ничтожностью. Кратко сказать, все имели и все разумели... кроме что, не узнав не физического, *нетленного Бога*, с ним потеряли *нечто*, разумеи: «мир душевный». А хотя чувствовали, что как-то, что-то, чем-то, таинным коим-то ядом жжет и мятежит сердце их, но оно как не осязаемое, так и презираемое было дотоль, доколь сия искра выросла в пожар не угасаемый. Бывает же сие в каждом, что хотя весь мир приобрести удастся, однак неизглаголанными воздыханиями сердце внутрь вопиет о том, что еще что-то недостает *не что*, и будто странная и не натуральная у больного жажда не утоляется. Так же-то зделалось и с Афинянами. Они чувствовали, что вся вселенная мудрость их прославляет, коею, будто богатыми товарами, род человеческий снабдевали. Но при всем том принуж-

дены внимать тайному сердечному воплю. Начали догадываться, что доселе не все-на-все перезнали и что, конечно, нужны еще какие-то колеса для коляски. Сей недостаток своего хвального и прехвального одной только Иезекиилевских колес *вечности* не понимающего разума поставленным монументом признали пред целым светом. Кроме любезнейших своих богов, кои всю их мудрость, будто ложные камни столп, почасти составляли, построили храм тому Богу, которого сияния, как очи, кровию играющий, солнечного света, понять и снести не могли. Храм тот был с сею надписью: «*неведомому Богу*».

Павел наш между множеством кумирниц сей храм приметив, ухватился за желанный повод к благовестию. Начал предисловие, что Афинского шляхетства мудрость по всему видна, но что еще *нечто* к совершенной их мудрости не достает однако, как сами в сем благородною оною надписью признаются. Сего-ж-то-де вам благовествую. Стал странник сей разгребать

физический пепел, находить в нем божественную искру и тое господственное *естество*, кое им, кроме пепелныя натуры, понятно не было, показывать, что пепелное или глиняное естество, в коем сердце их обитало, есть идол, разумеи, видимость и одно ни что, тма и тень, свидетельствующая о живой *натуре*, нетленным *словом* своим веки сотворившей, и что сие *слово* есть *второй человек* в перстном теле нашем, живот и спасение наше... И сие-то есть благовестить не тление Воскресения. Но можно-ль излечить больного, почитающаго себе в здоровых? Нет труднее, как вперить истину в глупое, но гордое сердце. Проповедь Воскресения зделала Павла нашего буйством у Афинян и игралищем у их мудрецов. Отсюда-то породились его речи: «мнящися мудры быти, объюродеша. «Где премудр? Где книжник?..» Вот сколь мудрые были Афиняне во время Павлово.

Григорий. Видно, что они Любомудрствовали так, как медведь пляшет, научен в рожке.

А ф а н а с и й. Конечно пляшет, по науке своей; и есть пословица: медведя да учат...

Г р и г о р и й. Учат, но во веки ему не уметь.

А ф а н а с и й. Почему?

Г р и г о р и й. По тому что сие дело человеческое, не медвежье.

А ф а н а с и й. Однако же он пляшет.

Г р и г о р и й. И волк в баснях играет на флавте козлионку.

А ф а н а с и й. А для чего не играть, если научился?

Г р и г о р и й. Какой сей капелмейстер, таков твой танцмейстер.

А ф а н а с и й. Иное дело басня, а медведь пляшет действительно.

Г р и г о р и й. Если ты так действительно кушаешь, как он пляшет, чуть ли и сам захотишься танцевать.

А ф а н а с и й. Как же не действительное то, что дело?

Г р и г о р и й. Без вкуса пища, без очей взор, без кормила корабль, без толку речь,

без природы дело, без Бога жизнь есть тоже что без размера строить, без закроя шить, без рисунка писать, а без такта плясать... Спроси ж теперь, как не действительное то, что дело?

А ф а н а с и й. Для чего ж забавно, когда он танчит?

Г р и г о р и й. Для того что смешно, а смешно затем, что не сродно и не прилично. И так, нет безтолковее и вреднее, как медвежая твоя пословица. Будь волк поваром, медведь мясником, а лошак под седоком. Сие дело честное. Если ж волк свиряет в свирелку, медведь пляшет, а лошак носит поноску, нелзя не смеяться. Всякая безвредная неприличность смешит. А когда уже стал волк пастухом, медведь монахом, а лошак советником, сие не шутка, но беда. Окогда-б мы проникнули, коль сие обществу вредно! Но кто может пектися о других ползе, презрев собственную? И если для себе зол, кому добр будет? Самим себе суть убийцы, борющиеся с *природою*. Коликое мучение, тру-

диться в не сродном деле? Самое пиршество без охоты тяжелое. Напротив того в природном неточию труд сладок, но и самая смерть приятна. И сия-то есть вина тому, что во всяком звании находятся щасливые и не щасливые, спокойные и безпокойные, куражные и унылые. Запри не сроднаго в уединение. Оно ему смерть. А с природою рай. Уединение для мене рай, вопиет блаженный Иероним, а город — темница. О уединение! кричит другой, ему подобен, умерщвление порокам, оживление добродетелям!... Для таковых сердец самая внутренняя пустыня тем многолюднее, чем уединеннее, а делнее тем, чем празднее; будто виноградная ягода тем в сладкой своей силе богатеет, чем варит и сокращает его солнце в полудни.

А ф а н а с и й. Зачем-же люди сунутся в звания без природы?

Г р и г о р и й. Самих их спроси.

А ф а н а с и й. Конечно охота влечет их.

Г р и г о р и й. Конечно те не виноваты, коих принуждают к сему.

А ф а н а с и й. А если охота, откуда ж им мучиться? С охотою все приятно. А где охота, там и природа. Охота по твоей же сказке есть родная дочь природы. Как же?..

Г р и г о р и й. О, крючокотворная тварь! Как прехитрый змий вьешся, развиваешся в разные свертки.

А ф а н а с и й. Пожалуй не сердись! «Яко лестцы и истинны».

Г р и г о р и й. Хорошо: выслушай же прежде басеньку.

БАСНЯ О КОТАХ

Кот из пчельника, по давней знаемости, пришел в деревню, к своему товарищу и принят великолепно. Удивлялся во время ужина изобилию. Бог мне дал должность, сказал хозяин. Она приносит на дом мой в сутки по 20-ти туш самых добрых мышей. Смею сказать, что я в деревне великим Катонем. Для того-то я пришел повидаться с вами, говорил гость и осведомиться о щастии вашем, притом и ловлею позабавиться.

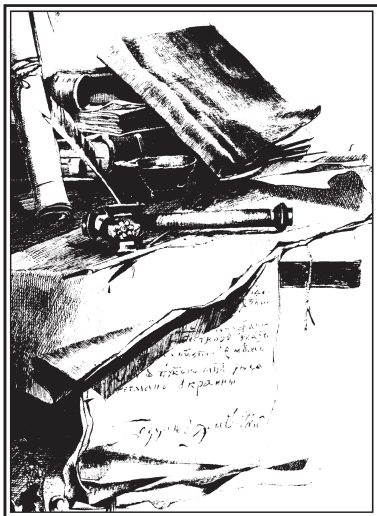
Слышно, что у вас хорошие появились крысы. После ужина легли спать. Хозяин во сне стал кричать и разбудил гостя. Конечно, вам страшное нечто во сне явилось. Ох, братец! Казалось, будто я утоп в самой бездне, а я ловлею веселился. Казалось, будто поймал самую чистую сибирскую крысу. Гость опять уснул, выпался и проснулся. Услышал вздыхающего хазяина. Господин Катон! Ужель вы выпались? Нет я после соннаго страшилища не спал. Ба! А для чего? Такая моя натура, что, раз проснувшись, уснуть больше не могу. Что за причина? Тут есть тайна... Ах, друг мой! Не знаешь, что я обовязался быть рыболовом для всех котов в сем селении. Ужасно мене беспокоить, когда вспомню лотку, мрежу, воду... Зачем же ты взялся за рыболовство? Как же братец? Без пропитания в свете не проживешь. Сверх того и сам я к рыбе великий охотник. Гость, пошатав головою, сказал: о, государь! Не знаю, в коей силе понимаешь имя сие: Бог. Но если бы ты придержался твоей природы, которую безвинно обвиняешь, был бы гораздо

одною в сутки тушею довольнее. Прощай с твоим щастием! Моя нищета лучше — и возвратился в свой лесок. Отсюда родилась причита сия: «*catus amat pisces simul odit flumen aquarum*». «Кот охотник к рыбе, да воды боится». Сие нещастие постигает всех охотников не к званию, но к доходам. Не нещастное ли разсуждение — любить от хазяина платеж, а виноград копать не быть охотником. Конечно, тот не охотник, кто не природный. Природному охотнику больше веселия приносит самая ловля и труд, нежели поставленный на стол жареный заец. На искусной живописи картину смотреть всякому мило, но в пиктуре один тот охотник, кто любит день и ночь погружать мысли свои в мысли ея, примечая пропорцию, написывая и подражая натуре. Никто не пожнет твердой славы от коего либо художества, если около онаго трудиться не почтет за сладчайшее самую славу превосходящее увеселение. А тот уже самый верный друг званию своему, если и самая доходов убиль, нищета, хула, гонение любви его угасить не

может. Многие, презрев природу, избирают для себе ремесло самое модное и прибыльное, но вовся обманываются. Прибыль не есть увеселение, но исполнение нужности телесная, а если увеселение, то не внутреннее; родное же увеселение сердечное обитает в делании сродном. Тем оно слаже, чем сроднее. Если бы блаженство в изобилии жило, то мало ли изобильных? Но равнодушных и куражных скудно. Изобилием снабдевается одно точию тело, а душу веселит сродное делание. Сиято есть зала сладчайшаго ея пиршества. Тут-то она, будто хитрая машина, в полном своем ходу обращаясь, радуется и, находясь при одном ржаном хлебе и воде, царским чертогам не завидит.

КАРТИНА ИЗОБРАЖЕННОГО БЕСА,
НАЗЫВАЕМАГО ГРУСТЬ, ТОСКА, СКУКА

Если же отнять от нея сродное действие, тогда-то ей смертная мука. Грустит и мятется, будто пчела, запертая в горнице, а

солнечный светлейший лучь, окошка окружающий, зовет ее на цветоносные луга. Сия мука лишает душу здравия, разумей мира, отнимает кураж и приводит в расслабление. Тогда она ничем не довольна. Мерзит и состоянием, и селением, где находится. Гнусны кажутся соседы, не вкусны забавы, постылые разговоры, неприятны горничные стены, немилы все домашние, ночь скучна, а день досадный, летом зиму, а зимою хвалит лето, нравятся прошедшие, Авраамские века или Сатурновы, хотелось бы возвратиться из старости в младость, из младости в отрочество, из отрочества в мужество, хулит народ свой и своя страны обычаи, порочит натуру, ропщет на Бога и сама на себе гневается; тое одно сладкое, что не возможное, вожделенное, что минувшее, завидное, что отдаленное. Там только хорошо, где ея и тогда, когда ея нет. Больному всякая пища горька, услуга противна, а постель жостка. Жить не может и умереть не хочет. Млось у врачей есть предводительницею всем телесным болезням и возмущени-

ям. А душевное неудовольствие дверь есть всем сердечным страстям и внутренним обу-
реваниям. Невиден воздух, пенящий море,
невидна и скука, волнующая душу; невид-
на — и мучит, мучит — и невидна. Она есть
дух мучительный, мысль нечистая, буря лю-
тая. Ламлет все и возмущает, летает и са-
дится на позлащенных крышах, проникает
сквозь светлые чертоги, приседит престо-
лам сильных, нападает на воинские станы,
достаёт в кораблях, находит в Канарских
островах, внедряется в глубокую пустыню,
гнездится в душевной точке...

Вить тоска везде летает
На земли и на воде;
Сей дух молний всех быстрее,
Можит нас сыскать везде.

Един вышний Отец бурю сию в тишину
обратить, управить к гавани и душу срод-
ным деланием, будто броздами и уздою буй-
ную скотину, удержать может.

А ф а н а с и й. О братец! странное вла-
гаеш во уши мои... А народ скуку нивочто

ставит и к прогнанию сего неприятеля за
чрез чурь довольное оружие почитает день-
гу, вино, сады, музыку, шутки, карты, про-
ездки...

Григорий. О друг мой! Не ничто есть
то, что возрастает в великое. Не почитай
малым тое, что ведет за собою не мелкое.
Малая в корабле скважина впускает внутрь
страшную стечь. Не думай, что невидное и
бесильное есть тоже. А народ, одно то за
существо почитая, что в кулак схватить мо-
жет, там боится, где нет страха и напротив
того. Вексель не бумагою и чернилами стра-
шен, но утаенною там обязательностию.
Бомба не чугуном опасна, но порохом или
утаенным в порохе огнем. Все невидное силь-
ное есть всего видного и от невиднаго зави-
сит видное. Скука у древних христианских
писателей названа бесом уныния. Чего сия
ожившая искра не делает? Все в треск и мя-
теж обращает, вводит в душу все нечистых
духов, ехиднино порождение. Гризущая мысль
не червь ли неусыпающий и не ехидна ли
есть? Палящая печаль или зависть не лютый

ли дух есть и не лютая ли мысль? А мысль злая не тайный ли и лютый есть язык, о коем сын Сирахов: «зубы его зубы львовы, убивающие душу». Сие столь тяжело, что лучше душа изволяет несродное и вредное бредить, нежели быть от природного дела упражненною. Отсюда всех безобразных дел страшилища и саморучные себе убийства. А когда апостол Иаков скажет, что маленькая частица язык, но, будто кормило кораблем, целым владеет телом, так не мысль ли движет и правит телом? Мелкая язычная частица есть одна видимая тень и будто шумящий воздухом часобойный колокольчик, а самая пружина и существо есть мысль. Мысль есть невидная глава языка, семя делу, корень телу. Мысль есть язык не молчный, неослабная пружина, подвижность непрерывная, движущая и носящая на себе, будто обетшающую ризу, тленную телесную грязь, прильнувшую к своей мысли и исчезающую, как тень при яблоне. Видишь ли, друг мой Афанасий, что невидное сильнее есть

всего виднаго и от невиднаго зависеть видное. К сему хору прищалкивает и Иеремия, называя человеком не телесный вид, но сердце, яко не исчерпаемое сокровище мысленных таин. «Глубоко сердце человеку... и человек есть...» (*глав. 17.*) Если сердечное око семя злое, тогда все тело злое, всякое дело приносит плоды горести. Горестному источнику грусные поточки.

Афанасий. Ты заврался дружище... Я слышал и уверен, что Иеремиино слово касается до Библии. В ней тлень образов подобна телу, а сокровенное во образах Божие ведение, подобное утаенным в теле сердечным мыслям. Яснее пересказать слово его так. Библия есть будто один человек или Адам. Глинка и тело его всяк видит, а сердце закрыто и дух жизни в нем невиден. Сие тож есть, что у Павла: «кто разуме ум Господень?»

Григорий. Узнай же прежде самого себе, тогда узнаешь и Адама с Евою. Разве нельзя мне библейнаго слова речь прито-

чить к человеку, когда вся Библия уподобляется человеку? Для того-то, сиречь, сделал пророк человека образом двоестевенная Библии, что одно в нем есть видное, второе невидное, так как сердце морское или тончайшая вода в облаце, из моря исходящем.

А ф а н а с и й. По крайней мере ты, братец, не туда заехал. «Ехал в Казань: заехал в Рязань». Течение нашей речи было о природных упражнениях, о веселии и мире, а теперь дело дошло до сокровищ мысленных; потом докотимся до сокровищ снежных, что в Иове...

Г р и г о р и й. Пожалуй не печалься! не очень в сторону заехали. Веселие и радость недалече от сердца, а сердце всегда при своих мыслях, как источник при своем токе.

А ф а н а с и й. Ну! добро быть так. Скажи же мне: для чего иной сроднее к нижшей должности и к подлейшему ремеслу?

Г р и г о р и й. А ты мне скажи: для чего иному пища простая здоровее?

А ф а н а с и й. Конечно, для того, что сроднее.

Г р и г о р и й. Так и сроднее иной к подлейшему ремеслу для того, что для его оно полезнее.

А ф а н а с и й. Для чего же, скажи мне, и почему полезнее?

Г р и г о р и й. Потому что куражнее, забавнее и веселее.

А ф а н а с и й. Ты мне только скажи, почему веселее?

Г р и г о р и й. Потому что с Богом, а без Бога ничто не веселит. О чудный ты вопросник... Вить когда сродно, тогда и с Богом. Чево ж тебе далее спрашивать? Довольно точию спросить: сродно ли, сиречь, хочет ли Бог? Воля Божия есть то верх и закон законов; не ходи далее... А ты спрашиваешь, почему сродно? Сиречь, почему так Бог хочет? А если должен он тебе дать отчет в делах своих, спроси Его и требуй в ответ: почему он землю и воду зделал преклонными долой, стремительными выпсрь? Для че-

го огонь все сжигает, кроме виссона или каменного льна обратить в пепел не родился. Почему малая рыба, названная у римлян Ремора, имеет сродность удерживать стремление корабля, прильнувши к его брюху? Почему природа дельфина любит горячо человека, но змеина ненавидит, а львиная трепещет поющего петуха?.. Природа и сродность значит врожденное Божие благоволение и тайный Его закон, всю тварь управляющий — знать то, что есть подобие в душе и в том деле, к которому она стремится, каковое равенство между другом и другом, а сходство между пищею и желудком. «Подобное течет к подобному». Царствие Божие и правда Его внутри твари есть. Никого Он не обижает, вливая закон сродностей. Один к одному, другой к другому, сотый к сотому, хотя к подлому званию или ремеслу, но не к бесчестному, а для его забавному и полезному, если устремляется с Богом, щаслив. Что бы тогда было, когда бы Бог блаженство наше заключил в одном коем-либо звании? Тогда бы счастье ограничено

было теснотою одной стороны и одного только времени. Тогда мог ли Бог в одной стране и в одном времени поместить весь род человеческий, когда каждому щастие нужно? Возможно-ль, чтоб в одном роде пищи или в двух заключилося здравие? Всемирная Божия экономия безчисленную тварь и дыхание троих точию жребиев пищею пропитать может ли? Все то одно не можно и бесполезно. Если было полезно, было бы и можно. А не могли бесполезного зделать — сие есть неизреченная сила Его и власть. Сколь же теперь премудро делается, что одной твари бывает ядом и смертию, тоеж для другой ядью и здравием. Сколько родов твари, столько родов пищи, и всякое дыхание имеет внутренний позыв к сродной себе. Когда же Отец наш небесный столько радит о тех, тогда о душе много больше.

ПРИМЕТЫ НЕКИИХ СРОДНОСТЕЙ

А ф а н а с и й. Трудно узнать свою природу, а чужую познать и того труднее. Узна-

еш, да поздно. Черепаха ошибку почувствовала, как начала лететь.

Григорий. Не поминай мне трудности в нужном деле, нельзя никак, чтоб натура нужное сделала трудным. Не нужно, сиречь не полезно, а тем-то и трудно лететь черепахе, но не соколу. Трудно, де, узнать... Да где ж тот, кто охотник узнать? Сложившему крила трудно лететь и самому орлу. Знаешь ли, что землемеры узнавают высоту пре-высокаго фарийскаго терема из одной его тени. Всякая тайна имеет свою обличительную тень. Трудно распознать между дружеским и ласкательским сердцем, но наружная тень, будто изъяснительное штекло, и самые сердечные закоулки ставит в виду острым блюстителем. Смотри, когда мальчик, сделав для игрушки воловый ярем, налагает оный щенкам или котикам, не сия ли есть тень хлебопашеския в нем души? И не позыв ли к земледеланию?... Если припоясует саблю, не аппетит ли к воинству?... Когда трех-летний отрок самовольною наслышкою пе-

ренимает божественныя песни, любит за-
глядать в священныя книги, перекидать лис-
ты, смотреть то на таинственных образов
картины, то на буквы, не сие ли обличает
тайную искру природы родившия и зовущия
его в упражнение богословское? Невидимая
его сила в нас и божество безпритворными
сими творениями разумеваема, ясно изоб-
ражается. Зачем же блаженство ограничи-
вать в одном жития роде или в двоих? Бог
везде есть и щастие во всяком состоянии,
если с Богом во оное входит. Нужно только
узнать себе, куда кто рожден. Лучше быть
натуральным котом, нежели с ослиною при-
родою львом. Гоняться в звании за дохода-
ми есть не ложный знак несродности. Не
лишишься дохода, естли будет в тебе цар-
ствие Божие в силе своей. Не чудно ли, что
один в изобилии скуден, а другой в скуд-
ности доволен? Видно, что природа больше
прилагает хитрости, вылепливая фигуру му-
рашкину, нежели слонову, и дивнейший цар-
ствия Божия промысл можно видеть в пчель-

ных роях, нежели в овечьих и воловых стадах. Бог богатому подобен фонтану, наполняющему различные сосуды, по их вместности. Над фонтаном надпись: «не равное всем равенство». Льются из разных трубок разные токи в разные сосуды, в круг фонтана стоящие. Меньший сосуд менее имеет, но в том равен есть большему, что равно есть полный. И что глупее, как равное равенство, которое глупцы в мир ввести всеу покушаются? Куда глупое все то, что противно блаженной *натуре*?.. Боимся голода, не помня, что гаразда множайшие умирают из пресыщения. Глупая грусть сама не знает, чего желает. Самое пресыщение не от скуки ли? Лучше умереть, нежели всю жизнь тосковать в несродностях. Несродность всякия праздности есть тяжелее. И легоче не ползать, нежели летать для черепахи. Не ползая, лишается точию сродныя забавы, а летая станет сверх того под не сродным бременем.

Я к о в. Слушай, Афанасий! слышал ли ты басню о дворовом псу и осле, что?..

А ф а н а с и й. Да! довольно мы третьего дни смеялись, как он, завидуя собачьим ласкавостям, спятился копытами на брюхо хозяину. Как черепахе не бывать орлом, так ослу придворным человеком.

Е р м о л а й. А скажи, которую награду получил осел, встретивший хозяина придворною ласковостью?

А ф а н а с и й. Тую что слугитель, снявший с королевского платья, в присутствии блоху.

Л о н г и н. Таковых всех точный есть герб обезьяна. Дивно, что они ее не вырежут на своих печатях. На печати Августа короля была сила: *festina lente*. Поспешай с советом. А на их печать пристало слово: дерзай хоть не к стати. Общий наш друг (вы знаете, кто мне в уме) описал басню о козлионке и о свиряющем волке, приточив к ней следующее наставление: «*tu nihil invita dices facies-ve Minerva*», сиречь, не говори и не делай ничего без благоволения Минервы. Довелось у его спросить, что значит древняя по-

словица: «без благоволения Минервы». Отвечал: не пялся к тому, что не дано от природы. Без Бога, знаешь, нельзя и до порога если не рожден, не суйся в книгочетство. Ах! многие через то в вечную пали муку. Не многих мати породила к школе. Хочешь ли блажен быть? Будь доволен долею твоей природы. Самая его аффабуляция, вот она: *tu nihil invita dices facies-ve Minerva: dua natura negat, scilicet illa fuge. Si non es natus misis, fuge discere musas. Heu! multos perdit fisula docta viros. Paucos justa parens musis Natura creavit. Esse-ne vis felix? Sorte quiesce tua.* Изрядно великая Россия говорит: «за Богом пойдешь, добрый путь найдешь». Видно, что усердно последовать Богу есть сладчайший источник мира, счастья и мудрости. Да знает же всяк свою природу и да искушает, «что есть благоугодно Богу». Общество есть тоже, что машина. В ней замешательство бывает тогда, когда ее части отступают от того, к чему оныя своим хитрецом сделанны.

СРОДНОСТЬ К ХЛЕБОПАШЕСТВУ

Слушай, Афанасий! Скажи ж теперь, кой ты зверок, что за птичка, и чем рожден?.. Мне кажется, ты рожден к земледельству?

А ф а н а с и й. Правда, что я сады, поля, леса люблю по природе, но отец мой точный земледел.

Л о н г и н. Слава Богу! Ты к сему родился за тем, что иные к иному; а они рождены к другому потому, что ты к сему. Божие сие царство есть: не спорь же. Прибирайся пахать землю, заготовлять пищу для людей и скотов, водить стада, или пчелы, или что твой в тебе Господь повелит. Небойся: самый вделании твоём труд будет для тебе сладчайший, нежели воздух благовонный, чистые вод потоки, птиц пение, нежели и самые трудов твоих плоды. Сего ожидает от тебе отечество твое. Если ж не повинешься Господеви, знай, что грусть загризет душу твою среди позлащенных палат и заплачеш, вспомнив поля зеленые. Рано скажешь, ког-

да тот день пройдет, а в вечер скажешь, когда тот разсвет будет? Или скажу тебе Мойсейскими словами: «будет живот твой висящ пред очима твоима и убоишься во дни и в нощи и не будеши веры яти житию твоему. За утра речеши, како будет вечер и в вечерь речеши: како будет утро? От страха сердца твоего, имже убоишися, и от видений очес твоих, ими же узриши». Сие то есть, жить в телесном изобилии, а лишиться душевнаго утешения, иметь Господа своего, висяща над очима твоима и не покрывающего, будто гнездо и птенцы своя, но бьющего по сердечным зеницам, как орел оленя, сидящий на рогах его.

А ф а н а с и й. Уже вы другой раз вспоминаете орла с вашим оленем.

Л о н г и н. Довелось читать, что орел оленя на пищу убить намеревая, прежде качается по песку, чтоб зассорить крила, потом взлетает на оленя и, сидя на рогах, бьет крилами по очам, поколь ударами то песком обезочит. А слепой олень быстрее

стрелы по холмам стремится и, взбежавши на стрemiны, падает в бездну и разбивается. «Блаженны слышащие слово Божие и хранящие его». Друг мой, Афанасий!..

СРОДНОСТЬ К ВОИНСТВУ

... Может быть ты воином родился?

А ф а н а с и й. Не хочу... Я не воин. Я законник. Гражданские законы знать то мое дело.

Я к о в. Дай Бог вам знать законы да и вкус чувствовать. Тать крадет, однак знает закон: «не укради».

Е р м о л а й. Что до меня надлежит, куда мне мил всяк человек в сродности своей! Не могу довольно насладиться позором, когда он действует. И его действие, как смирна, издает благовоние. И воином кто рожден, дерзай, вооружайся: с природою скоро научишься. Защищай земледельство и купечество от внутренних грабителей и внешних неприятелей. Тут твое щастие и увеселение.

Береги звание, как око. Что слаже природному воину, как воинское дело. Закалать обиду, защищать страждущую и безоружную невинность, заступать общества основание *правду* — сей есть его пресладкий завтрак, обед и ужин. Не бойся: С Богом легко тебе будет несть голод, жажду, холод, жар, бессонницу, кровокаплющая раны и самый страх смертный и гораздо легче, нежели без Его противное сему, да уразумеешь, сколь сильная природа. Сие воинское горе с Богом тебе будет во сто раз приятнее рангов и доходов твоих. Ранг носить может всяк, но дело действительно делает один тот, кто природный. Дело и без ранга делом, но ранг без дела ничто, а дело без Бога. Еслиж звание Божие презрев, пойдеш в след своих прихотей и посторонних советников, не забудь проститься на век со всем утешением, хотя бы ты схоронился в роге изобилия; не бойся умереть по телу: станешь всеминутно терпеть душевную смерть. Отнять от души сродное делание значит ее

лишить живности своей. Сия смерть есть люта. Знаю, что щадиш тело, но убиваешь душу, а сия замена есть худа. Не понимаю, к чему иметь меч, если не тое сечь, на что он выкован. И не разумею, к чему носить тело, если упадет на то терять, к чему кто им одет. Поверь, что самая Мафусалова жизнь вся пропала и самый есть ад, если не истощенна на то, к чему тебе Господь твой дал оную. Коль сладкая здравия и лет трата в главно природном деле! Тогда-то жизнь наша бывает жертвою благоухания Господеви. Опера, книга, песня и жизнь не от долготы, но от благолепия и доброты цену свою получает. Цена всему и благолепие Бог. «Красота в деснице твоей...» С Богом краткая жизнь исполняет долгия лета, а дело с ним есть само себе верховная награда.

А ф а н а с и й. Но что значит то, что говорят студенты?

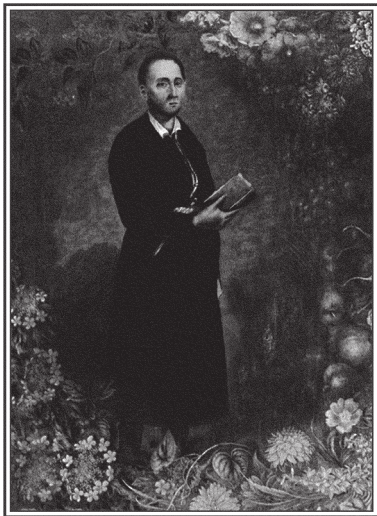
Г р и г о р и й. Правда, что наука приводит в совершенство сродность. Но если не дана сродность, тогда наука что может со-

вершить? Наука есть практика и привычка и есть дочь *натуры*. Птица может научиться летать, а не черепаха. Куда мы хитры находить выласку, где не надобно! Удивительно, что всякая тварь последует создателю предводительству. Один чрез непослушание человек глупомудрою делается мартышкою, засмотревся на слепую моду, не на мановение прозорливия природы. Кто зовет в леса и сады род соловьев и дроздов, на поля жаворонков, а жаб в воды и болота? Кто ведет речные потоки к морю? Кто влечет к магниту сталь? Кто устремляет дрожащий пламень выпрь? Сей есть *Бог* наш всеми царствующий и всем все домостроящий. Все то сносное, что природное, и *симпатия* значит природную сносность, касающуюся к дружбе, к пище, а паче всего к избранию звания. Если кто щасливо живет в изобилии, не потому щаслив, что в изобилии, но что в изобилии с Богом, а без Бога гораздо его щасливее природный нищий. Не все рождены к изобилию. Если

математик, медик или архитектор щаслив, конечно, щастие тое зависит от природы, родивший его к тому. А без ея он бедная и смешная тварь. С Богом святым низкое возводится, а без Его низводится и высокое. Щастие наше внутрь нас... пускай никто не ожидает щастия ни от высоких наук, ни от почтенных должностей, ни от изобилия... Нет его нигде. Оно зависит от сердца, сердце от мира, мир от звания, звание от Бога. Тут конец: не ходи далее. Сей есть источник всякия утехы и царствию Его не будет конца.

СРОДНОСТЬ К БОГОСЛОВИИ

Да умножит же Господь царствия своего благовестники! Да возобновит время, написанное у Исаии: «иже до конца не премолкнут, поминающе Господа». Да вострубят и возопиют те, о коих сам милостиво изволит спрашивать: «кии суть, иже яко облацы летят и яко голубы со птенцы ко мне?»

Да возсияет всевожденнейший день оный!
«Светися! Светися! Иерусалиме!.. Се тма
покроет землю и мрак на языцы. На тебе
же явится Господь». Сии проповедники, как
из червячков пчелы, рождаются из студен-
тов. Студент ли ты рожден, смотри ж, так
ли оно? Ты может стать червячок, но под-
ложный: из сих рождаются трутни. Они в
начале с великим шумом ведут свой хор но,
наконец, бывают постыдны и изгнанны из
дому Божия. Несколько ты может быть к
сему родился, но главное твое рождение
для инаго дела. И как быть можеш пропо-
ведником, находясь сам царствию Божию
противником? Внемли ж себе, испытай опас-
но. Осмотрись исправно, а если оно точно
так и не тщеславие, ни прибыль, но сам
Господь тебе зовет врожденною к сему де-
лу любовь, ступай в след Его и приби-
райся к званию. Оставь все дела. Для того
ты к сему рожден, что другие к другому.
Бегай молвы, объемли уединение, люби ни-
щету, целуй целомудрие, дружи с терпени-

ем, учись священным языкам, научись хоть одному твердо и будь в числе наученных для царствия Божия книжников, о коих Христос: «всяк книжник научивыйся царствию Божию»... Вот для чего сии книжники учатся языкам. Небойся! Голод, холод, ненависть, гонение, клевета, ругание и всякий труд не только сносен, но и сладостен, если ты к сему рожден. Господь твой сила твоя. Сие все сделает тебе острее и крилатее. Устремление природы, будто ключевой поток или пламень, быстрее рвется чрез препятствия. Привитайся с древними языческими философами. Побеседуй с отцами вселенскими. Наконец, пойдеш в землю Израильскую, в самый Вифлеем, в дом хлеба и вина, в священнейший храм *Библии*, поя с Давидом: «возвеселихся о рекших мне»... Коль опасно входить в сей чертог! Имей одеяние. Омой руки и ноги. Потом садись за бессмертный стол сей. Но берегись! Не теснися в солонку с господином. Помни: не твоя плотская, но Господня есть трапе-

за. Сохрани тебе Бог! Умреш, если будешь есть кровь. Еж кровь и плоть Господню, а не твою. «Да благо тебе будет и угодно будет пред Господом Богом твоим». Понимай, но от Господа кушай, но для Господа насыщайся, но пред Господем. Коль многие жрут, но пред собою, не пред Господем. Не дай тебе Бог вкусить от древа смерти! «Разумей, яже глаголю...» Премудрость Божия безспорно, что на наших улицах и среде наших стезь, будто лествица утверждена на земли стоит, но на высоких краях и на острейших остнах и на горних горах почи- вает. «Исходы ея исходы суть живота и кто взыдет? Един Господь уготовляет хотение». Коль о многих причастниках можно сказать с Иеремиею: «близь еси ты, Господи, устен их, далече же от сердец их». Печись прежде всего уразуметь, что значит вера. Нет нужнее ея. Но знай, что нигде ее не найдеш, если не выроеш искры ея прежде внутри себе. Узрев ее, ведай, что начал ты соединяться с тем: «Господи, очи твои

зрят на веру». И если не больше оныя в тебе будет, как зерно горчичное, тогда щасливо внийдеш в седмистолпный дом *Премудрости Божия* и насладишься на горнем месте высоким умом божественного слова, плотию твоею облеченного, *от Его ж* самого научаясь. В тридцати летех утро истины светить начинает. В сих летех крещение *Христово*, отворение небес, снисхождение Святаго Духа. «И той бе яко лет тридесят». В сем возрасте у жидов ставили во священники. Если уже призапасся хлебом Христовым и собылось на тебе износить от сокровища своего новая и ветхая, в то время можеш уделять друзьям, благодетелям, ближним и дальним. Долго сам учись, если хочеш учить других. Во всех науках и художествах плодом есть правильная практика. А ты, проповедуя слово истины Божия, утверждай оное непорочного жития чудесами. Нельзя построить словом, если тое ж самое разорять делом. Сие значит давать правила для корабельного строения,

а делать телегу. Без святости жития корабельным мастером, может быть, можно сделаться, но проповедником никак нельзя, разве мартышкою его. *Начало* и конец званию сему, природная сила его и печать есть *страх Божий*, всю нечистоту изгонящий. Сей есть *дар Божий* и ключь данный от *Господа*. Он один отверзает вход в *дом Давидов* и в те библейныя внутренности: «в сокровищах спасение наше. И отверзет — и не будет затворяющего, и затворит — и не будет отверзающего». Всегда бывает скудное число охотников к Божией истине. Сие да приводит тебе не в негодование, но в сожаление. Берегись сребролюбия. Помни, что туне приял еси. Весь твой труд ничтоже есть в сравнении дара сего. Кой ты мне богослов, если сребролюбец? Не думай, что до иных касается слово сие, кроме тебе: «воззрите на птицы небесныя»... Пускай другие собирают, а твоя часть будь Господь. Имея пищу и одеяние, тут все твое довольство телесное. Богатей и собирай день

от дня богатство славы Божия. «Всех отщепеных», говори с Павлом, «да *Христа* приобретаю». Авось-либо достигнешь в силу совершенного воскресения мертвых, в землю обетованную, в лето Господне приятное, и в 50 лет жития твоего получишь всеобщее от всех твоих души и тела твоего долгов разрешение и полное просвещение тебе и ближнему твоему.

А ф а н а с и й. Приказное дело подлинно трудное. А и сие не без тово...

Я к о в. А я верю, что самый тесный, жесткий и крутой путь бывает легким, если сам Бог указывает дорогу к намерению. И конечно указывает тому, кого родил к сему.

ХОР ПРИРОДНЫХ БЛАГОВЕСТНИКОВ

А ф а н а с и й. Да где ж он таков? Покажи хоть одного.

Я к о в. На вот тебе один! «В труде и подвиге, во бдениях множицею, во алчбе и жаж-

де, в пощениях многаши, в зиме и наготе»... Пробеги 11-ю главу Второго письма к Коринфянам и удивишься природе его, все горести улаждающей. Чего не терпит воин или купец? Не сыщешь дня без тмы и света, а года без зимы и теплоты. Не найдешь и состояния, чтоб оное из горести и сладости не было смешенное. Так весь мир стоит. Противное противному способствует. Сладость есть наградю горести, но горесть мати сладости. Кто хочет пожинать сладость, да любит прежде горесть: и уродится сладость, а любит природный.

А ф а н а с и й. Сказуют, в Норвегии день без тмы и света бывает.

Л о н г и н. Кто ж был природнее как сей? «Аз на сие родихся, да свидетельствую истину». Утружен от пути, сидит при источнике и голоден и жажден. 12 часов у них в день щиталось. Уже велось около полудня. «Бе яко час шестый». Не было с кем завести беседу о царствии Божии. Пришла жена за водою. Вот и случай! Просит пить не для

утоления жажды, но для заведения беседы. Вода стихийная подала повод говорить с не-
смысленною женою о воде живой, о воде
Божией, утоляющей жажду несчастных не-
сытостей, день и ночь душу нашу беспоко-
ющих, о коей Исаия: «измойтесь и чисты
будете». Не устыдился, ни поопасался *муж
Божий* со слабым полом богословствовать,
авось либо приведет ее в истинное из суе-
верия богочтение, ни к полу, ни к статью,
ни к сторонам, ни к местам, ни к временам,
ни к обрядам, кроме одного сердца не при-
вязанное, и откроет очи ея к уразумению
естества Божия, утаенного в стихиях, на по-
добие ключевой воды, в земном сердце со-
крываемой, коея жаждет Давид: «кто мя на-
поит водою?» Возвратились друзья с пищею
и, зная, что он ничево еще не ел, просят,
чтоб покушал: «Равви, яждь». Моя пища,
сказал Учитель, есть, да сотворю волю по-
славшего мя. И голоден, и жажден, и не ве-
сел, если не делать и не говорить о том, к
чему Отец небесный Его родил и послал.

Тут Его и пища, и питье, и веселие. Учит в сонмищах, учит в домах, учит на улицах, учит в корабле, учит на траве зеленой, на горах и вертоградах, и на месте равне, стоя и сидя и идый, и ночью и днем, в городах и селах, в разных пределах каждого и народ мног зело. В несродное себе дело не мешается. Учителю (просил Его некто) поговори брату моему, чтоб дал мне часть наследия, пускай мене не обижают. Он тебе послушает... «Человече! Кто мя постави судию или делителя? Мое дело учить о царствии Божии». Каково ж учил? Был ли Бог с ним? Я закричу, возвысив глас, с женою, слышавшею Его. «Блаженно чрево, носившее тя»... Удивлялись народы, яко николи же бе тако во Израили и никогда так не говорил человек: столь великая от уст Его исходила приятность.

Яков. Вот вам еще один природный! Говорит Бог к Мойсею: «Аз есмь сый»... И посылает его в посольство, а он отрекается. «Молюся ти Господи, не доброречив

есмь». Диво, сколь не торопко принимается за должность. Знал он свои дарования, видел в купине сияющую истину, однак сам себе не верит, дабы паче чаяния, принявсь за не сродное, не завел в безпутное народ, а себе в погибель. Да и как не опасно подрядиться показать утаеннейшую естества Божия истину, ввести в землю таковой же природы, развязать заплутанный в людях путь к точному благополучия центру? Сие значит испытывать себе. Может статься, что рожден кто быть воином, но пешим, не конным, быть хозяином, но не пахать и не скот водить, быть купцом, но не золотыми торжить товарами, быть учоным, но не Евангелия проповедником, пущай же и сим, но писателем, не оратором. И конечно-бы не отважился без сего гласа: «ныне же иди и снийди и возведи люди». И так, чувствуя руку Божию, пошел за приветствием Иофора, тестя своего. «Иди здрав». Здравие и мир души нашей есть последовать Господу. Каков же был проповедник? Слушай

самого Бога. «Почто не убоястесь глаголати на раба моего Мойсея? Не воста к тому пророк во Израили, яко же Мойсей. Не отемнесте очи его, ни истлеста устне его».

Ерм о л а й. Кто дерзнет из числа проповедников исключить светилника слова, чрез всю жизнь гласившаго сие: «покайтесь...» Не был он свет, но имел и любил в себе свет, свидетельствовал и ходил во свете, окончив в нем и за него течение жизни своей. Свидетельствовать о свете значит благовестить истину, правду и царствие Божие внутрь нас. Проповедует в пустыни, благовестит, кому может и в селениях, сей до конца целомудрие возлюбивший пустынножитель. «Бысть человек послан от Бога». Вот свидетельство о сродности его, но он и сам о себе признает: «да явится (Христос) Израилеви, сего ради приидох»... Каков же проповедник? Сам Господь одобряет. «Не воста в рожденных женами болий. Мнози о рождестве его возрадуются».

Я к о в. До сего рода надлежат все пророки. Иной из них вопиет: «бысть слово Гос-

подне ко мне». Иной: «бысть на мне рука Господня». Иной: «Господь посла мя прорещи». Иной: «слышах глас словес Его». Иной: «слух слышах от Господа». Иной: «рече ко мне Ангел глаголяй во мне: востани и иди, и проповежд, рцы Сыне человець». Зде сии святыи Божии не были из числа тех: «не посылах пророки, а они течаху. Не глаголах к ним и тии пророчествоваху. Не слушайте словес пророков. От сердца своего глаголют, а не от уст Господних».

Григорий. Вот вам еще дюжина рожденных к проповеди! «Призва, их же хотяше Сам, и приидоша к Нему, и сотвори дванадесяте; да будут с Ним и да посылает их проповедати и имети власть целити недуги и изгонити бесы. И нарече Симону имя...» Искаротский тут же. Да познает, что не возможно, дабы между сродными не нашелся не сродный и напротив того, да устрасит нещастная сего ученика дерзость всех, по сребролюбию и тщеславию, устремляющихся к делу Апостолскому. И сие то значит: «призва, их-же хотяше Сам».

Видно, что не от смертных сие зависит. Сам призывает, сам посылает и имена дает. «Их же и Апостолы нарече». Даются Симону и Савлу новые имена. У смертных часто именем величаются не имущие существа Его. У Бога не так. У Его имя и существо есть тождеством; как только назвал, так вдруг и естество дал. Как только сказал: да наречется свет! Разумей: «да будет свет!» Когда слышим: «апостолы нарече, разумей: вы есте свет миру». Быть и называться разделяет наша ложь, а не Божия неразделная истина. Если дана свыше твердость алмазу, прозрачна зелень смарагду, если сапфир родился с голубым, анфракс с блистательным, как огонь, сиянием; назови, как хотиш, но естества его не тронеш. Что ж сильнее — Бог ли, или ты, называя сущее не сущим и противляйся Богу, «животворящему мертвые и нарицающему не сущая у тебе, яко сущая у себе»? Бог раждая вливает существо, силу и естество, а сим самым нарицает. Пустое имя без существа подобное вино-

градному гроздью, на стене живописью хитро изображенному. Он покрашен видом сущаго грозда обманывает, обещая сокровенный внутрь себе зрелый вкус сладкаго муста, а безразсудныя птички прилетывая бьются в немую стену. Если чем-то хочешь славиться, будь по естеству тем. Бытие и слава имени, как доброе зерно с ветвями, как источник с потоками, как солнце с лучами, есть неразделное, а тщеславие, как трава на кровлях растущая, прежде исторжения сохнувшая. Но от тебе ли зависит взять бытие? Можешь ли быть служителем при боку его? Не можешь ни чрез себе, ни чрез другаго. Вот кто силен! «И сотвори дванадешате, да будут с ним». Сотворить, призвать, назвать, послать, дать власть зависит от рождения, а сие от царствия Божия. Теперь отгадай, что значит: «Павел зван Апостол». Да и кем? Ни от человек, ни человеком. Но *Иисус Христом и Богом Отцем*. Нельзя было не позвать на то рожденнаго. «Бог избравый мя от чрева матери моея»... Как можешь це-

лить недуги, не имея власти? Откуда ж власть, когда ты не послан от Бога? Как послан, если не наречен? Как наречен, если не зван? Как же зван, если не на то рожден? Вспокойся, не твое дело. Чуть ли ты не брат нахалу тому: «Учителю! Иду по тебе». Скажи мне, откуда толикий безбожия поток? Откуда суеверия, лицемерия и ереси? Откуда у христиан ругательство священных Библии? Где рачение сладчайших дружбы? Где согласие дражайшего мира? Где живость сердечного веселия? Кто безобразит и растлевает всякую должность? — Не сродность. Кто умерщвляет науки и художества? — Не сродность. Кто обезчестил чин священнический и монашеский? — Не сродность. Она каждому званию внутреннейший яд и убийца. «Учителю, иду по тебе». Иди лучше паши землю или носи оружие, отправляй купеческое дело, или художество твое. Делай то, к чему рожден, будь справедливый и миролюбный гражданин и довлеет. «Учителю, иду по тебе». Не ходи...

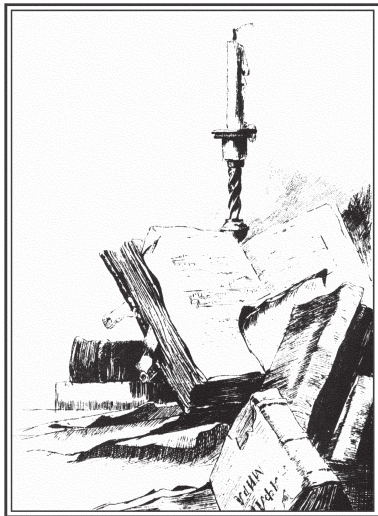
Сего не довольно, что ты остр и учон. Должно быть другом званию, не любителем при- были от него. Сему одному не будет долж- ность орудием лакомства. Разве не учон Симон волф? Волф значит мудреца. Разве не был остр? Вся Самария проповедывала: «сей есть сила Божия великая». Схватила мудреца лихорадка иметь Духа святого и подавать людям по Апостольскому. Что ж сему востряку отвечает Петр? «Несть ти части... Сердце твое несть право...» Дать и взять для сребра должность равная беда. С таковым сердцем, хотя врачуеш страсти и изгониш бесы, не радуйся. Хотя Ангел- скими языками проповедуеш, не годишься. Пускай многие народы на золоте напишут: «Сей есть сила Божия великая пустая пус- тошь». Если, по пословице, на должность мостишься, как коза на кровюю для того, чтоб чрез нея вскочить на кучу избытка- го тщеславия, видно, как в зеркале, что ты не к должности усерден, а посеми и не рож- ден, следовательно и не записан на небе-

сех, разве у людей. Не слыть у людей, но быть благовестником с Богом и у Бога сие есть делно, как написано: «бе Бог с ним». «Радуйтесь, яко имена ваша...» «Учителю, иду по тебе». Вижу в тебе корень желчи и горести. Вижу в сердце твоём семя сребролюбия. Не обновлятися Духом Святым, но что-б торжить сим сокровищем и повесть себе великолепно, сего ради бешенно желаеш божественным знанием прославиться. «Покайся о злобе твоей». Куда нелепой вздор — лесницу, возводящую от земных подлостей, обращать на снисхождение в бездну. Не сие ли значит данным для живота хлебом задавиться? «Шед удавился». Если любиш прибыль, ищи ее приличным путем. 1000 на то пред тобою благословенных ремесл. «Учителю, иду по тебе». Иди... и будеш естества лишенный чучел, облак бездождный, прелестная денница, сатана, с небесной должности к подлым похотям падший, «имже мрак темный во веки блюдется».

Лонгин. А иной рад бы убежать с Ионою, но влечет Бог: «востани и иди в Ниневию и проповеждь». К иному сам говорит Господь: «ходи в след мене». По крайней мере дай погребсти отца... «Остави...» Не пускает и проститься с домашними. И подлинно. Управляеш ли ралом? Не осматривайся назад. Родился ли в проповедь? Брось все житейское. А иначе и природный не годишься. Пушай всяк дело свое знает. Ты же возвещай царствие и старайся быть в числе сих: «блаженны очи видящи, яже видите». А дабы получить мзду сию, нужно прежде поработать в Божием винограде. К природным говорится: «идите в виноград мой». Коль скудное число сродных делателей! Отводит их лукавый мир, пленив плотскими науками и книгами, славу и прибыль обещающими, отвлекая от безвестных невесты оных: «вся слава дочери царевы внутри». Если кто почувствовал обман, да не стоит на пути чуждем, да спешит в виноград и да слышит: «что стоите праздны?» *Виноград*

Господа Саваофа есть Библия. Ум остр во многих, ноне обучились рассуждать. Иные имеют обученны чувства долгим учением, но не имеют неутомимой охоты. Сыщеш и охотников, но связанны житейскими печальми. Найдеш и вольное сердце, но без страха Божия. Все сии сродства без природы мертвы, но и природа без них безоружна. Видите, сколь трудно поднять змия, как обещал Господь: «змия возьмут». С помннутых 4-х средств нужнее страх Божий. «Блажен муж, иже в премудрости умрет». Но там же сын Сирахов сказует: «бояйся Господа сотворит сие и держайся закона, постигнет ю». Однако нужно иметь и вольное сердце, по Его ж слову: «умалаяйся деянием своим, упремудрится». Сие он твердит и в другом месте: «дела правды Его кто возвестит?» «Умалаяйся сердцем размышляет сия». Умалаяйся сердцем и деянием значит тоже.

А ф а н а с и й. Разве же сердце и деяние значит тоже?

Л о н г и н. А ты доселе не знаешь, что сердце есть мыслей бездна? А мысли семена и источник действиям? Умаляющееся сердце значит не заросшее тернием житейских печалей и дел, а готовое к снисканию правды Божия: упразднитеся и уразумейте. Посему-то вседушный искатель бывает нищ, воздержан и пустынолюбный. Для сего добрый книгочий книгочтению учится, а добрый схоластик от дел упражняется. Скажем с сыном Сираховым: «чем умудрится держай орало?» Мысли его и разговоры о быках, о нивах, о скотском корме. Тоже разсуждать о протчих. Правда, что общество без них не населится, но быть они не могут в совете, все в порядке содержащем. «Точию де вдающий душу свою и размышляющий в законе Вышняго премудрости всех древних взыщет и в пророчествах поучатися будет, повести мужей именитых соблюдет и во извятия притчей совнидет, сокровенная притчей изыщет и в гадании притчей поживет, посреде вельмож послужит...» Для сего не велит Гос-

подь Аарону иметь грунт. «Аз часть твоя и наследие твое». Да блюдут Скинию, да роют священные книги.

А ф а н а с и й. Итак бедные твои проповедники остаются нищими?

Л о н г и н. Совсем нищими, чтоб были готовы. Но сии нищие благовествуют. Сам Господь учит им. «Приступиша к нему ученицы Его и отверз уста своя, учаще их». О сих-то умалающихся сердцем и деянием сказует: «блаженны нищии духом...» Они-то плачут, алчут и жаждут царствия Божия и правды Его, кротки, лишены, гонимы, поношаемы, но имеют же мзду свою с Петром: «сребра и злата не имам...», и со Иисусом Сираховым: «даде Господь язык мне, мзду мою и тем восхваляю Его». Послушай, вот нищий хвалится мздою! «Уготовися мне венец...» Куда охотник до премудрости был сын Сирахов! «Еще юн сый, прежде неже странствовать ми, исках премудрости яве в молитве моей». А сии слова не чудною ли дышут горячностью? «Боряшеся душа моя о ней». «Возвеселися сердце мое о ней». «До

последних взыщу ея...» «Пред успеяние бысть мне в ней...» Но живее всего изображает сродность его сие: «даде Господь язык мне мзду мою и тем восхваляю Его». Видно, что не для кошелька учился, не было ему любезнее, как достать его с Исаиею: «Господь даст мне язык научения...» И с тоєю: «мед и млеко под языком твоим». «И начаша глаголати иными языки...» Сию премудрость, познавающую и любящую Господа своего, называет Соломон долгою жития, древом жизни, верою, правдою, миром, молитвою, богатством и славою, красотою молодцам, а старикам сединою. «Лепота юным, премудрость слава же старым седины».

НЕСКОЛЬКО СИМВОЛОВ, СИРЕЧЬ,
ГАДАТЕЛЬНЫХ ИЛИ ТАИНСТВЕННЫХ
ОБРАЗОВ, ИЗ ЯЗЫЧЕСКОЙ БОГОСЛОВИИ

Не хочется мне с вами растаться. Забавно для мене сказал тот, кто дружескую в путешествии беседу назвал возком. Жизнь наша есть путешествие.

Григорий. Прошу из сада в мою горницу... Правда, что дружеская беседа есть возок, путника облегчающий. А тем он лучше, когда катится на колесах пророческих. *О колеса! О сладчайшая вечность!* Щаслив, кто взор свой приобучил к светозарному твоему блистанию. Сей почаще взглядывает и вкушает от тебе. Вот точная манна! А зерно ее мелкое, как кориандр, разными любителям своим приятностями вкус услаждает. Как дражайший алмаз, мечет в очи молнию разного цвета. Кто хочет облегчить несытость свою без ея, тот чает горстью песка забросать бездну океана, а каплею прохладить огненное царство, обещая душе своей пространную роскошь, заключив ее, как орла, в тесную яскиню и не разумея, что

Бездна Дух есть в человеке,
Вод всех ширший и небес.
Не насытиш тем во веки,
Чем пленяет мир сей весь.

Но чувствуя жало ея, наставляющее нас, в выборе пищи, дружбы и звания, пома-

леньку узнавать ее, будто из букваря, обучаемся.

А ф а н а с и й. Ба! Откуда у тебе столько новых картин? Смотри: вся горница ими одета.

Я к о в. Не удивляйся: разумным людям мудрая картина есть планом, представляющим обширность целой книги. Картина есть книга немая, но, как вижу, здесь они не немые, все говоры.

А ф а н а с и й. Тфу! Они все, как вижу, языческая грязь...

Г р и г о р и й. Пересмотрите, для сего я вас позвал. Но не ругайте. Они мне все любезны.

Е р м о л а й. Если бы в твою горницу пришел младоумный христианин, почел бы тебе идолочецом.

Г р и г о р и й. Чистое небо не боится молнии и грому.

А ф а н а с и й. Что за вздор? Вкруг звери, птицы, леса, горы, скоты, воды, рыбы, гады и протч. и протч. Будто рай поганский.

Григорий. Я с Петром Св. все сие режу и в сладость с Богом кушаю; с ним ничто же есть скверно.

Афанасий. Пожалуй не все глотай. Пожалей хоть гор с деревьями. Посмотрим на первую, что над дверьми. Что за птички сидят на цветущих ветвах?

Григорий. Соловей с своими детьми; учит их петь.

Яков. А прочитайте, что говорит картина?

Григорий. «Родители суть наши лучшие учителя». Судите, не прекрасная ли песнь? И не должно ли почитать предков наших законы? Известно, чего учит нас мать наша Библиа.

Ермолай. Взгляньте сюда. О бедненькой олень: с вонзенною в тело стрелою страждет возле холма; пол стрелы в язве; пропал он. Кто пособит?

Яков. Не бойся! Разве не видишь, что траву кушает? Она ему выгонит вон стрелу. Сия трава у древних еллинов звалась: λένταμνος.

Ерм о л а й. И так стрелец ничево над ним не успел? Хотел бы я знать, кто его учит целбы сей?

Я к о в. Разве не видишь? Что сей тебе говорит олень? *Природа* превосходит науку. Вот кто его учит! Самый лучший учитель.

А ф а н а с и й. А протолкуйте мне, что это за пирог что-ли?..

Л о н г и н. Где тебе пирог; конечно, сего дня мало ты ел. Это раковина, или черепашка, или устрица. Откушай ее, она говорит самое премудрейшее: «ищи себе внутрь себе». Все ее добро внутрь черепа сохраняется.

А ф а н а с и й. О, право вкусная черепашка... Ба! да ты, братец, и слона кушаешь?.. Хлеб да соль...

Г р и г о р и й. Нет ево вкуснее и здоровее. И вас милости просим. Он мене укрепляет искать щастия в Боге. А дабы я Бога искал внутри себе самага, к сему оправляет мене устрица моя.

А ф а н а с и й. На что ж он в гору поднимает хобот?

Л о н г и н. Ожидает поздравить восходящее солнце. Вон смотри! Лучи из-за гор выникают. Описатели зверей пишут, что слоны каждый день громадою собираются пред восходом солнца и смотрят на восток. Не живой ли сей образ человека благочестиваго? А для чего не уподобить его слону, если пророк Малахия уподобляет быку? «Возсияет вам боящимся имене моего солнце правды и исцеление в крылах его. И изыдете, и взыграете, якоже телцы, от уз разрешенны».

Г р и г о р и й. Прочитайте ж слоново поздравление солнцу: «за утра предстану ти и узриши мя. Не пребудут беззаконн. пред очима твоима».

А ф а н а с и й. Я люблю горы, дубравы, источники, вертограды...

Е р м о л а й. Кто се таков? Какой-то молодчик. Конечно пить хочет. Наклонился к источн.(ику)...

Я к о в. Вот несчастный Нарцисс! О, бедненькой! Конечно он не раскусил сей притч.(и): не красна изба углами, а живопись красками. В чистом источнике засмотрелся на благооб-

разную свою кожу, а не вникает внутрь, в самое сердце свое, и в тайное руководство *блаженныя натуры*, могущия его наставить на путь мира; тем губит себе, что любит себе.

Л о н г и н. Нарцысс изрядная статуа и живая фигура чтущих Библию, но одну в ней тлень свою видящих, а не проникающих в сокровенное под тлению, не слышащих Мойсея: «слыши Израилю!» «Воньми себе, внемли себе...» «Господь Бог твой по среде тебе».

Г р и г о р и й. Не узнав себе, как узнаешь Библию? Кто дома слеп, тот и в гостях. О Нарцысс! Премудрая твоя песенка, но не разумеешь ея; я ж твою песню воспою тебе же. Узнай себе. Заглянь внутрь.

А ф а н а с и й. Воля ваша, не могу узнать сего хвостатаго зверя: бежит и оглядывается, схож на волка.

Я к о в. Бобр, отгриз сам себе ядра, бросив, убегает. Вон, смотри! Охотники гонят его.

А ф а н а с и й. Но чтож он, дурак, портит сам себе?

Я к о в. Охотникам нужны одни его ядра для аптекарей. Ничего не щадит, только бы

успокоить себе. Вот песня его: «только бы не потерять сердца».

А ф а н а с и й. Не очень глупа замена. Весь мир не заплатит успокоения сердечного. «Веселие сердца — живот человеку». Взгляните на горящую свечу. Что она значит?

Л о н г и н. А вот видиш: летает около свечи ночной метелик.

Е р м о л а й. Разве он любит свечу?

Л о н г и н. Возможно-ль, чтоб ночной твари нравился свет?

Е р м о л а й. Кой же бес несет его к не-сродному? Разве надеется от товарищей награждения, если угасит свет, очи их ослепляющий?

Л о н г и н. Может быть и то, но прежде сам ожжется. Вот прочти в низу ему награждение: «охота моя погубляет мене».

А ф а н а с и й. Смотри! Собаки на горе рвут оленя... Но сей олень, в человеческом одеянии; что за вздор?

Я к о в. Бедный Актеон превращается в оленя. Вот при источнике моется с служанками Диана. Она его переделала в зверя,

чтоб охотника свои ж собаки загризли. Зачем ему итить из селения? Не к стате ему видеть чистую деву. Дал бы Бог, чтоб сие басню раскусили монахи! Не всяк рожден к уединению и умозрению. Праздность, грусть, тоска, ах многих погубила! Олень есть та ж скотина, только, что в лесу живет. *Библиа* есть тоже что сфинкс. Она портит и мучит не познавшего самого себе и слепца в собственном доме своем. Древний дурак Иксион ухватился за пустой облак, осеняющий сестру Диеву, вместо ея. А на Актеона, вместо сладчайшия Дианиной любви, попала месть и клятва потопнаго языка. Вот что делают: «враги человеку домашнии его».

Лонгин. Здесь тщеславный Фаетон с шумом и с колесницею с небес низвергается. Достоин! достоин... Сел не на своем месте, презрев совет отческий. «Досаждение мужа смиряет». (*Притч.*) Досаждение значит противиться отцу. Сей подобен Иаковлю сыну Симеону, отцовское ложе осквернившему и от отца проклятому. Да внимают сие начальны заседающие в звании; пускай раж-

жуют и те, кои тщатся с своею грязью на колесницу Божию, рожденную возить одну точию, вечность киота Господня.

Ерм о л а й. О прекрасный холм приосененный! Что за птички сидят на сухих ветвах?

Л о н г и н. Песня сея птицы дает знать, что пустыннолюбная горлица с своими детьми воздыхает о своем супруге. Песнь ея из Исаии: «воспою возлюбленному песнь». Вот под деревом лежит ея любезный мертв! А от его богатый ключ качает струи вод под гору на луга... Сей есть портрет Библии. Сия колесница одного носит, а сия вдова одного точию любит и воздыхает: «Бог любви есть».

Г р и г о р и й. Скажи мне, Афанасий, чего ты все смеешься? Я давно приметил. Что тебе смешно?

А ф а н а с и й. Смеюсь твоим купидонам. Ты их множество собрал, помешав дело с бездельям, а христианство с язычеством.

Г р и г о р и й. Не опасайся, друг мой. Вся чиста чистым. Баснословныя древних мудрецов книги, есть то самая предревняя бо-

гословия. Они так же не вещественное естество Божие изображали фигурами, дабы невидимое было видимым, представляемое фигурами тварей. Скажи, каким образом изобразишь мне нетленного Духа существо, если не младенцем крилатым? Крила его значат непрерывное всю вселенную движущее движение, а младенство намечает в нем то: «ты же тойжде еси...» Может быть отсюда у родитель и имя сие Бог, что движения вселенную движущаго так как реки текущая есть бег непрерывный. Если сие изображение хулишь, скажи мне, много ли ты разумеешь Лотово с дочерьми пьянство? Иероним называет сие баснею. И, конечно, она тайно-образная, если богословская. Всей Библии предметом сам только один Бог. Тут ей конец до последняя черты. Без Его она и лжива, и дурна, и вредна, а с Ним вкуснее и прекраснее всех невест. Он свет ея грязи, как честь алмазу блеск. Ты же слышал, что и Малахиа поминает какия-то божественныя крила: «исцеление в крилех его. Яко орел покры гнездо свое». И невеста о братней

любви скажет: «крила ея — крила огня». Купидон знает желания. Еллински Ерос. Мудрецы их означали сим тое, что самое любезнейшее в мире и благороднее. Не знаю, другой, что такое разумеешь чрез сие слово, а мне дай волю разуместь с невестою того: «гортань Его сладость и весь желание». «Бог любви есть». Были и тогда, и ныне, и всегда мудрствующие подло. Если называешь купидона бесом, не спорю... Дай же мне в сем рыкающем льве, сыскать сладость сота, а в исполине корысти. Разве ты никогда не слышал, что такое к просвещающемуся Иерусалиму вопиет Исаия: «изъсеши млеко языков. И поймут их языцы и введут на место их, и наследят, и умножатся на земли Божии». Видишь, что Израиля и языцы водят на место его. Если ж сего не знаешь, то конечно слышал то: «аще и что смертно испиют, не вредит их». Всякая ж фигура есть смерть и яд языческий, если не исходит из нея Дух *Того*: «в воню мира твоего течем. Гортань Его сладость»... Просвещенное Духом Господним сердце взором маленькой

травки и крошечного червячка возводится к чувству *вечного*, будто уксусное гнездо, все влитое к себе в уксус превращая, не точию языческими баснями, которые тебе читать и не советую. Я не виноват, что ты беззубый: и за сие тебе не укаряю. Много жрать, а мало жевать дурно. Но — «не ядый ядущаго да не осуждает».

Ермолай. Взгляньте пожалуйста на великолепную гавань, издали видну. А за нею на высокой горе богатый город, смотрящий на широту морскую. Без сумнения, к той-то гавани плывут три корабля сии с поднятыми флаками, управляемы купидонами?

Лонгин. Смотри же, коль приличное сия картина говорит: «Господь права сотворит течения твоя». (*Притч.*)

Ермолай. Вот два прекрасные мальчики! Конечно, они купидоны. Один другаго на раменах несет: должен носимый носящему благодарить.

Лонгин. Но еще больше одолжен носящий носимому другу.

Ермолай. Для чего?

Лонгин. Для того, что носящий слеп, а носимый очит. Один человек из двоих составлен. Подпись из Павла: «прилепляйся Господеви един дух есть с Господем».

Ермолай. Помогите сему трудолюбцу: упадет под бременем. Купидон целую на раменах таскает систему мира.

Лонгин. Не бойся.

Яков. Не опасайся! Он в одной деснице и все Коперниковы миры в забаву носит лучше Атласа. А кто он? Се тот, что спрашивает Иова: «где был еси, егда основах землю?» Но кто скажет, что значит круг мира, со всех сторон пронзен стрелами?

Григорий. Что есть стрела, если не стремление? Что-ж есть стремление, если не Божие побуждение, всю тварь к своему месту и своим путем движущее? Сие-то значит составлять мир и сей машине движение давать. Древнейшее любомудрцов речение: «любовь составляет мир». Поминает о сем и Цицерон в книжечке о дружбе. Тот-же вкус и в тех речах: «все побеждает любовь». О сей-то преблаженной всем владеющей любви и

симпатии невеста в Песни Песней: «крепка яко смерть любовь, жестокая, яко ад, ревность; крила ея — крила огня; углие огненное — пламы ея». Теперь наперстниково слово само изъяснилось: «Бог любви есть». Я так же рассуждал о ангелах природы, называемых у древних Гениос, коим они приносили приношения, дабы сии ангелы были вождями в делах жития их.

Ерм о л а й. Сей мальчик без крил, увенчан цветовым венцем, держащий рог изобилия, чуть ли не ангел природы?

Григорий. Так. Но не бешенством ли пахнет? Приносить хранителю своему ладан, вино, цветы, а не последовать ему туда, куда ведет Божий сей наставник. Самая их Минерва, когда тоже есть что натура, тогда видно, для чего ее поставили начальницею всех наук и художеств? Знать-то, что все науки и все книги родились от тех, кои за то принимались, самою начальницею руководствуемы. Между тем, разбирая древних премудрцов, тайнообразующия *Божью Премудрость* картины, не видите на главней-

шем месте, будто всеми ими, образ владе-
ющий *Христов*.

В верху надписано:

Образ ипостаси Его.

В низу:

Иисус Христос вчера и днесь...

В круге, окружающем главу Его, сие:

‘О ”ΩΝ сиречь

СЫЙ.

На взаимном месте образ Пречистыя Ма-
тере Его, венец Ея от звезд; под ногами лу-
на, система мира и змий, держащий во ус-
тах яблоко, но в руках ея цвет лилии, а в
сердце сияние *Святаго Духа*, задумчив и це-
ломудренный взор.

В верху надписано: «сотвори мне вели-
чие Сильный». В низу:

«Радуйся, честнаго таинства двери!

Радуйся, премудрых превосходящая разум!

Радуйся, верных озаряющая смыслы!»

Убогий жайворонок

ПРИТЧА

Посвящение
Любезному другу,
Феодору Ивановичу Дискому,
желает истинного мира.

Жизнь наша есть ведь путь непрерывный. Мир сей есть великое море, всем нам пловающим. Он то есть океан, о, вельми не многими щастливцами безбедно преплавляемый. На пути сем встречаются каменные скалы и скалки; на островах сирены, в глубинах киты, по воздуху ветры, волнения повсюду; от камней претыкание, от сирен прельщение, от китов поглощение, от ветров противление, от волн погружение. Каменные ведь соблазны суть то неудачи; сирены суть то

льстивые друзья, киты суть то запазушнии страстей наших змии, ветры разумей напас-ти, волнение мода и суета житейска... Непременно поглотила бы рыба младаго Товию, если бы в пути его не был наставником Рафаил. «Рафа» (еврейски) значит медицину, «Иль» или «Эль» значит Бога. — Сего путеводника промыслил ему отец его, а сын нашел в нем Божию медицину, врачующую не тело, но сердце, по сердцу же и тело, яко от сердца зависящее. Иоанн, отец твой, в седьмом десятке века сего (в 62-м году) в городе Купянске, первый раз взглянул на мене, возлюбил мене. Он никогда не видел мене. Услышав же имя, выскочил и достигши на улице, молча в лице смотрел на мене и приникал, будто познавая мене, толь милым взором, яко до днесь, в зеркале моя памяти, живо мне он зрится. Воистину прозрел дух его прежде рождества твоего, что я тебе, друже, буду полезным. Видишь, коль далече прозирает симпатиа! Се ныне пророчество его исполняется! Приими, друже, от

мене маленькое сие наставление. Дарую тебе «Убогаго» моего «жайворонка». Он тебе запевает и зимою не в клетке, но в сердце твоём и несколько поможет спастись от ловца и хитреца, от лукаваго мира сего. О, Боже! Коликое число сей волк, день и ночь, незлобных жрет агнцов! Ах! Блюди, друже, да опасно ходиши. Не спит ловец. Бодрствуй и ты. Оплошность есть мати несчастия. Впрочем да не соблазнит тебе, друже, то, что тетервак назван Фридриком. Если же досадно, вспомни, что мы все таковы. Всю ведь Малороссию Велероссия нарицает тетерваками. Чего же стыдиться! Тетервак ведь есть птица глупа, но не злобива. Не тот есть глуп, кто не знает (еще все перезнавший не родился), но тот, кто знать не хочет. Возненавидь глупость: тогда, хотя глуп, обаче будеши в числе блаженных оных тетерваков: «обличай премудраго и возлюбит тя». Обличай, де, его, яко глуп есть. Как же он есть премудр, яко не любит глупости? Почему? Потому что приемлет и любит обличе-

ние от друзей своих. О! да сохранит юность твою Христос от умащающих елеем главу твою, от домашних сих тигров и сирен. Аминь.

*1787-го лета в полнолуние
последняя луны осенняя.*

ПРИТЧА НАРЕЧЕННА УБОГИЙ ЖАЙВОРОНОК

С ним разглагольствует тетервак
о спокойствии

ОСНОВАНИЕ ПРИТЧИ

«Той избавит тя от сети ловчия...»

Псалом 90, ст. 3.

«Бдите и молитесь, да не внидите в напасть».

«Горе вам, богатолюбцы, яко отстоите
от утешения вашего».

«Блаженни нищии духом».

«Обрящете покой душам вашим».

Тетервак, налетев на ловчую сеть, начал во весь опор жрать тучную ядь. Нажрався

по уши, похаживал надуваясь, вельми доволен сам собою, аки буйный юноша, по моде одетый. Имя ему Фридрик. Родовое же или фамильное прозвание, или, как обычно в народе говорят, фамилия Салакон.¹ Во время оно пролетал Сабаш (имя жайворонку) прозванием Сколярь. «Куда ты несешься Сабаш!» воскликнул, надувшись, тетервак.

С а б а ш. О, возлюбленный Фридрик! Мир да будет тебе! радуйся во Господе!

С а л а к о н. Фе! Запахла школа.

С а б а ш. Сей дух для мене мил.

С а л а к о н. По губам салата, как поют притчу.

С а б а ш. Радуюся, яко обоняние ваше исцелилося. Прежде вы жаловалися на насморк.

¹ Салакон есть еллинское слово, значит нищаго видом, но лицемерствующаго богатством фастуна. Сих лицемеров преисполнен мир. Всяк до единого из нас больше на лице кажет, нежели имет, даже до сего сатанинское богатство нищету Христову преодолело, осквернив сим лицемерием и самые храмы Божии и отсюду выгнав нищету Христову, и отвсюду; и несть человека хвалящагося с Павлом нищетою Христовою.

С а л а к о н. Протершись брат меж людьми, ныне всячину разумею. Не уйдет от нас ничто.

С а б а ш. Тетервачий ведь ум остр, а обоняние и того вострее.

С а л а к о н. Потише, друг ты мой. Ведь я ныне не без чинишка.

С а б а ш. Извините, ваше благородие, ей! не знал. Посему то ведь и хвост, и хохол ваш ныне новомодными пуклями и кудрявыми раздуты завертасами.

С а л а к о н. Конечно. Благородный дух от моды не отстаёт. Прошу, голубчик, у меня откусать. Бог мне дал изобилие. Видишь, что я брожу по хлебе? Не милость ли Божия?

С а б а ш.¹ Хлеб да соль! Извольте на здравие кушать, а мне неколи.

С а л а к о н. Как неколи? Что ты? Взбесился?

¹ Сабаш значит праздный, спокойный, от сирскаго слова саба или сава, сиречь, мир, покой, тишина. Отсюда и у евреев суббота, сабаш, отсюда и сие имя, Варсава, то есть, сын мира; бар еврейский сын.

С а б а ш. Я послан за делом от отца.

С а л а к о н. Плюнь! Наевшись справишься.

С а б а ш. Не отвлечет мя чрево от отчия воли, а сверх того, боюсь чуждаго добра. Отец мой от молодых ногтей спевает мне сия: «чего не положил, не руш».

С а л а к о н. О труслива тварь!

С а б а ш. Есть пословица: боязливаго сына мати не плачет.

С а л а к о н. Ведь оно теперь мое. У нас поют так: ну! что Бог дал, таскай ты все тое в кошель.

С а б а ш. И у нас поют, но наша разнит песенка с вами. Вот она: «все лишне отсекай, то не будет кашель». Сверх же всего влюблен есмь в нищету святую.

С а л а к о н. Ха! ха! ха! хе! В нищету святую... Ну ее со святынею ея! Ступай же, брат! влечи за собою на веревке и возлюбленную твою невесту. Дуракови желаеш добра, а он все прочь. Гордая нищеты ненавидит душа моя пуще врат адских.

С а б а ш. Прощайте, ваше благородие! Се отлетаю, а вам желаю, да будет конец благ!

С а л а к о н. Вот полетел! Не могу довольно надивиться разумам сим школярским. Блаженны (де) нищии.... Изрядное блаженство, когда нечево кусать! Правда, что и много жрать может быть дурно, однако же спокойнее, нежели терпеть глад. В селе Ровенках¹, прекрасную слышал я пословицу сию: не евши, — легче, поевши, — лучше. Но что же то есть лучше, если не то, что спокойнее? Не тронь (де) чуждаго... Как не тронуть, когда само в глаза плывет? По пословице: «на ловца зверь бежит». Я ведь не в дураках. Черепок нашол? Миную. Хлеб попался? Никак не пропущу. Вот это лучше для спокойствия. Так думаю я. Да и не ошибаюсь. Не вчера я рожден, да и протерся меж людьми, слава Богу. Мода и свет есть наилучший учитель и лучшая школа всякия школы. Правда, что было время, когда и нищих, но добродетельных почитали. Но ныне свет совсем не тот.

¹ Ровенки есть тоже, что Ровенники, сиречь, по ровам живущие воры. «Да не сведет во мне ровенник уст своих». (Псалом).

Ныне, когда нищ, тогда и бедняк и дурак, хотя бы то был воистину израильтянин, в нем же лести несть. Потерять же в свете доброе о себе мнение дурно. Куда ты тогда годишься? Будь ты, каков хочешь в нутре, хотя десятка шибениц достоин, что в том нужды? Тайная Бог весть. Только бы ты имел добрую славу в свете и был почетным в числе знаменитых людей, не бойся! Дерзай! Не подвижишься во век. Не тот прав, кто в существе прав, но тот, кто ведь не прав по исте, но казаться правым умеет и один токмо вид правоты имеет, хитро лицемерствуя и шествуя стезею спасительныя оныя притчи: «концы в воду».¹ Вот нынешняго света самая модная и спасительная премудрость! Кратко скажу: тот един есть счастлив, кто не прав ведь по совести, но прав есть по бумажке, как мудро глаголют наши юристи.² Сколько я

¹ Коль прельщаются нечестивыи притчею сею беззаконною своею: концы в воду. «Несть бо тайна», яже не открывается.

² Христос же вопреки говорит: «славы от человек не хочу». Есть прославляяй Мя отец Мой.

видал дураков, все глупы. За богатством (де) следует безпокойство. Ха! ха! ха! А что же есть безпокойство, если не труд? Труд же не всякому благу отец? Премудро ведь воспевают русские люди премудрую пословицу сию:

Покой воду пьет,
А не покой мед.

Что ж ли даст тебе пить, виновница всех зол, праздность? Разве поднесет тебе на здравие воду, не мутящую ума?

Кому меньше в жизни треба,
Тот ближая всех до неба.

А кто же сие спевает? Архидурак некий древний, нарицаемый Сократ. А подпевает ему весь хор дурацкий. О! о! весьма они разнят в нашем хоре. Мы вот как поем!

На пути свидений твоих насладихся. Ах! убойте-ся нечестивыи свидений Божиих! Не убойтеся от убивающих тело. Скажите с Давидом: «прокленут тии, и ты благословиши». Бумажка, о, лицемери, человеческая оправдит тебе у человек, но не у Бога. Се тебе колесница без колес, таково без Бога всякое дело.

Жри все то, что пред очима,
А счастье за плечима.
Кто не смелый, тот страдает,
Хоть добыл, хоть пропадает.
Так премудрый Фридрик судит,
А ум его не заблудит.

Между тем как Фридрик мудрствует, прилетела седмица тетерваков и три братанича его. Сие капральство составило богатый и шумный пир. Он совершался не далеко от байрака, в коем дятел выстукивал себе носиком пищу, по древней малороссийской при-тче: всякая птичка своим носком жива.

Подвижный Сабашик пролетал не малое время. Пробавил путь свой чрез три часа.

Он послан был к родному дяде пригласить его на дружескую беседу и на убогий обед к отцу. Возвращаясь в дом, забавлялся песенкою, научен от отца своего измлада сею:

Не то орел, что летает,
Но то, что легко седает.
Не то скуден, что убогой,
Но то, что желает много.

Сласть ловит рыбы и звери
И птиц, вышедших из меры.
Лучше мне сухарь с водою,
Нежели сахар с бедою.

Летел Сабаш мимо байрака. «Помогай, Бог, дубе!» — сие он сказал на ветер. Но нечаянно из за дуба отдался глас таков:

Где не чаеш и не мыслиш, там тебе друг
буде...

Ба! ба! ба! О любезный Немес! воскликнул от радости Сабаш, узрев дятла, именуемого Немес. Радуйся и паки реку, радуйся!

Немес. Мир тебе, друже мой! мир нам всем! Благословен Господь Бог Израилев, сохраняяй тя доселе от сетования.

Сабаш. Я сеть разумею, а что значит сетование не знаю.

Немес. Наш брат птах, когда впадет в сеть, тогда сетует, сиречь, печется, мечется и бьется о избавлении. Вот сетование.

Сабаш. Избави, Боже, Израиля от сих скорбей его.

Немес. А я давеча из того крайняго дуба взираю на жалостное сие позорище. Взглянь!

Видишь ли сеть напялену? Не прошел час, когда в ней и вокруг ея страшная совершалась будто Бендерская осада. Гуляла в ней дюжина тетерваков. Но в самом шуме и плясании и козлогласовании, и прожорстве, как молния, пала на их сеть. Боже мой, коликая молва, лопот, хлопот, стук, шум, страх и мятеж! Нечаянно выскочил ловец и всем им переломал шеи.

С а б а ш. Спасется ли кто от них?

Н е м е с. Два, а прочие все погибли. Знаешь ли Фридрика?

С а б а ш. Знаю. Он добрая птица.

Н е м е с. Воистину тетервак добрый. Он-то пролетел мимо мене из пира, теряя по воздуху перья. На силу я мог узнать его: трепетен, растрепан, распущен, замят... как мыш, играема котом; а за ним издалеча братаничь.

С а б а ш. Куда же он полетел?

Н е м е с. Во внутренний байрак оплакивать грехи.

С а б а ш. Мир же тебе, возлюбленный мой Немес! Пора мне домой.

Немес. А где ты был?

Сабаш. Звал дядю в гости.

Немес. Я вчера с ним виделся и долго беседовал. Лети ж, друже мой, и спасайся, да будет Господь на всех путех твоих, сохраняя вхождения твоя и исхождения твоя. Возвести отцу и дяде мир мой.

Сия весть неизреченно Сабаша устрасила. Сего ради он не признался Немесу, что беседовал с Фридриком пред самым его нещастием. Ну! говорил сам себе: научайся, Сабаш; чуждою бедою. Для того то бьют песика пред львом (как притча есть), чтоб лев был кроток. О, Боже! В очах моих бьешь и ранишь других, достойнейших от мене, да утрашуся и трепещу беззаконныя жизни и сластей мира сего. О, сласть! О, удина и сеть ты диавольска! Коль ты сладка, яко все тобою пленены! Коль же погибельна, яко мало спасаемых! Первое все видят, второе избранныи.

Таковым образом жестоко себе наказывала и сама себе налагала раны сия благочестивая врода и, взирая на чужую бедность, больше пользовалася, нежели собственными

своими язвами биемый от Бога жестокосерд-
дыи беззаконники, и живее научалася из
черныя сея, мирския беды содержащая (чер-
ная бо книга, беды содержащая, есть то сам
мир) книги, нежели нечестивая природа, ты-
сячу книг перечетшая разноязычных. О та-
ковых ведь написано: «весть Господь непо-
винныя избавляти от напасти... Праведник
от лова убогнет, вместо же его предается не-
честивый».

В сих благочестивых мыслях прилетел Са-
баш домой, а за ним вскоре с двома своими
сынами приспел дядя. Созваны были и со-
седы на сей убогий, но целомудренный пир
и безпечный. В сей маленькой сторонке во-
дворялася простота и царствовала дружба,
творящая малое великим, дешевое дорогим,
а простое приятным. Сия земляца была час-
точка тоя земельки, где странствовавшая
между человеками истина и убегающая во
зле лежащего мира сего последние дни пре-
бывания своего на земле провождала и ос-
татний роздых имела, дондеже возлетела из
долних в горния страны.

Сабаш, отдав отцу и дяде радость и мир от Немеса, тут же при гостях возвестил все приключившееся. — Гостей был сонм не мал, со чады своими, отроками и юношами, и женами. Алауда¹ — так нарицался отец Сабашов — был научен наукам мирским, но сердце его было столица здравого разума. Всякое дело и слово мог совершенно раскусить, обрести в нем корку и зерно, яд и ядь сладкую и обратить во спасение.

Алауда, во слух многих мужей, юнош и отроков научал сына так: сыне мой едиnorodный! приклони ухо твое. Услыши глас отца твоего и спасешися от сети, якоже серна от ловцов. Сыне! Аще премудр будеши, чуждая беда научит тебе, дерзкий же и безсердый сын уцеломудряется собственным искушением. И сие есть бедственное. Сыне! да болит тебе ближняя беда! Любляй же свою беду и не боляй о чуждой, сей есть достоин ея. Не забуди притчи, кую часто

¹ Алауда, римски, значит жайворонок (a lauda), хвалю римски, laudo, лаудо, лаудон хвалящий.

слышал еси от мене сея: песика бьют, а ле-
вик боится. Кая польза читать многия книги
и быть беззаконником? Едину читай книгу
и довлеет. Воззри на мир сей. Взглянь на
род человеческий. Он ведь есть книга, книга
же черная, содержащая беды всякаго рода,
аки волны, встающие непрестанно на море.
Читай ее всегда и поучайся, купно же, буд-
то из высокия гавани на беснующийся оке-
ан взирай и забавляйся. Не все ли читают
сию книгу? Все. Все читают, но несмыслен-
но. Пяту его блюдут, как написано, на но-
ги взирают, не на самый мир, сиречь, не на
главу и не на сердце его смотрят. Сего ради
никогда его узнать не могут. Из подошвы
человека, из хвоста птицы, так и мира сего,
из ног его, не узнаешь его, разве из главы
его, разумей, из сердца его. Кую тайну за-
творяет в себе гадание сие? Сыне! все силы
моя напругу, чтоб развязать тебе узел сей.
Ты же вонми крепко. Тетервак видит сеть и
в сети ядь, или снедь. Он видит что ли? Он
видит хвост, ноги и пяту сего дела; главы
же и сердца сея твари, будто самыя птицы,

не видит. Где же сего дела глава? И есть она что-то такое? Ловцово сердце в теле его, утаенном за купиною. Итак тетервак, видя едину пядь в деле сем, но не видя в нем главы его, видя не видит, очист по телу, а слеп по сердцу. Тело телом, а сердце зрится сердцем. Се видь она Евангельская слепота, мати всякия злости! Сим образом все безумные читают книгу мира сего. И не пользуются, но увязают в сети его. Источник рекам и морям есть главою. Бездна же сердечная есть глава и источник всем делам и всему миру. Ничто же бо есть мир, точию связь или состав дел или тварей. И ничто же есть века сего Бог, разве мирское сердце, источник и глава мира. Ты же, сыне мой, читая книгу видимаго и злаго сего мира, возводи сердечное твое око во всяком деле на самую главу дела, на самое сердце его, на самый источник его, тогда, узнав начало и семя его, будеши прав судия всякому делу, видя главу дела и самую исту, истина же избавит тя от всякия напасти. Аще бо два рода тварей и дел суть, тогда и два сердца.

Аще же два сердца, тогда и два духи — благий и злый, истинный и лестчий... По сих двоих источниках суди всякое дело. Аще семя и корень благ, тогда и ветви и плоды. Ныне, сыне мой, буди судия и суди учинок тетерваков. Аще право осудиши, тогда по сему образу первый судия будеши всему миру. Суди же тако. Напал тетервак на снесь. Видиши ли сие? Как невидеть? Сие и свиния видит. Но сие есть едина точию тень, пята и хвост. Тень себе ни оправдает, ни осуждает. Она зависит от своя главы и исты. Возри на источник ея — на сердце, источившее и родившее ее. От избытка бо сердца, сиречь, от бездны его, глаголют уста, ходят ноги, смотрят очи, творят руки. Зри! Аще сердце тетерваково благо, откуда родилось сие его дело: тогда и дело благо и благословенно. Но не видишь ли, яко змиина глава есть у сего дела? Сие дело родилось от сердца неблагоприятнаго, своею долею недовольнаго, алчущаго и похищающаго чуждое... Сия то есть истинная авраамская богословия — прозреть во всяком деле гнездящего-

ся духа: благ ли он? или зол? Не судить по лицу, якоже лицемеры. Часто под злобным лицом и под худою маскою Божественное сияние и блаженное таится сердце, в лице же светлом, ангельском — сатана. Сего ради видя неволю и плен тетервакову, жертвующую себе в пользу чуждую, не ленися работати для собственныя твоея пользы и промыслиати нужное, да будеши свободен. Аще же не будеши для себе самого рабом, принужден будеши работати для других и, убегая легких трудов, попадешь в тяжкия и сторичныя. Видиши ли чью либо сияющую одежду или славный чин, или красный дом, но внутрь исполненный неусыпаемаго червя, вспомни сам себе слова Христовы: «горе вам, лицемеры! Горе вам смеющимся ныне», разумеи, снаружи. Видиши ли нищаго, или престарелаго, или больнаго, на Божественныя надежды полнаго, воспой себе песенку сию Соломоновскую: «блага ярость паче смеха, яко в злобном лице ублажается сердце». Видиши ли разслабленнаго паралишем, бегай печальнаго, ревностнаго и ярост-

наго сердца. Убежиши, аще не будеши завистлив. Сотреши главу завистному змиеву, аще будеши за малое благодарен и уповающий на Бога живаго. Видиши ли ни драгую, ни сладную, но здравую пищу, воспой: «блага ярость паче смеха». Видиши ли книжку, не имущую опрятных слов, но духа Святаго исполненну, воспой: «блага ярость паче смеха». Слышиши совет, словесным медом умащенный, но со утаенным внутрь ядом, воспой: «блага ярость паче смеха. Елей грешнаго да не намастит главы моя». Видиши ли убогий домик, но невинный и спокойный и безпечный, воспой: «блага ярость паче смеха...» Сим образом читай, сыне, мирскую книгу и имети будеши купно утешение и спасение. Блажен разумевай вину всякаго дела! Сердце человеческое изменяет лице его на добро или на зло. О, милые мои гости! Наскучил я вам моим многоречием. Простите мне. Се стол уже готов: прошу садиться безразборно. Прощу паки простить мне, что и трапеза моя пища и созвал вас на убогий пир мой в день безпраздничный». —

Гости все, воспели притчу оную: «что у друга вода есть слаже вражескаго меда». — «Как же в день безпраздничный?» сказал Алаудин брат Адоний¹. Ах! доброму человекуви всякий день праздник, беззаконнику же — ни велик день... Аще всему миру главою и источником есть сердце, не корень ли и празднику? Празднику мать есть не время, но чистое сердце. Оно господин есть и субботе. О, чистое сердце! Ты во истину не боишься ни молнии, ни грому. Ты еси Божие, а Бог есть тебе твой. Ты ему, а он тебе есть друг. Оно Тебе, Боже моей, жертвою, ты же ему. Вы двое есте и есте едино. О, сердце чисто! Ты новый век, вечная весна, благовидное небо, обетованная земля, рай умный, веселие, тишина, покой Божий, суббота и великий день Пасхи. Ты нас посетило, с высоких обителей светлаго востока, изшед от солнца, яко жених от чертога своего. Слава тебе, показавшему нам свет твой! Сей день Господень: возрадуемся и возвеселимся братие!» «О, возлюбленный

¹ Адоний, елин. значит певца; ода — песня.

брате мой! — воскликнул Алауда. Медом каплют уста твоя. Воистину ничто же благо, только сердце чисто, зерно, прорастившее небеса и землю, зеркало, вмещающее в себе и живопишущее всю тварь вечными красками, твердь, утвердившая мудростию своею чудная небеса, рука, содержащая горстику круг земный и прах нашаея плоти. Что бо есть дивнее памяти, вечно весь мир образующия, семена всех тварей в недрах своих хранящия вечно, зрящия единым оком, прошедшая и будущая дела, аки настоящая? Скажите мне, гости мои, что ли есть память? Молчите? Я ж вам скажу. Не я же, но благодать Божия во мне. Память есть не дремлющее сердечное око, призирающее всю тварь, незаходимое солнце, просвещающее вселенную. О, память утренняя яко нетленная крила! Тобою сердце взлетает во высоту, во глубину, в широту, безконечно, быстрее молнии сторишно. «Возьму криле мои рано с Давидом...» Что ли есть память? Есть беззабвение. Забвение еллинами глаголется лифа, беззабвение же алифия, алифия же есть истина. Кая истина? Се сия

истина Господня: «Аз есмь путь, истина и живот». Христос Господь Бог наш, Ему же слава во веки аминь.

По сем Алуада благодарственной молитвою благословил трапезу и все возсели. При трапезе не была критика, осуждающая чуждую жизнь и отрицающая в тайныя закрутки людских беззаконий. Беседа была о дружбе, о чистоте и спокойствии сердечном, о истинном блаженстве, о твердой надежде, улаждающей все житейския горести. В средине трапезы объяснял Адоний сие слово: «блажени нищие духом, яко тех есть царство небесное». Не на лица, говорил он, ядущи со сладостию бобы, зрит Бог. Человек зрит на лице, а Бог зрит на сердце... Не тот нищ есть, кто не имеет, но тот, кто по уши в богатстве ходит, но не прилагает к нему сердца, сиречь, на оное не надеется; готов всегда, аще Господеви угодно, лишиться с равнодушием. И сие то значит: «нищии духом». Сердце чистое и дух веры есть тожде. Кая польза тебе в полных твоих закромах, аще душа твоя алчет и жаждет? Наполни

бездну, насыти прежде душу твою. Аще же она алчет, неси блаженный оный Евангельский нищий, хотя и богат еси у человеке, но не у Бога, хотя и нищий еси у человеке, но не у Бога. Без Бога же и нищета и богатство есть окаянное. Несть же бедственнее, как нищета средь богатства, и несть блаженнее, как средь нищеты богатство. Аще мир весь приобрел еси и еще алчещи, о, среде богатства страждещи нищету во пламене твоих похотений! Аще ничто же имаши в мире сем, кроме самонужных твоих, и благодарен еси Господеву твоему, уповая на него, не на сокровища твоя, воспевая с Аввакумом: праведник от веры жив будет, о, воистину нищета твоя есть богатейшая царей. Нищета, обретшая нужное, презревшая лишнее, есть истинное богатство и блаженная оная среда, аки мост между блатом и блатом, между скудостью и лишностию. Что бо есть система мира сего, аще не храм Божий и дом Его? В нем нищета живет и священствует. Приносит милость мира, жертву хваления. Довольствуется аки чадо подаваемым

себе от Отца Небеснаго, завися от промысла его и вселенския экономии. И сие то значит: «яко тех есть царство небесное». Сие есть, они знают промысл Божий и на оный надеются. Сего ради нищета нарицается убожеством или, яко аки чадо, живет в доме у Бога, или того ради, яко все свое имеет, не во своих руках, но у Бога. Не тако нечестивый, не тако, но яко прах от вихра, тако зависят от самих себе, обожают сокровища своя, уповают на собрания своя, дондеже постыдятся о идолах своих. Сего ради нарицаются богатии, яко сами себе суть лживыи боги. «Возлюбленный друже и брате мой, сказал тогда Алауда, вкусно ты вкушал у нас бобы. Но не без вкуса разжевал ты нам и слово Христово. Насыщая тело, еще лучше мы насытили сердце. Аще же оно гладно, суетна есть самая сладкая пища. Прошу же еще покушать репы после капусты и после бобов. Увенчает же трапезу нашу ячменная с маслом кутия». В конце трапезы начал пироначальник прищучивать, а гости смеяться. Адоний, пособляя брату, забавно

повествовал, коим образом древле Божия дева истина первый раз пришла к ним во Украину. Так называется страна их. Первый, де, встретил ее, близ дому своего, старик Маной и жена его Каска. Маной узрев спросил суровым лицом: кое имя твое, о, жено? Имя мое есть Астрая¹, отвечала дева. Кто ты еси? Откуда? И почто zde пришла еси? Возненавидев злобу мирскую, пришла к вам водворитися, услышав, что во стране вашей царствует благочестие и дружба. Дева же была во убогом одеянии, препоясана, волосы в пучке, а в руках жезл. А! а! Не имаши zde пребывальнаго града, воскликнул со гневом старец. Сия страна несть прибежище блудностям. Вид твой и одеяние обличает тебе быти блудницу. Дева сему смеялася, а старик возгорелся. Увидев же, что Каска вынесла на встречу чистый хлеб на деревянном блюде во знамение странноприимства, совсем возбесился. Что ты делаешь,

¹ Астрада слово еллинское, значит звездная, сие есть горняя, лучезарная.

безумная в женах? Не ведая, коего духа есть странница сия, спешишь странноприютствовать. Воззри на вид и на одеяние ея и проснися! Каска возсмеялася и молчала. Дева же сказала: так не похвали человека в красоте его и не буди тебе мерзок человек видением своим¹. После сих Божиих слов старик несколько усомнился. Нечаянно же узрев на главе ея венец лучезарный и Божества светом возсиявшие очи, вельми удивился. Паче же ужаснулся тогда, когда дивный дух, превосходящий фимиами, крины² и розы, изшедший из уст девичих, коснулся обоняние его и усладил неизреченно. Тогда Маной отскочил воспать, поклонился до земле и, лежащи ниц, сказал: «госпоже! Аще об-

¹ Сие слово есть Сираховское. Оно тот же имеет вкус со Христовым оным: «не на лица зряще судите», и с оным Самуила Пророка, пришедшаго помазать на царство «всех братий своих из меньшаго Давида». Человек зрит на лице, а Бог зрит на сердце.

² Крин слово еллинское, римски лилиа, крина, крины сельные, то есть дикие полевые.

ретох благодать пред тобою, не мини мене раба твоего...» Старица, оставив лежащего старца, повела деву в горницу. Омыла ей по обычаю ноги и маслом главу помазала. Тогда вся горница Божественного исполнилася благоухания. Маной, вскочив в горницу, лобызал ей руки. Хотел лобызать и ноги, но дева не допустила. «Едину имею гуску, закричал старик, и тую для тебе на обед нарежу». Дева, смотря в окно, усмехалась, видя что старина, господарь и господарка новою формою ловлят гуску. Они бегали, шатались, падали и сварились. Деве смешным показалось, что старик преткнулся о старуху и покатился. Что ты? Ты выстарел ум, что-ли? А у тебе его и не бывало, сказал вставая старик. Гостья, выскочив из горницы, сказала, что я прочь иду, если не оставите гуски с покоем. На сем договоре вошли все в горницу. Вместо обетованных гуски в саду, в простой беседке, приняли и учествовали Небесную гостью и Божественную странницу яичницею и ячменною с маслом кутиєю. От того времени даже доселе яч-

менная кутия нашей стороне есть во обычае». В сем месте встали из за стола все гости. Алауда же благодарил Богу так: «очи всех на Тя уповают и Ты даеши им пищу во благо время. Богатая десница Твоя в сытость и нас убогих Твоих исполняет Твоего благоволения, Христе Боже. Буди благословен со Отцем Твоим и Святым Духом во веки!» Гости все возшумели: «Аминь!» Адоний продолжал повесть, что Астрая во стране их жила уединенно, Маноя и Каску паче прочих любила, посещала и шутила, дондеже преселилася в небесныя обители. Алауда пить и петь побуждал. Он наполнил стаканище крепкого меда. Да царствует Астрая! Да процветает дружба! Да увядает вражда! Сие возгласив, изпразднил стакан. Прочии последовали. Они пили крепкий мед, хмельное пиво и питье или сикеру¹ называемую в Малороссии голо-

¹ Сикера есть слово еллинское, значит всякое питье, упоевающее, пьяное или хмельное, кроме единого грозного вина, хлебное же (называемое вино в том же всеродном имени заключается, сего ради пишется: вина и сикеры не имать пити.

вичник, дети же воду и квас. Из гостей большая часть была сродна к пению. Адоний разделил певцов на два крила или хоры — на хор вопросный и на хор ответный, придав к обоим по несколько свирельщиков. Они первое раздельно, потом спевали лик совокупши. Песнь была такова:

ПЕСНЬ РОЖДЕСТВУ ХРИСТОВУ,
О НИЩЕТЕ ЕГО

Из Соломонова зерна: «благая рость паче смеха, яко в злобе лица убожится сердце»¹.

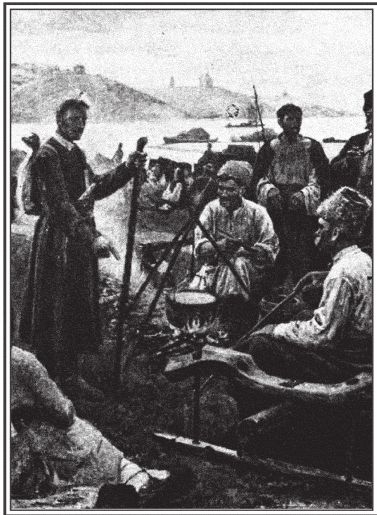
Из Христова: «горе вам смеющимся ныне», то есть снаружи.

Из Иеремиина: «в тайне восплачется душа ваша».

В. Пастыри мили!
Где вы днесь были?
Где вы бывали?
Что вы видали?

¹ Экклесиаст.

- От. Грядем днесь из Вифлеема,
Из града уничиженна,
Но днесь блаженна.
- В. Кое ж оттуду несете чудо?
И нам прорцыте,
Благовестите.
- От. Видели мы вновь рожденно
Отроча свято, блаженно,
Владыку всем нам.
- В. Кия палаты имеет Тое,
Ах! всеблаженно Чадо Царское!
- От. Вертеп выбит под скалою
И то простою рукою.
Се чертог Его!
- В. Мягка постель ли?
В красном ли ложи
Сей почивает чудный Сын Божий?
- От. В яслях Мати кладет траву,
Ту ж перину и под главу.
Се Царска кровать!
- В. Кия там слуги от домочадцов
Имеет тое милое Чадцо?

От. Овцы и мулы с ослами,
Волы и кони с козлами.
Се домочадцы!

В. Кую же той дом вкушает пищу?
Разве имеет трапезу нищу?

От. Пища в зелле, в млеке, в зерне.
Се стол ранний и вечерний,
В том чудном доме.

В. Музыка там ли модна и лестна
Увеселяет Царя Небесна?

От. Пастырский сонм на свирелках
Хвалит Его на сопелках
Препростым хором.

В. Кия же ризы? Мню, златотканны
У сего Сына Марии Панны.

От. Баволна¹ и лен и волна;
Сим нищета предовольна
В наготе своей.

¹ Баволна значит от дерева рожденная волна; это есть слово немецкое баум-волле; баум — дерево, волле — волна.

Лики поют совокупно:

О, нището! Блаженна, Святая!
Дверь¹ нам отверзи твоего роя.
Кий бес сердце украл наше?
Кий нас мрак ослепил
Даже чуждаться Тебе!
О, нището! О, даре Небесный!
Любит тебе всяк муж свят и честный.
Кто с тобою раздружился,
Тот в ночи токмо родился,
Несть сугубый муж.
Мир сей являет вид благолепный,
Но в нем таится червь неусыпный.
Се пещера убога
Таит блаженного Бога
В блаженном сердце.
Ах! блага ярость есть паче смеха,
Яко в лице злом тайна утеха,
Се бо нищета святая
Извне яра внутрь золотая
Во мирной душе.
Горе ти мире! Смех вне являеш,
Внутрь же душею тайно рыдаеш.
Украсился ты углами,
Но облился ты слезами,

¹ Отверзи на дверь.

В нутре день и ночь.
Зависть, печаль, страх, насыта жажда,
Ревность, мятеж, скорбь, тяжба и вражда
День и ночь ты опаляют,
Как сионский град пленяют
Душевный твой дом.
Возвеселимся, а не смутимся!
Днесь непрестанне все христиане!
Там, где Бог наш нам родися
И пеленами повися,
Хвала день и ночь.

ПОЭЗИЯ БАСНИ

Сад божественных песней, прозябший из зерн Священного Писания

ПЕСНЬ 1-я

Сложена 1757 лета в сию силу: *Блаженны
непорочны, в путь ходящи в законе Господнем.*

Бойтся народ сойти гнить во гроб
Чтоб не был после участный,
Где горит огонь неугасный;
А смерть есть святая, кончит наша злая,
Изводит [с] злой войны в покой.
О, смерть сия свята!

Не бойтся совесть чиста ниже Перуна
огниста, ни!
Сей огнем адским не жжется,
Сему жизнь райска живется.

О, грех-то смерть родит, живу смерть
наводит,
Из смерти ад; душу жжет глад.
О, смерть сия люта!

Блажен, о блажен, кто с самых пелен
Посвятил себе Христови.
День, ночь мыслит в его слове,
Взя иго благое и бремя легкое,
К сему обык, к сему навывк.
О, жребий сей святой!

Кто сея отведал сласти, век в мирский
Не может пасти, ни!
В наготах, в бедах не скучит;
Ни огонь, ни мечь не разлучит;
Все сладость разводит, на сердце не всходит
Разве тому, естли кому.
Дал знать искус драгий.

Христе, жизнь моя, умерый за мя!
Должен был тебе начатки
Лет моих, даю остатки.
Сотри [с] сердца камень; зажжи
в нем твой пламень;

Да смерть страстям и злым сластям
Живу тебе мой свет.

А как от грехов воскресну, как одену
плоть небесну,
Ты в мне, я в тебе вселюся,
Сладости той насыщуся,
С тобою в беседе, с тобою в совете,
Как дня заход, как утра восход.
О, се златых век лет!

К о н е ц

ПЕСНЬ 2-я

Из сего зерна: *По земле ходяще,
обращение имамы на небесех.*

Оставь, о дух мой, вскоре все земляныи
места!
Взойди, дух мой, на горы, где правда
живет свята,
Где покой, тишина от вечных царствует лет,
Где блещит та страна, в коей
неприступный свет.

Оставь земны печали и суетность
мирских дел!

Будь чист, хоть на час малый,
дабы ты выспрь возлетел,
Где Иаковль господь, где не вечерня заря,
Где весь ангелский род лице его выну зрят.

Се силоамски воды! омый скверну от очес,
Омый все членов роды, дабы возлететь
до небес,
Ибо сердцем нечист не может бога узреть,
И нелзя до сих мест земленному долететь.

Душа наша телесным не может довольна
быть;
Она только небесным горит скуку насытить.
Как поток к морю скор, так сталь
к магниту прядет,
Пламень дрожит до гор, так дух наш
к богу взор рвет.

Кинь весь мир сей прескверный.
Он-то вточь есть темный ад.
Пусть летит невеж враг черный;
ты в горный возвысись град.

Бежи себе прочь во ад! Не для тебе рай
и сад.

Душа моя процвела и радостей навела.

Щастлив тот и без утех, кто победил
смертный грех.

Душа его — божий град, душа его —
божий сад.

Всегда сей сад дает цветы, всегда сей сад
дает плоды,

Всегда весною там цветет, и лист его
не падет.

О боже мой, ты мне — град! О боже мой,
ты мне — сад!

Невинность мне — то цветы, любовь
и мир — то плоды.

Душа моя есть верба, а ты еси ей вода.

Питай мене в сей воде, утешь мене в сей беде.

Я ничего не боюсь; одних грехов я страшусь.

Убий во мне всякий грех: се — ключ моих
всех утех!

К о н е ц

ПЕСНЬ 4-я

Рождеству Христову. Из сего зерна:
С нами Бог, разумейте языцы, сиречь:
Помаза нас Бог духом.
Посла духа сына своего
в сердца наша.

Ангелы, снижайтесь, ко земле
сближайтесь,
Господь бо, сотвор[ив]ший веки, живет
ныне с человеки.
Станте с хором вси собором,
Веселитесь, яко с нами Бог!

Се час исполняется! Се сын посылается!
Се лета пришла кончина! Се Бог посылает
сына.

День приходит, дева родит,
Веселитесь, яко с нами Бог!

Обещан пророками, отчими нароками,
Решит в последня лета печать
Новаго завета;
Дух свободы внутрь нас родит,
Веселитесь, яко с нами Бог!

Даниилов каменю! Из купины пламеню!
Несеченный отпадаеш! Огнь сена
не попаляеш!
Се наш камень! Се наш пламень!
Веселитесь, яко с нами Бог!

Расти ж благодатию, новый наш ходатаю!
Расти, да возможеш стати, да попалиш
супостаты,
Да вселенну, зря спасенну,
Веселимся вси, яко с нами Бог!

Мы ж тебе рожденному, гостеви
блаженному,
Сердца всех нас отверзаем, в душевный
дом призываем,
Песнь спевая, восклицая,
Веселящаяся, яко с нами Бог!

К о н е ц

ПЕСНЬ 5-я

Рождеству Христову. Из сего зерна:
*Роди сына своего первенца, и повит его,
и положи его в яслех.*

Тайна странна и преславна!
Се — вертеп вместо небес!
Дева херувимов главна,
И престолом вышним днесь.
А вмещен тот в яслех полно,
Кого есть не довольно,
[Чтоб] вместить и небо небес.

О блаженны тии очи,
Что на сию тайну зрят,
Коиx в злой мирской полночи
Привела к богу заря.
Ангелский ум тайну видит,
А плотский муж ненавидит,
Та бо всем им буйство есть.

Мы же секрет сей небесный
Всегорящим сердцем чтим
И, хоть как скот безсловесный,
Из-под Христа сено ядим.

Поколь, в мужа совершенна
Взросши, возможем блаженна
Самаго Бога вкусить.

К о н е ц

ПЕСНЬ 6-я

В конец сего: *Испусти змий за женою из уст
своих воду, яко реку, да ю в реце потопит.
Той софрет тебе главу.*

Вонми, небо и земля, ныне ужаснися!
Море, безднами всеми согласно двигнися!
И ты, быстротекущий, возвратися, Иордане,
Прийди скоро крестити Христа, Иоанне!

Краснозрочныя леса, стези отворите,
Предитечу Иоанна ко Христу пустите.
Земныи же языци, купно с нами
все ликуйте,
Ангелския хоры, вси в небе торжествуйте!

Снийде спас во Иордан, ста в его глубине,
Се снийде на нь и дух свят в виде голубине.

Сей есть сын мой возлюбленный,
отец из облак вещаше,
Сей мессия обновит естество все ваше.

Освяти струи и нам, змию сотри главу,
Духа твоего, Христе, росу даждь и славу,
Да не потопит нас змий. И мы все
от земна края
Да почити полещем до твоего рая.

К о н е ц

ПЕСНЬ 7-я

Воскресению Христову. Из сего зерна:
*Единонадесятъ ученицы идоша в Галилею
на гору, амо же повеле им Иисус. Пасха!*

Кто ли мене разлучит от любви твоей?
Может ли мне наскучить дивный пламень сей?
Пусть весь мир отбежит!
Я буду в тебе жить, о Иисусе!

Веди мене с тобою в горний путь на крест;
Рад я жить над горою, брошу долню персть.

Смерть твоя — мне живот,
Желчь твоя — сластей род, о Иисусе!

Язвы твои суровы — то моя печать,
Венец мне твой терновый —

Твой сей поносный крест —
Се мне хвала и честь, о Иисусе!

Зерно пшенично в нивах естли согниет,
Внешность естли нежива, нов плод внутрь
цветет.

За один старый клас
В грядущий летний час сторичный даст
плод.

Сраспни мое ты тело, спригвозди на крест;
Пусть буду звне не целой, дабы внутри
воскрес.

Пусть внешний мой исхнет,
Да новый внутри цветет; се смерть
животна.

О новый мой Адаме! О краснейший сын!
О всегосветный сраме! О буйства Афин!

Под буйством твоим свет,
Под смертью — жизнь без лет.
Коль темный закров!
К о н е ц

ПЕСНЬ 8-я

Воскресению Христову. Из сего зерна:
*О! о! Бежите на горы! (Захария). Востани,
спяй! Покой даст бог на горе сей (Исаия).*

Объяли вкруг мя раны смертоносны;
Адовы беды обойшли несносны;
Найде страх и тма. Ах година люта!
Злая минута!

Бодет утробу терн болезни твердый;
Скорбна душа мне, скорбна даже к смерти.
Ах, кто мя от сего часа избавит!
Кто мя исправит?

Так африканский страждет елень скорый;
Он птиц быстрее пить спешит на горы,
А жажда жжет внутрь, насыщенна гадом
И всяким ядом.

Я на Голгофу поскор[ий] поспею;
Там висит врач мой меж двою злодею.
Се Иоанн zde при кресте рыдает!
Крест лобызает.

О Иисусе! О моя отрадо!
Зде ли живеши? О страдалцев радость!
Даждь спасительну мне цельбу в сей страсти,
Не даждь век пасти.

К о н е ц

ПЕСНЬ 9-я

Святому духу. Из сего [зерна]:
Дух твой благий наставит мя на землю праву.
Снизшед языки сля. Разгласная возшуме.

Голова всяка свой имеет смысл;
Сердцу всякому своя любовь,
И не однака всем живущим мысль:
Тот овец любит, а тот козлов.
Так и мне вольность одна есть нравна
И безпечальный, препростый путь.

Се — моя мера в житии главна;
Весь окончится мой циркуль тут.

Ты, святой боже и веков творец,
Утверди сие, что сам создал.
При тебе может все в благий конец
Так попасть, как к магниту сталь.
Аще ж не право зрит мое око,
Ты мене, отче, настави здесь;
Ты людских видиш, сидяй высоко,
Разных толь мнений безщетну смесь.

Тот на восточный, сей в вечерний край
Плывет по щастье со всех ветрил,
Иной в полночной стране видит рай,
Иной на полдень путь свой открыл.
Один говорит: вот кто-то косит!
А другой спорит: се ктось стрижет,
А сей: у воза пять кол, голосит.
Скажи: кий бес нам в прах мысль сечет?

К о н е ц

ПЕСНЬ 10-я

*Из сего зерна: Блажен муж,
иже в премудрости умрет и иже
в разуме своем поучается святыне (Сирах).*

Всякому городу нрав и права;
Всяка имеет свой ум голова;
Всякому сердцу своя есть любовь,
Всякому горлу свой есть вкус каков,
А мне одна только в свете дума,
А мне одно только не идет с ума.

Петр для чинов углы панский трет,
Федька-купец при аршине все лжет.
Тот строит дом свой на новый манер,
Тот все в процентах, пожалуй, поверь!
А мне одна только в свете дума,
А мне одно только не идет с ума.

Тот непрестанно стягает грунта.
Сей иностранны заводит скота.
Те формируют на ловлю собак,
Сих шумит дом от гостей, как кабак, —
А мне одна только в свете дума,
А мне одно только не идет с ума.

Строит на свой тон юриста права,
С диспут студенту трещит голова.
Тех беспокоит Венерин амур,
Всякому голову мучит свой дур, —
А мне одна только в свете дума,
Как бы умерти мне не без ума.

Смерте страшна, замашная косо!
Ты не щадишь и царских волосов,
Ты не глядишь, где мужик, а где царь, —
Все жереш так, как солому пожар.
Кто ж на ея плюет острую сталь?
Тот, чия совесть, как чистый хрусталь...

К о н е ц

ПЕСНЬ 11-я

В конец сего: *Бездна бездну призывает*, сиречь:
В законе господни воля его. Дал бы ти воду
живу, воле — волю и бездне твоей — бездну мою.

Нелзя бездны окиана горстью персти
забросать,
Нелзя огненного стана скудной капле
прохлаждать.

Возможен ли в темной яскине гулять орел?
Так, как в поднебесный край вилетев он
отсель,
Так не будет сыт плотским дух.

Бездна дух есть в человеке, вод всех
ширший и небес.
Не насытишь тем вовеки, что пленяет
зрак очес.
Отсюда-то скука внутрь скрежет, тоска,
печаль,
Отсюда несытость, из капли жар горший
всталь.
Знай: не будет сыт плотским дух.

О роде плотский! Невежды! Доколе ты
тяжкосерд?
Возведи сердечны вежды! Взглянь выпры
на небесну твердь.
Чему ты не ищешь знать, что то зовется бог?
Чему не толчешь, чтоб увидеть его ты мог?
Бездна бездну удолит вдруг.

К о н е ц

ПЕСНЬ 12-я

Из сего зерна: *Блаженны нищи духом, сиесть:
Премудрость книжника во благовремени
празднества, и умаяйся в деяниих своих,
упремудрится (Сирах). Упразднитесь
и разумейте...*

Не пойду в город богатый. Я буду на полях
жить,
Буду век мой коротати, где тихо время
бежит.
О дуброва! О зелена! О мати моя родна!
В тебе жизнь увеселенна, в тебе покой,
тишина!

Города славны, высоки на море печалей
пхнут.
Ворота красны, широки в неволю горьку
ведут.
О дуброва! О зелена!.. и прочая...

Не хочу ездить за море, не хочу
красных одеж.
Под сими крыется горе, печали, страх
и мятеж.
О дуброва!.. и прочая.

Не хочу за барабаном ити пленять городов,
Не хочу и штатским саном пугать
мелочных чинов.

О дуброва!.. и прочая.

Не хочу и наук новых, кроме здравого ума,
Кроме умностей Христовых, в коих
сладостна дума.

О дуброва!.. и прочая.

Ничего я не желатель, кроме хлеба да воды,
Нищета мне есть приятель — давно мы
с нею сваты.

О дуброва!.. и прочая.

Со всех имений телесных покой да воля
[злата],
Кроме вечностей небесных, одна се мне
жизнь свята.

О дуброва!.. и прочая.

А естли до сих угодий и грех еще победить,
То не знаю, сей выгоды возможет ли
лучче быть.

О дуброва!.. и прочая.

Здравствуй, мой милый покою!

Вовеки ты будешь мой.
Добро мне быть с тобою: ты мой век будь,
а я твой.

О дуброва! О свобода! В тебе я начал
мудреть,
До тебе моя природа, в тебе хочу и умереть.

К о н е ц

ПЕСНЬ 13-я

*Из сего: Изыдите от среды их...
Прийди, брате мой, водворимся на селе.
Тамо роди ты матери твоя («Песнь песней»).*

Ах поля, поля зелены,
Поля, цветами распещренны!
Ах долины, яры,
Круглы могилы, бугры!

Ах вы, вод потоки чисты!
Ах вы, берега трависты!

Ах ваши волоса,
Вы, кудрявые леса!

Жайворонок меж полями,
Соловейко меж садами;
Тот, выпрь летя, сверчит,
А сей на ветвах свистит.

А когда взошла денница,
Свищет в той час всяка птица,
Музыкою воздух
Растворенный шумит вокруг.

Только солнце выникает,
Пастух овцы выгнает,
И на свою свирель
Выдает дрожливый трель.

Пропадайте, думы трудны,
Города премноголюдны!
А я с хлеба куском
Умру на месте таком.

К о н е ц

ПЕСНЬ 14-я

Древняя малороссийска о суете и лести мирской.

В сей силе: *На стражи моей стану и възыду на камень* (Аввакум). Обновленна в 1782 лете.

1

Коликая слава ныне?
Зри на буйность в сей године!
О Израиль! Гидры зверя¹,
Коль велика в оном мера,
Нужно разумети.

2

Ныне — скипетр и булава,
Утро вставши — худа слава,
Сердце пробуждает сквозе,
Руце связанны и нозе.
Как избегнуть сети?

¹ Проглашает придревнею басню о седмиглавной змее, именуемой гидра, сиречь змий водный. Со змием сим боролся древний герой Ираклий. Отсечена одна глава. Вдруг на то место произрастало две или три. Что делать? Ираклий с помощью друга своего Иолея разженным железом прижег каждую голову. И так почил от брани.

3

Днесь пьяна скачет воля,
 Утро вставши — тщетна доля.
 О Израиль! Водна зверя
 Камо цель ведет и мера?
 Нужно что прозрети.

4

Сирен лестный окиана¹
 Сладким гласом обаянна,
 Бедная душа на пути
 Хочет навсегда уснути,
 Недоплывши брега.

5

Плоть, мир! О насытый аде!
 Все тебе яд, всем ты яде!
 День, ночь челюстями зеваеш,
 Все без взгляду поглощаеш.
 Кто избежит сети?

¹ Сирен эллински Σειρήν, сиречь путо, оковы. Сей урод прекрасным лицом и сладчайшим гласом привлекает к себе и сон наводит мореплавателям. Здесь они, забыв путь свой и презрев гавань и отечество, разбивают на подпотопныя камни корабли.

Се пучина всех есть жруща!
 Се есть челюсть, всех ядуща!
 О Израиль! Кита¹-зверя —
 Се тебе толк, меть и мера,
 Плоть не насыщает.

Ах, простри бодро ветрила,
 И ума твоего крила,
 Пловущи по бурном морю²,
 Возведи зеницы вгору,
 Да путь потечеш прав.

¹ Кит значит страсть. Что есть страсть? Есть то же, что смертный грех. Но что есть грех? Грех есть мучительная воля. Она-то есть сребролюбие, честолюбие, сластолюбие. Сия-то гидра и кит пожирает и мучит на море мира сего всех. Она же то есть и ад. Блажен, кто несть раб сему трегубому языку! Помяни 7 грехов. Сие есть 7 мучительных мыслей, — и увеси гидру. Не веси ли, яко мысль есть зерно и глава делу? Омерзишася в начинаниих своих.

² Житие наше есть море, телишко — лоточка. Мысли есть веяние ветров. Гавань есть блаженство.

Лутче жити во пустыне,
 Затворившись во яскине,
 Пребывать в местах безвестных
 И не слышать гласов лестных,
 [Во ад нас влекущих].

Будь ты мне Ираклий тщивый,
 Будь Иона прозорливый,
 Главы попали змиины,
 Китовой из блевотины
 Выскочь мне на кефу¹.

К о н е ц

Коль же красна речь сия! Ума твоего крила... Птица бо есть сердце наше и аще оно не увязло, можем воспеть и мы: «Душа наша, яко птица избависи».

¹ Кифа, правднее же кефа, есть слово еврейское. Еллински — петра, сиесть каменная гора; польски — скала. Она часто кораблям бывает пристань с городом. Сей есть образ блаженства, места злачнаго, где человек от китов, от сирен и от волнений мирских упокоевается по оному: «На месте злачне всели мя...» Сие имя кифа дает Христос

ПЕСНЬ 15-я

Великой субботе. Из сего зерна:

Почи бог в день седьмый.

Еще выйдут в покой мой.

Лежиш во гробе, празднуеш субботу
По трудах тяжких, по кровавом поту.
Князь никоих дел в тебе не имеет,
Князь сего мира, что всеми владеет.
О неслыханны се следы!
О новый роде победы!
О сыне Давидов!

Сыне Давидов, Лазаря воззавый
Из мудростей земных до небесной славы,

Петру верховному. Для чего? Для того, что и то и другое обитает в сердце. Сердце же, а не плоть, есть истинным человеком. Чистое сердце, святыня, блаженство, истинный человек — есть тожде. Сего ради всякий христианин, имущий сердце чисто, есть и сын голубов, и кифа. Но Петр святой между всею церковию есть архикифа и архибариона, яко верховный предстоятель церкви. Аввакум стоит на собственной своей страже: «На страже моей стану и взйду на кифу». Петр же и о стаде, порученном и утвержденном на нем, бдит.

Убий телесну и во мне работу!
Даждь мне с тобою праздновать субботу,
Даждь мне ходить в твои следы,
Даждь новый род сей победы,
О сыне Давидов!

К о н е ц

Блевотина есть то нечистое сердце, пенящееся и клокочущее, аки морскими волнами, похотьми мирскими. Они суть честолубие, сребролюбие, сластолубие. В то время сердце есть ад и змий, изbleвающий горькия и скверныя оныя воды: «Волнуются нечестивыи и почити не возмогут»; «Гроб отверст — гортань их». Вси сии во святом писме не только китами и змиями, но и псом, изbleвающим и на блевотину возвращающимся и мочащим к стене, сиесть испущающим урину, образуются реки, бо сердце их суть урина и вода неключима, разделяемая от вод оных: «Раздели бог между водою»; «Реки от чрева его потекут, воды живыя»; «Отрыгну сердце мое слово благо». Вся бо церковь, утвержденная на кефе, поет: «Господь пасет мя...»; «На воде покойне воспита мя». И вси они суть Ираклии оныи: «Лутчий муж долготерпелив, нежели разоряяй грады», сиесть державу имущий над страстьми. «Сотворил еси нас бог нашему цари и иереи».

ПЕСНЬ 16-я

В сию силу: *Дугу мою полагаю во облаце.*

Пройшли облака. Радостна дуга сияет.
Пройшла вся тоска. Свет нам блистает.
Веселие сердечное есть чистый свет вёдра¹,
Если миновал мрак и шум мирского ветра.

О прелестный мир! Ты мне — океан, пучина.
Ты — мрак, облак, вихрь, тоска, кручина.
Се радуга прекрасная мне ведро блистает,
Сердечная голубочка мне мир вещает.

Прощай, о печаль! Прощай, прощай,
зла утроба!
Я на ноги встал, воскрес от гроба.
О отрасли Давидовска! Ты брег мне и кифа,
Ты радуга, жизнь, ведро мне, свет, мир,
олива.

К о н е ц

¹ Вѣдро значит небесную светлость и чистоту воздуха; войшло в славянский язык из еллинскаго; у них светлость воздуха глаголетсѧ: τὸ φαῖδρον τοῦ οὐρανοῦ.

ПЕСНЬ 17-я

*Житейское море,
воздвизаемое зря и проч.*

Видя жития сего я горе,
Кипящее, как Чермное море,
Вихром скорбей, напастей, бед,
Разслаб, ужаснулся, поблед
О горе сущим в нем!

Возвратил я бедный бег мой вскоре,
Чтоб не скрытись с фараоном в море.
Се к пристани тихой бежу
И воплем плачевным глашу,
Воздев горе руце.

О Христе! не даждь сотлеть во аде!
Даждь мне в твоём жить небесном
граде,
Да не повлечет мя в свой след,
Блудница мир, сей темный свет!
О милости бездна!

К о н е ц

ПЕСНЬ 18-я

*Господь гордым противится,
смиренным же дает благодать.*

Ой ты, птичко жолтобоко,
Не клади гнезда высоко!
Клади на зеленой травке,
На молоденькой муравке.
От ястреб над головою
Висит, хочет ухватить,
Вашею живет он кровью
От, от! кохти он острит!

Стоит явор над горою,
Все кивает головою.
Буйны ветры повевают,
Руки явору ламают.
А вербочки шумят низко,
Волокут мене до сна.
Тут течет поточок близко;
Видно воду аж до дна.

На что ж мне замышляти,
Что в селе родила мати?

Нехай у тех мозок рвется,
Кто высоко вгору дмется,
А я буду себе тихо
Коротати милый век.
Так минет мене все лихо,
Щастлив буду человек.

К о н е ц

ПЕСНЬ 19-я

В сей конец: *Нестъ наша брань к плоти
и крови... Попереши льва и змия...
Восприимите и меч духовный,
иже есть глагол божий.*

Ах ты, тоска проклята! О докучлива печаль!
Грызеш мене измлада, как моль платья,
как ржа сталь.

Ах ты, скука, ах ты, мука, люта мука!
Где ли пойду, все с тобою везде всякий час.
Ты, как рыба с водою, всегда возле нас.
Ах ты, скука! ах ты мука, люта мука!

Зверяку злу заколеш, естли возмеш
острый нож,
А скуки не побореш, хоть мечь будет
и хорош.

Ах ты, скука, ах ты, мука, люта мука!
Добросердечное слово колет сих зверей,
Оно завсегда готово внутрь твоих мыслей.
Ах ты, скука, ах ты, мука, люта мука!

Христе, ты — меч небесный в плоти нашея
ножнах!

Услыши вопль наш слезный, пощади нас
в сих зверях!

Ах ты, скука, ах ты, мука, люта мука!
Твой нам свышше глас пресладкий,
аще возревет,
Как молния, полк всех гадких зверей
ражженет,

Прочь ты, скука, прочь ты, мука, с дымом,
с чадом!

К о н е ц

Сложенна 1758 года в степах переяславских,
в селе Каврае.

ПЕСНЬ 20-я

Нареченная Сигор. В сем маленьком,
но высоком градики пирует Лот со дщерьми:

*Во граде бога нашего, в горе святей его:
уподоблю его мужу мудру, основавшему храмину
свою на камене. Кто взыйдет на гору господню?*

Кто сердцем чист и душою,
Не нужна тому броня,
Не нужен и шлем на шею,
Не нужна ему война.
Непорочность — то его броня,
И невинность — алмазна стена,
Щит, меч и шлем ему сам бог.

О мире! Мир безсоветный!
Надежда твоя в царях!
Мниш, что сей брег безнаветный!
Вихрь [слышь] развеет сей прах.
Непорочность — се тебе Сигор,
И невинность — вот небесный двор!
Там полежи и там почий!

Сей свят град бомб не боится,
Ни клеветничиих стрел,
И хитрых мин не страшится,
Всегда цел и не горел.

Непорочность есть то адамант,
И невинность есть святой то град.
Там полещи и там почий!

В сем граде и врагов любят,
Добро воздая врагам,
Для других здравие гублят,
Не только добры другам.
Где ж есть оный толь прекрасный град?
Сам ты град, з души вон выгнав яд,
Святому духу храм и град.

К о н е ц

ПЕСНЬ 21-я

В конец сего: *Возвести ми,
его же возлюби душа моя;
где пасеши, где почитаеши в полудни?*

Щастие, где ты живеш? Горлицы, скажите!
В поле ли овцы пасеш? Голубы, взвестите!
О щастие, наш ясный свет,
О щастие, наш красный цвет!
Ты мати и дом, появися, покажися!

Щастие! Где ты живешь? Мудрыи, скажите!
В небе ли ты пиво пьешь?

Книжники, возвестите!

О щастие, наш ясный свет,

О щастие, наш красный цвет!

Ты мати и дом, появився, покажися!

Книжники се все молчат, птицы тож все

немы,

Не говорят, где есть мать, мы же все

не вемы.

О щастие... и прочая.

Щастия нет на земле, щастия нет в небе,

Не заключилось в угле, инде искать тебе.

О щастие... и прочая.

Небо, земля и луна, звезды все — прощайте!

Все вы мне — гавань дурна, впред

не ожидайте.

О щастие... и прочая.

Все я минул небеса, негли вдаль обрящу,

И преисподняя вся, негли его срящу.

О щастие... и прочая.

Всяка плоть песок есть и мирска вся слава,
И его вся омерзает сласть.
Возлюби путь узкий, бегай обща нрава,
Будь твоя господь с Давидом часть¹,
Естли нужно есть вернутся в Сион²,
То зачем тебе в мир снисхождать?
Путь опасен есть во Иерихон³,
Живи в граде, иже всех нас мать.

Естли ж опустился ты в сию дорогу,
Бог скорее путь да преградит,
Ибо знаешь, что снийшовши в бездну многу,
То ум в бездне зол наш не радит.

¹ «Часть моя еси, господи...», «Боже сердца моего и часть моя, боже, вовеки».

² Сион — слово еврейское. Значит то же, что еллински *ῥούρος*, *σκολιᾶ*, рим. — *srescula*. Так назывался Иерусалимский замок; славенски — зор, стража, горница.

³ Иерихон-град есть образ суетнаго мира сего и лестнаго. Он широкий, сиречь роскошным путем водит юных в разбойники, сиесть в челюсти змиины и гидрыны, в смертныя грехи. *Quaenam maxima peccatoribus poena? Ipsum peccatum.* — Ничто же есть злее греха и жала, убо его ничто же ни в сем, ни в оном веще мучительнее. «Жало смерти —

О ты, иже все дух тойжде еси
И число твоих не скудеет лет,
Ты, разбойничи в нас духи смеси!
Пусть твоя сокрушит буря сеть!

К о н е ц

ПЕСНЬ 23-я

*Из сего: Исчезаша в суете дние... Искупующе
время... Упразднитеся и уразумейте.*

О дражайше жизни время,
Коль тебя мы не щадим!
Коль так, как излишне бремя,
Всюду мещем, не глядим!
Будто прожитый час возвратится назад,
Будто реки до своих повернутся ключей,
Будто в наших руках лет до прибавки взять,
Будто наш з бесчисленных составленный
век дней.

грех». «Грехопадение кто разумеет? Блажен той
един, кто разумеет». «Блажен муж, иже на пути
грешных не ста». «Открый очи мои...»

Для чего ж мы жить жела
Лет на свете восемсот,
Ежели мы их теряем
На всякий безделиц род?
Лутше час честно жить, неж скверно
целый день,
Лутше один день свят от безбожного года,
Лутше один год чист, неж десяток сквернен,
Лутше в пользе десять лет, неж весь век
без плода.

Брось, любезный друг, безделья,
Пресечи толикий вред,
Сей момент приймись до дела:
Вот, вот, время уплывет!
Не наше то уже, что прошло мимо нас,
Не наше то, что породит будуща пора,
Днешний день только наш, а не утренний
час.

Не знаем, что принесет вечерняя заря.

Естли ж не умееш жити,
Так учись фигуры сей!
Ах, не может всяк вместити
Разум хитрости тоей.

Знаю, что наша жизнь полна суетных враг,
Знаю, что преглупая тварь в свете человек,
Знаю, что чем живет, тем горший он дурак,
Знаю, что слеп тот, кто закладает себе век¹.

К о н е ц

ПЕСНЬ 24-я

Римского пророка Горатия, претолкованна
малороссийским диалектом в 1765-м годе.
Она начинается так: *Otium divos rogat in patenti*
и проч. Содержит же благое наставление
к спокойной жизни.

О покою наш небесный! Где ты скрылся
с наших глаз?
Ты нам обще всем любезный, в разный
путь разбил ты нас.

За тобою то ветрила простирают в кораблях,
Чтоб могли тебе те крила по чужих
сыскать странах.

¹ Rogatus quidam philosophus: quid esset praetiosissimum? Respondit: tempus.

За тобою маршируют, разоряют города,
Целый век бомбандируют, но достанут ли
когда?

Кажется, живут печали по великих больш
домах;
Больш спокоен домик малый, естли
в нужных сыт вещах.

Ах, ничем мы не довольны — се источник
всех скорбей!
Разных ум затеев полный — вот источник
мятежей!

Поудержмо дух несытый! Полно мучить
краткий век!
Что ль нам дать край знаменитый?
Будеш тоже человек.

Вить печаль везде летает, по земле и по воде,
Сей бес молний всех быстрее может нас
сыскать везде.

Будьмо тем, что бог дал, ради, разбиваймо
скорбь шутя,
Полно нас червям снедати, вить есть чаша
всем людям.

Славны, например, герои, но побиты
на полях.
Долго кто живет в покое, страждет
в старых тот летах.
Вас бог одарил грунтами, но вдруг может
то пропасть,
А мой жребий с голяками, но бог мудрости
дал часть¹.

К о н е ц

25-я ПЕСНЬ ОТХОДНАЯ

Отцу Гервасию Якубовичу, отходящему
из Переяслова в Белгород на архимандритский
и судейский чин в 1758-м годе.

Из сего зерна: *Господь сохранит вхождение
твое и исхождение твоё, не даст
во смятение ноги твоя.*

Едеш, хочешь нас оставить?
Едь же весел, целый, здоровый,

¹ Nihil est ab omni parte beatum — есть чаша
всем людям.

Будь тебе ветры погодны,
Тихи, жарки, ни холодны;
Щастлив тебе путь везде отсель будь!

Путныи ищезнут страхи;
Спите, подорожны прахи,
Скоропослушные кони
Да несут, как по долоне,
Щастливым следом, как гладеньким льдом!

Облаки, проч, вы неверны!
Не лийтесь, дожди чрезмерны!
Вар не ожжи полуденный,
Светом луны озаренный;
Щастлив сей путь повсюду в ночь будь!

Той твои направит ноги,
Кой дал землю и дороги,
Бодро сидяще высоко
Путь твой хранящее око.
Щастлив сей отход благословит вход.

Радуйся, страна щастлива!
Приймеш мужа добротлива.

Брось завистливые нравы!
Верен его есть познавый.
Щастлив на степень, конец на блажен.

К о н е ц

ПЕСНЬ 26-я

Епископу Иоанну Козловичу, входящему
во град Переяслав на престол епископский
из 1753 года. Из сего зерна:
*Тако да просветится свет ваш пред человеки,
яко да видят ваша добрая дела...*

Поспешай, гостю, поспешай,
Наши желания увенчай!
Как мусикийский сличный слух,
Сладостью тело и движет дух,
Так всежеланный твой приход
Целый подвигл град и весь народ.

Граде печальный Переяслав!
Часто сиротство твое дознав,
Измену вышняго смотри.
Се светлый день тебе озари,

По волнам твой корабль шалел,
Се в корабль паки твой кормчий сел.

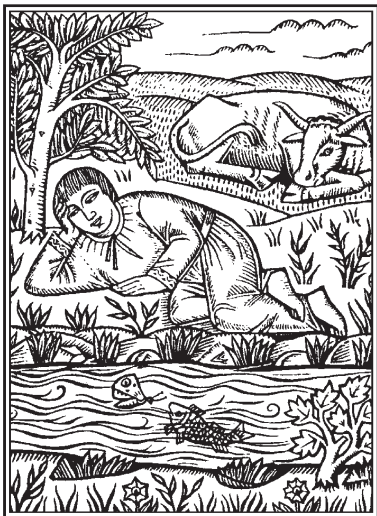
Он путь управит до небес,
Преднося Христовых свет словес.
В нем весь духовный узришь плод,
Как в чистовидных зеркале вод,
Агнцу, последуя Христу,
Кротко очистит нечистоту.

Он и делом и языком
Исцелит дух твой, язвлен грехом.
Сколько честнейший плоти дух,
Сколько земного небесный круг,
Столько душевных враг страстей
Превозвышает плотских врачей.

Христе, источник благ святой!
Ты дух на пастыря излий твой.
Ты будь ему оригинал.
Чтоб, на его смотря, поступал
Паствы его всяк человек,
И продолжи ему щастлив век.

К о н е ц

ПЕСНЬ 27-я

Белоградскому епископу Иоасафу Миткевичу,
посещающему вертоград духовнаго училища
в Харькове. Из сего зерна:

*Господи, призри с небесе и виждь, и посети
виноград сей. Его же... плод духовный есть
любовь, радость, мир и проч.*

Вышних наук саде святой,
Лист розовый и цвет твой красный,
Приими на тя весенний вид!
Се возсия день твой благий!
Озарил тебе свет ясный.
Дух, дыша, свышшь благословит.

Возвеселися, о полк деревьев,
Болших и маленьких всех сонм весь.

Пастырю наш, образ Христов
Тих, благ, кроток, милосердый,
Зерцало чистое доброт!
Красны носи нозе, готов
Мир благовестить нам твердый.
Призри на сей священ оплот;
От тебе помощи весь он ждет,
Сердце и руце тебе дает.

Ты сад напой, сей святы́й сад.
Током вод благочестивых
З самых апостольских ключей.
Не допусти ересей яд.
Отжени проч всяк род лживых,
Да родит духовных царей,
Царство царя, простирая всех,
Адский же скиптр, низвергая грех.

Да зрит в него бодрый взор твой!
При твоём неспящем взоре,
И лист его не отпадет;
Не лист на нём будет пустой,
Лицемерно лстящ, но вскоре
Весь плод духовный принесет.
Веру, мир, радость, кротость, любовь
И иной весь святы́й род таков.

Так от тебе сам царей царь,
И сего народ свят просит.
И что ж тебе сего милей?
Или Христу кий лутчий дар?
Се дар первый, что приносит
Пастырь на пастве свят святей.

Он же на дело сам укрепит
И тебе жизнь святу продолжит.

К о н е ц

Pro memoria, т. е. записка ради памяти.

Сей архиерей родился близ Киева, во граде Козельце. Был пастырь просвещен, кроток, милосерд, незлобив, правдолюбив, престол чувства, любви светильник. В вертограде сего истинного вертоградаря Христова и я свято и благочестиво три лета — 1760-тое и 63-тие и 4-тое, в кое представился от земли к небесным, — был делателем, удивлялся прозорливому его щедрому и чистому сердцу с тайною моею любовью. Сего ради именем всех, любящих Бога и божия книги и божия други, во память его и во благодарение ему, сему любезному другу божью и человеческому, яко же лепту, приношу сию песнь от мене. Любитель священных Библии *Григорий Варсава Сковорода*.

ПЕСНЬ 28-я

О тайном внутри и вечном веселии боголюбивых
сердец. Из сих зерн: *Веселие сердца — живот*
человеку, и радование мужа — долгоденствие;
Иже аще погубит душу свою мене ради, той
спасет ю. Что пользы человеку, аще приобрящет
мыр весь, отщепится же души своей?

Возлети на небеса, хоть в Версальский леса¹,
Вздень одежду золотую,
Вздень и шапку хоть царскую;
Когда ты невесьол, то всё ты нищ и гол;
Проживи хоть 300 лет, проживи хоть
целый свет,
Что тебе то помогает,
Естли сердце внутри рыдает?
Когда ты невесьол, то всё ты мертв и гол.
Завоюй земный весь шар, будь народам
многим царь,
Что тебе то помогает,
Аще внутри душа рыдает?
Когда ты невесиол, то всё ты подл и гол.

¹ Версалия (Versailles) именуется французска-
го царя едем, сиречь рай, или сладостный сад,
неизреченных светских утех исполнен.

Брось, пожалуй, думать мне, сколько
жителей в луне!

Брось Коперниковски сферы¹,

Глянь в сердечныя пещеры!

В душе твоей глагол, вот будешь с ним весьол!

Бог есть лутчий астроном, он наилутчий
економ.

Мать блаженная натура²

Не творит ничто же здура.

Нужнейшее тебе найдешь то сам в себе.

Глянь, пожалуй, внутрь тебе: сыщешь друга
внутри себе,

Сыщешь там вторую волю,

Сыщешь в злой блаженну долю:

В тюрьме твоей там свет, в грязи твоей
там цвет.

¹ Коперник есть новейший астроном. Ныне его систему, сиречь план, или типик, небесных кругов весь мир принял. Родился над Вислою, в польском городе Торуне. Систему свою издал в [1543 г.]. Сфера есть слово еллинское, славенски: круг, клуб, мяч, глобус, гира, шар, круг луны, круг солнца.

² Блаженная натура есть имя господа вседержителя.

Правду Августин певал: ада нет
и не бывал¹,
Воля — ад, твоя проклята,
Воля наша — пещь нам ада,
Зарежь ту волю, друг, то ада нет, ни мук.

Воля! О насытый ад! Все тебе ядь,
всем ты яд.
День, ночь челюстями зеваешь,
Всех без взгляда поглощаешь;
Убий ту душу, брат, так упраздниш
весь ад.

Боже! О живой глагол! Кто есть без тебе
весьол?
Ты един всем жизнь и радость,
Ты един всем рай и сладость!
Убий злу волю в нас, да твой владеет
глас!

¹ Ад слово еллинское, значит темницу, место преисподнее, лишенное света, веселия и дражайшая злата — свободы. Адский узник есть зеркалом пленников мучительная своя воля, и сия лютая фурия непрерывно вечно их мучит.

Даждь пренужный дар нам сей; славим тя,
царя царей.

Тя поет и вся вселенна,
В сем законе сотворенна,
Что нужность не трудна, что трудность
не нужна.

К о н е ц

Pro memoria, или припоминание

Самое сущее Августиново слово есть сие: *Tolle voluntatem propriam et tolletur infernus* — «Истреби волю собственную — и истребится ад».

Как в зерне маврийский дуб, так в горчичном его слове сокрылась вся высота богословския пирамиды и аки бездна жерлом своим пожерла весь Иордан богомудрия. Человеческая воля и Божия суть два врата — адова и небесная. Обретший среде моря своя воли Божию волю — обрете кифу, сиречь гавань оную: «На сем камне утвержу всю церковь мою»; «Таится сие им, яко небеса» и проч. «И земля (се оная обетованная! Зри, человече) посреде воды...» Аще кто преобразил волю во волю Божию, воспевая сие: «Ищезе сердце мое» и протч. Сему сам Бог есть сердцем. Воля, сердце, любовь, Бог, дух, рай, гавань, блаженство, вечность есть

тожде. Сей не обуревается, имея сердце оное: «Его же волею вся управляются». Августиново слово дышет сим: «Раздерите сердца ваша»; «Возьмите иго мое на себе»; «Умертвите уды ваша»; «Не яже хотите... сия творите»; «Несть наша противу крови и плоти»; «Враги человеку домашнии его»; «На аспида и василиска наступиши»; «Той сотрет твою главу...» и проч.

ПЕСНЬ 29-я

В конец сей: *Повеле буре и протч.
Кто сей есть, его же ветры, море послушают?*

Чолнок мой бури вихр шатает,
Се в бездну, се выспрь вергает!
Ах, несть мне днесь мира
И несть мне навклира.
Се мя море пожирает!

Гора до небес восходит,
Другая до бездн нисходит,
Надежда мне тает,
Душа ищезает.
Ждах — и се несть помогаяй!

О пристанище безбедно,
Тихо, сладко, безнаветно!
О Мариин сыне!
Ты буди едине
Кораблю моему брегом.

Ты в корабле моем спиши,
Востани! Мой плач услыши!
Ах, запрети морю,
Даждь помощь мне скору!
Ах, востани, моя славо!

Избави мя от напасти,
Смири душе тленны страсти,
Се дух мой терзают,
Жизнь огорчевают.
Спаси мя, Петра, молюся!

К о н е ц

*Сложена 1785 года, сентемвра 17 дня,
в селе Великом Бурлуке.*

ПЕСНЬ 30-я

Из сего древняго стиха:

Τῆς ὥρας ἀπόλαυε, ταχύ γὰρ πάντα γηράσκει: □
"Εν θέρος ἐξ ἐρίφου τραχύν ἐνῆχε τράγον.

Сиречь:

Наслаждайся дней твоих, все бо вмале стареет:
В одно лето из козленка стал косматый цап.

Осень нам проходит, а весна пришла,
Мать козленка родит, как весна пришла.

Едва лето запало, а козля цапом стало,

Цап бородатый.

Ах, отвержем печали! Ах, век наш краткий,
малый!

Будь сладкая жизнь!

Кто грусть во утробе носит завсегда,

Тот лежит во гробе, не жил никогда.

Ах, утеха и радость! О сердечная сладость!

Прямая ты жизнь.

Не красна долготою, но красна добротою,

Как песнь, так и жизнь.

Жив бог миросердый, я его люблю.

Он мне камень твердый; сладко грусть

терплю.

Он жив, не умирая, живет же с ним живая
Моя и душа.

А кому он не служит, пущай тот бедный
тужит

Прямой сирота.

Хочеш ли жить в сласти? Не завидь нигде.

Будь сыт з малой части, не убойся
везде.

Плюнь на гробныя прахи и на детские
страхи;

Покой — смерть, не вред.

Так жывал афинеийский, так жывал
и еврейский

Епикур — Христос.

К о н е ц

*Сложена во время открытия
Харьковского наместничества,
когда я скитался в монастыре Сеннянском.*

Григорий Варсава Сковорода.

Басни Харьковския

Любезный приятель!

В седмом десятке нынешняго века, отстав от учительской должности и уединяясь в лежащих около Харькова лесах, полях, садах, селах, деревнях и пчелниках, обучал я себе добродетели и поучался в Библии; притом, благопристойными игрушками забавляясь, написал полтора десятка басень, не имея с тобою знаемости. А сего года в селе Бабаях умножил оные до половины. Между тем, как писал прибавочные, казалось, будто ты всегда присутствуешь, одоб-

ря мои мысли и вместе о них со мною причащаясь. Дарю ж тебе 3 десятка басень, тебе и подобным тебе.

Отческое наказание заключает в горести своей сладость, а мудрая игрушка утаевает в себе силу.

Глупую важность встречают по виду, выпроважают по смеху, а разумную шутку важный печатлеет конец. Нет смешные, как умный вид с пустым потрохом, и нет веселее, как смешное лицо с утаенною делностью. Вспомните пословицу: красна хата не углами, но пирогами.

Я и сам не люблю превратной маски тех людей и дел, о коих можно сказать малороссийскую пословицу: Стучит, шумит, гремит... А что там? Кобылья мертва голова бежит. Говорят и великоросийцы: Летала высоко, а села недалеко, — о тех, что богато и красно говорят, а нечево слушать. Не любя мне сия пустая надменность и пышная пустошь, а люблю тое, что сверху ничто, но в сериодке *чтось*, снаружи ложь, но внутрь истина. Такова речь и человек назывался у

еллин σιληνός, картинка, сверху смешна, но внутрь благолепна.

Друг мой! Не презирай баснословия! Басня и притча есть то же. Не по кошельку суди сокровище, праведен суд суди. Басня тогда бывает скверная и бабья, когда в подлой и смешной своей шелухе не заключает зерно истины, похожа на орех свищ. От таких-то басень отводит Павел своего Тимофея (*1 к Тимофею, гл. 4, стих 7*). И Петр не просто отвергает басни, но басни ухищренные, кроме украшенной наличности, силы Христовой не имеющие. Иногда во вретище дражайший кроется камень. Пожалуй, ражжуй сии Павловский слова: «Не внимающе иудейским баснем, ни заповедем человек, отвращающих от истины». Как обряд есть без силы божией — пустошь, так и басня, но без истины. Если ж с истиною, кто дерзнет назвать лживою? «Вся убо чиста чистым, оскверненным же и неверным ничто же чисто, но осквернися их ум и совесть» (*К Титу, гл. 1*). Сим больным, лишненным страха божия, а с ним и доброго

вкуса, всяка пища кажется гнусною. Не пища гнусна, но осквернился их ум и совесть.

Сей забавный и фигурный род писаний был домашний самым лучшим древним любомудрцам. Лавр и зимою зелен. Так мудрии и в игрушках умны и во лже истинны. Истина острому их взору не издали болванела так, как подлым умам, но ясно, как в зеркале, представлялась, а они, увидев живо живой ея образ, уподобили оную различным тленным фигурам.

Ни одни краски не изъясняют розу, лилию, нарцисса столько живо, сколько благолепно у их образует невидимую божью истину, тень небесных и земных образов. Отсюда родились *hieroglyphica, emblemata, symbola*, таинства, притчи, басни, подобия, пословицы... И не дивно, что Сократ, когда ему внутренний ангел, предводитель во всех его делах, велел писать стихи, тогда избрал *Езоповы басни*. И как самая хитрейшая картина неученым очам кажется враками, так и здесь делается.

Самое солнце всех планет и царица Библиа из тайнообразующих фигур, притчей и подобий есть богозданна. Вся она вылепленна из глинки и называется у Павла буйством. Но в сию глинку водхнен дух жизни, а в сем буйстве кроется мудрее всего смертного. Изобразить, приточить, уподобить значит то же.

Приими ж, любезный приятель, дружеским сердцем сию небезвкусную от твоего друга мыслей его воду. Не мои сии мысли и не я оные вымыслил: истина есть безначальна. Но люблю — тем мои, люби — и будут твои. Знаю, что твой телесный болван далеко разнится от моего чучела, но два различных сосуды одним да наполнятся ликером, да будет едина душа и едино сердце. Сия-то есть истинная дружба, мыслей единство. Все не наше, все погибнет и самии болваны наши. Одни только мысли наши всегда с нами, одна только истина вечна, а мы в ней, как яблонь в своем зерне, сокроемся.

Питаймо ж дружбу. Приими и кушай с Петром четвероногая звери, гады и птицы.

Бог тебе да благословляет! С ним не вредит и самый яд языческий. Они не что суть, как образы, прикрывающие, как полотном, истину. Кушай, поколь вкусиш с Богом лучшее.

Любезный приятель! Твой верный слуга,
любитель священных Библии
Григорий Сковорода.

*1774 г., в селе Бабаях,
накануне 50-тницы.*

Б а с н я 1 СОБАКИ

В селе у хазяина жили две собаки. Случилось мимо ворота проезжать незнакомому. Одна из них, выскочив и полаяв, поколь он с виду ушел, воротилась на двор.

— Что тебе из сего прибыло? — спросила другая.

— По крайней мере, не столько скучно, — отвечала она.

— Вить не все ж, — сказала разумная, — проезжие таковы, чтоб их почитать за не-

приятелей нашего хазяина, а то бы я и сама должности своей не оставила, несмотря на то что прошедшей ночи нога моя волчьими зубами поврежденна. Собакою быть дело не худое, но без причины лаять на всякого дурно.

С и л а. Разумный человек знает, что охуждать, а безумный болтает без разбору.

Б а с н я 2

ВОРОНА И ЧИЖ

Неподалеку от озера, в котором видны были жабы, Чиж, сидя на ветве, пел. Ворона в близости тож себе квакала и, видя, что Чиж петь не перестает:

— Чего ты сюда же дмешся, жабо?

— А для чего ты мене жабою зовеш? — спросил Чиж Ворону.

— Для того, что ты точно такой зеленой, как вон тая жаба.

А Чиж сказал: — О, ежели я жаба, тогда ты точная лягушка по внутреннему тво-

ему орудию, которым пение весьма им подобное отправляеш.

С и л а. Сердце и нравы человеческии, кто он таков, свидетельствовать должны, а не внешнии качества. Древо от плодов познавается.

Б а с н я 3 ЖАВОРОНКИ

Еще в древние века, в самое тое время, как у орлов черепахи летать учивались, молодой Жаворонок сидел недалеко того места, где одна с помянутых черепах, по сказке мудрого Езопа, летанье свое благополучно на камене окончила с великим шумом и треском. Молодчик, спугавшись, пробрался с трепетом к своему отцу:

— Батюшка! Конечно, возле тоей горы сел орел, о котором ты мне когдась говорил, что она птица всех страшнее и сильнее...

— А почему ты догадуешься, сынок? — спросил старик.

— Батюшка! Как он садился, я такой быстроты, шуму и грому никогда не видывал.

— Мой любезнейший сынок! — сказал старик, — твой молоденький умок... Знай, друг мой, и всегда себе сию песенку пой:

Не то орел, что высоко летает,
Но то, что легко садает...

С и л а. Многии без природы изряднии дела зачинают, но худо кончат. Доброе намерение и конец всякому делу есть печать.

Басня 4 ГОЛОВА И ТУЛУБ

Тулуб, одет в великолепное и обширное с дорогими уборами одеяние, величался пред Головою и упрекал ее тем, что на нея ни десятая доля не исходит в сравнении его великолепия...

— Слушай, ты, дурак! Если может поместится ум в твоём брюхе, то рассуждай, что сие делается не по большему твоему достоинству, но потому, что нельзя тебе столь малым обойтись, как мне, — сказала Голова.

Фабулка сия для тех, которые честь свою на одном великолепии основали.

Басня 5

ЧИЖ И ЩИГЛИК

Чиж, вылетев на волю, слетелся с давним своим товарищем Щиглом, кой его спросил:

— Как ты, друг мой, освободился?.. Расскажи мне!

— Чудным случаем, — отвечал пленник. — Богатый турка приехал с посланником в наш город и, прохаживаясь для любопытства по рынку, зашел в наш птичий ряд, в котором нас около четырехсот у одного хазяина висело в клетках. Турка долго на нас, как мы один пред другим выпевывали, смотрел с сожалением, наконец:

— А сколько просишь денег за всех? — спросил нашего хозяина.

— 25 рублей, — он отвечал.

Турка, не говоря ни слова, выкинул деньги и велел себе подавать по одной клетке, с

которых, каждого из нас на волю выпуская, утешался, смотря в разные стороны, куда мы разлетывали.

— А что ж тебе, — спросил товарищ, — заманило в неволю?

— Сладкая пища да красная клетка, — отвечал щасливец. — А теперь поколь умру, буду благодарить богу следующею песенкою:

Лучше мне сухар с водою,
Нежели сахар с бедою.

С и л а. Кто не любит хлопот, должен научиться просто и убого жить.

Б а с н я 6 КОЛЕСА ЧАСОВИИ

Колесо часовой машины спросило у Другого:

— Скажи мне, для чего ты качаешься не по нашей склонности, но в противную сторону?

— Мене, — отвечало Другое, — так зделал мой майстер, и сим вам не только не

мешаю, но еще вспомоществую к тому, дабы наши часы ходили по разсуждению солнечнаго круга.

С и л а. По разным природным склонностям и путь жития разный. Однак всем один конец — честность, мир и любовь.

Б а с н я 7

ОРЕЛ И СОРОКА

Сорока Орлу говорила:

— Скажи мне, как тебе не наскучит непрестанно вихром крутиться на простран-ных высотах небесных и то вгору, то вниз, будто по винтовой леснице шататься?...

— Я бы никогда на землю не опустился, — отвечал Орел, — если б телесная нужда к тому мене не приводила.

— А я никогда бы не отлетывала от города, — сказала Сорока, — если бы орлом была.

— И я то же бы делал, — говорил Орел, — если бы был сорокою.

С и л а. Кто родился к тому, чтоб вечностью забавляться, тому приятнее жить в полях, рощах и садах, нежели в городах.

Б а с н я 8

ГОЛОВА И ТУЛУБ

— Чем бы ты жива была, — спросил Тулуб Голову, — если бы от мене жизненных соков по части в себе не вытягивала?

— Сие есть самая правда, — отвечает Голова, — но в награждение того мое око тебе светом, а я вспомоществую советом.

С и л а. Народ должен обладателям своим служить и кормить.

Б а с н я 9

МУРАШКА И СВИНЬЯ

Свинья с Мурашкою спорили, кто из них двоих богатее. А Вол был свидетелем правости и побочным судьей.

— А много ли у тебе хлебного зерна, — спросила с гордою улыбкою Свинья, — прошу объявить, почтенная госпожа?..

— У мене полниохенька горсть самого чистого зерна.

Сказала как только Мурашка, вдруг захохотали Свинья и Вол со всей мочи.

— Так вот же нам будет судьбою господин Вол, — говорила Свинья. — Он 20 лет с залишком отправлял с великою славою судейскую должность, и можно сказать, что он между всею своею братиею искуснейший юриста и самой острой арифметик и алгебрик. Его благородие может наш спор легко решить. Да он же и в латынских диспутах весьма, кажется, зол.

Вол после сих слов, мудрым зверком сказанных, тотчас скинул на щеты и при помощи арифметического умножения следующее сделал определение:

— Понеже бедная Мурашка точию одну горсть зерна имеет, как сама призналася в том добровольно, да и, кроме зерна, ничего больше не употребляет, а, напротив того, у

госпожи Свиньи имеется целая кадь, содержащая горстей 300 с третью, того ради по всем правам здравого разсуждения...

— Не то вы считали, господин Вол, — перервала его реч Мурашка. — Наденьте очки да расход против приходу скиньте на щеты...

Дело зашло в спор и перенесено в вышшей суд.

С и л а. Не малое то, что для обыходки довольное, а довольство и богатство есть то же.

Б а с н я 10 ДВЕ КУРИЦЫ

Случилось Дикой Курице залететь к Домашней.

— Как ты, сестрица, в лесах живешь? — спросила Домовая.

— Так слово в слово, как и протчии птицы лесныи, — отвечала Дикая. — Тот же бог и мене питает, который диких кормит голубов стадо...

— Так они же и летать могут хорошо, — промолвила хозяйка.

— Это правда, — сказала Дикая, — и я по тому ж воздуху летаю и довольна крильями, от бога мне данными...

— Вот етому-то я, сестрица, не могу верить, — говорила Домоседка, — для того что я всилу могу перелететь вон к етому сараю.

— Не спорю, — говорит Дичина, — да притом же то извольте, голубушка моя, рассуждать, что вы с маленьких лет, как только родились, изволите по двору навозы разгребать, а я мое летанье ежедневным опытом твердить принужденна.

С и л а. Многии, что сами зделать не в силах, в том протчиим верить не могут. Безчисленнии негою отучены пешешествовать. Сие дает знать, что как практика без сродности есть безделная, так сродность трудолюбием утверждается. Что ползы знать, каким образом делается дело, если ты к тому не приобык? Узнать не трудно, а трудно привыкнуть. Наука и привычка есть то же.

Она не в знании живет, но в делании. Ведение без дела есть мученьем, а дело — без природы. Вот чем разнится scientia et doctrina (знание и наука).

Б а с н я 11

ВЕТЕР И ФИЛОСОФ

— О, чтобы тебе чорт взял, проклятой!..

— За что ты мене браниш, господин Философ? — спросил Ветер.

— За то, — отвечает Мудрец, — что как только я отворил окно, чтоб выбросить вон чеснокову шелуху, ты как дунул проклятым твоим вихром, так все назад по целому столу и по всей горнице разбросал, да еще притом остальную рюмку с вином, опрокинувши, разшиб, не вспоминая тое, что, раздувши из бумажки табак, все блюдо с кушаньем, которое я по трудах прибрался было покушать, совсем засорил...

— Да знаеш ли, — говорит Ветер, — кто я таков?

— Чтоб я тебе не разумел? — вскричал Физик. — Пускай о тебе мужички разсуждают. А я после небесных планет тебе моего внятия не удостоеваю. Ты одна пустая тень...

— А если я, — говорит Ветер, — тень, так есть при мне и тело. И правда, что я тень, а невидимая во мне божия сила есть точным телом. И как же мне не веять, если мене всеобщий наш *создатель* и невидимое вся содержащее *существо* движет.

— Знаю, — сказал Философ, — что в тебе есть существо неповинное потолику, поелику ты Ветер...

— И я знаю, — говорил Дух, — что в тебе столько есть разума, сколько в тех двух мужичках, с которых один, нагнувшись, поздоровил мене заднею безчестною частью, задравши платье, за то, что я раздувал пшеницу, как он ее чистил, а другой такой же комплемент зделал в то время, как я ему не давал вывершить копну сена, и ты у них достоин быть головою.

С и л а. Кто на погоды или на урожаи сердится, тот против самого Бога, всястрящаго, гордится.

Б а с н я 12 ОСЕЛКА И НОЖ

Нож беседовал с Оселкою.

— Конечно, ты нас, сестрица, не любишь, что не хочешь в стать нашу вступить и быть ножом...

— Ежели бы я острить не годилась, — сказала Оселка, — не отреклася бы вашему совету последовать и состоянию. А тепер тем-то самым вас люблю, что не хочу быть вами. И, конечно, ставши ножом, никогда столько одна не перережу, сколько все те ножи и мечи, которые во всю жизнь мою переострю; а в сие время на оселки очень скудно.

С и л а. Родятся и такие, что воинской службы и женитьбы не хотят, дабы других свободнее поощрять к разумной честности, без которой всяка стать недействительна.

Б а с н я 13
ОРЕЛ И ЧЕРЕПАХА

На похилом над воду дубе сидел Орел, а в близости Черепаха своей братьи проповедовала следующее:

— Пропадай оно летать... Покойная наша прабаба, дай бог ей царство небесное, навеки пропала, как видно в историях, за то, что сей проклятой науке зачала было у орла обучаться. Самой сатана оную выдумал...

— Слушай, ты, дура! — перервал ее проповедь Орел. — Не чрез то погибла премудрая твоя прабаба, что летала, но тем, что принялася за оное не по природе. А летанье всегда не хуже ползанья.

С и л а. Славолюбие да сластолюбие многих поволокло в стать, совсем природе их противную. Но тем им вреднее бывает, чем стать изряднее, и весьма немногих мати родила, например, к философии, к ангельскому житию.

Б а с н я 14

СОВА И ДРОЗД

Как только Сову усмотрели птицы, начали взапуски щипать.

— Не досадно ли вам, сударыня, — спросил Дроздик, — что без всякой вашей виновности нападают? И не дивно ли это?

— Нимало не дивно, — отвечала она. — Они и между собою то же самое всегда делают. А что касается до досады, она мне сносна тем, что хотя мене сороки с воронами и граками щиплют, однак орел с пугачем не трогают, притом и афинские граждане имеют мене в почтении.

С и л а. Лучше у одного разумного и добродушного быть в любви и почтении, нежели у тысяче дураков.

Б а с н я 15

ЗМИЯ И БУФОН

Как Змия весною скинула линовище, Буфон, ея усмотрев:

— Куда вы, сударыня, — сказал с удивлением, — отмолодели! Что сему причиною? Прошу сообщить.

— Я вам с охотою сообщаю мой совет, — Змий говорит. — Ступайте за мною!

И повела Буфона к той тесной скважине, сквозь которую она, с великою трудностью продравшись, всю старинную ветошь из себе стащила.

— Вот, господин Буфон, извольте полезать сквозь узкой сей проход. А как только пролезете, тот же час обновитесь, оставив всю негодность по другую сторону.

— Да разве ты мене тут хотиш задушить? — вскричал Буфон. — А хотя мне сюда удасться протащиться, тогда с мене последнюю кожу сдериот...

— Прошу ж не погневаться, — сказала Змия, — кроме сего пути нелзя вам туда дойти, где мне быть удалось.

С и л а. Чемь лучшее добро, тем большим трудом окопалось, как рвом. Кто труда не перейдиот, и к добру тот не прийдиот.

Как высохло озеро, так Жабы поскакали искать для себе новое жилище. Наконец, все вскричали:

— Ах, сколь изобильное озеро! Оно будет нам вечным жилищем.

И вдруг плюснули в оное.

— А я, — сказала из них одна, — жить намерила в одном из наполняющих ваше озеро источнике. Вижу издали приосененный холм, многии сюда поточки посылающий, там надеюся найти для себе доброй источник.

— А для чего так, тетушка? — спросила молодка.

— А для того так, голубка моя, что поточки могут отвесться в иную сторону, а ваше озеро может по-прежнему высохнуть. Родник для мене всегда надежнее лужи.

С и л а. Всякое изобилие оскудеть и высохнуть, как озеро, может, а честное ремесло есть неоскудевающий родник не изобилнаго, но безопаснаго пропитания. Сколь многое множество богачей всякой день преобразует-

ся в нищии! В сем кораблекрушении единственную гаванью есть ремесло. Самии беднейшии рабы рождаются из предков, жительствовавших в луже великих доходов. И не напрасно Платон сказал: «Все короли из рабов, и все рабы отражаются из королей». Сие бывает тогда, когда владыка всему — время — уничтожает изобилие. Да знаем же, что всех наук глава, око и душа есть — научиться жизнь жить порядочную, основанную на законе веры и страха божия яко на главнейшем пункте. Сей пункт есть основание и родник, рождающий ручайки гражданских законов. Он есть глава угла для зиждущих благословенное жительство, и сего камня твердость содержит все должности и науки в ползе, а сии общество в благоденствии.

Б а с н я 17

ДВА ЦЕННЫЕ КАМУШКИ: АЛМАЗ И СМАРАГД

Высоких качеств Смарагд, находясь при королевском дворе в славе, пишет к своему другу Адамантию следующее:

Любезный друг!

Жалею, что не радиш о своей чести и погребен в пепеле живеш. Твои дарования мне известны. Они достойны честного и видного места, а теперь ты подобен свещающему свешнику, под спудом сокровенному. К чему наше сияние, если оно не приносит удивления и веселия народному взору? Сего тебе желая, пребуду — друг твой Смарагд.

Дражайший друг! — ответствует Алмаз. — Наше с видного места сияние питает народную пустославу. Да взирают на блестящие небеса, не на нас. Мы слабый небес список. А цена наша, или честь, всегда при нас и внутри нас. Грановщики не дают нам, а открывают в нас оную. Она видным местом и людскою хвалою не умножается, а презрением, забвением и хулою не уменьшится. В сих мыслях пребуду — друг твой Адамантий.

С и л а. Цена и честь есть то же. Сея кто не имеет внутри себе, приемля лживое свидетельство снаружи, тот надевает вид ложного алмаза и воровской монеты. Превратно в

народе говорят так: «Зделали Абрама честным человеком». А должно было говорить так: «Засвидетельствовано пред народом о чести Абрама». Просвещение или вера Божия, милосердие, великодушие, справедливость, постоянность, целомудрие. Вот цена наша и честь! Старинная пословица: Глупой ищет места, а разумного и в углу видко.

Б а с н я 18

СОБАКА И КОБЫЛА

Кобыла, поноску носить научена, чрезмерно кичилась. Она смертно не любила Меркурия, — так назывался выжель, и, желая его убить, при всяком случае грозила ему задними копытами.

— Чемь я виноват, госпожа Диана? — говорил выжель кобыле. — За что я вам столько противен?..

— Негодной!.. Как только стану при гостях носить поноску, ты пуще всех хохочеш. Разве моя наука тебе смех?..

— Простите, сударыня, меня, не таюся в сем моем природном пороке, что для мене смешным кажется и доброе дело, деемое без природы.

— Сукин сын! Что ж ты фастаешь природою? Ты неучоная невежа! Разве не знаешь, что я обучалася в Париже? И тебе ли смыслить то, что учоные говорят: «*Ars perficit naturam?*». А ты где учился и от кого?

— Матушка! Если вас учил славный па-тер Пификс¹, то мене научил всеобщий наш отец небесный, дав мне к сему сродность, а сродность — охоту, охота — знание и привычку. Может быть, посему дело мое не смешное, но хвальное.

Диана, не терпя, стала было строить задней фронт, а выжель ушел.

С и л а. Без природы, как без пути: чем далее успеваешь, тем безпутнее заблуждаешь. Природа есть вечный источник охоты. Сия воля (по пословице) есть пуще всякой неволи. Она побуждает к частому опыту. Опыт

¹ Слово еллинское, значит — обезьяна рода и роста большего.

есть отец искусству, ведению и привычке. Отсюда родились все науки, и книги, и хитрости. Сия главная и единственная учительница верно выучивает птицу летать, а рыбу — плавать. Премудрая ходит в Малороссии пословица: Без бога ни до порога, а с ним хоть за море.

Бог, природа и Минерва есть то же. Как обуялая соль без вкуса, как цвет без природного своего духа, а око без зеницы, так несродное делание всегда чего-то тайного есть лишенное. Но сие тайное есть глава, а называется гречески *тὸ πρῆπον*, сиречь благолепие, или красота, и не зависит от науки, но наука от него. Госпожа Диана, яко чрезчур обучающая, но с недостатком благоразумная животица, изволит противоставить: *Ars perficit naturam*.

Но когда сродности нет, тогда скажи, пожалуй, что может привести в совершенство обучение? Слово *perficit* значит точно то: приводит в совершенство или в окончание. Вить, конец, как в колце, находится всегда при своем начале, зависящий от него,

как плод от семени своего. Знать то, что горница без начала и основания крышею своею с венчиком не увенчается.

Б а с н я 19
НЕТОПЫР И ДВА ПТЕНЦА —
ГОРЛИЦЫН И ГОЛУБИНИН

Великий преисподний звер, живущий в земле так, как крот, кратко сказать, великий Крот, писал самое сладкоречивейшее письмо к живущим на земле зверям и к воздушным птицам. Сила была такая:

«Дивлюся суеверию вашему; оно в мире нашло тое, чего никогда нигде нет и не бывало; кто вам насеял сумозброд, будто в мире есть какое-то солнце? Оно в собраниях наших прославляется, началствует в делах, печатлеет концы, услаждает жизнь, оживляет тварь, просвещает тму, источает свет, обновляет время. Кое время? Одна есть только тма в мире, так одно и время, а другому времени быть чепуха, вздор, небыль... Сия

одна ваша дурость есть плодовая мать и других дурачеств. Везде у вас врут: свет, день, век, луч, молния, радуга, истина. А смешные всего — почитаете химеру, называемую око, будто оно зеркало мира, света приятелище, радости вместилище, дверь истины... Вот варварство! Любезные мои друзья! Не будьте подлы, скиньте ярем суеверия, не верьте ничему, поколь не возьмете в кулак. Поверьте мне: не то жизнь, чтоб зреть, но то, чтоб щупать.

От 18 дня, апр., 1774 года. Из преисподняго мира. N. N. ».

Сие письмо понравилось многим зверям и птицам, например Сове, Дремлюге, Сычу, Вдоду, Ястребу, Пугачу, кроме Орла и Сокола. А паче всех Нетопыр пловко шатался в сем высокородном догмате и, увидев Горличина и Голубинина сынов, старался их сею высокопарною философиєю ошасливить. Но Горличин сказал:

— Родители наши суть лучшие тебе для нас учителя. Они нас родили во тме, но для света.

А Голубчик отвечал:

— Не могу верить обманщику. Ты мне и прежде сказывал, что в мире солнца нет. Но я, родившись в мрачных днях, в dneшний воскресный день увидел рано восход прекраснейшего всемирного ока. Да и смрад, от тебе и от Вдода исходящий, свидетельствует, что живет внутри вас недобрый дух.

С и л а. Свет и тма, тление и вечность, вера и нечестие — мир весь составляют и одно другому нужное. Кто тма — будь тмою, а сын света — да будет свет. От плодов их познаете их.

Б а с н я 20

ВЕЛБЛЮД И ОЛЕНЬ

Африканский Олень часто питается змиями. Сей, нажрався досыта оных и не терпя внутри палящая ядом жажды, быстрее птиц в полудни пустился на источники водные и на горы высокия. Тут увидел Велблюда, пьющего в поточке мутную воду.

— Куда спешиш, господин Рогач? — отозвался Велблюд. — Напийся со мною в сем ручайке.

Олень отвечал, что он мутной пить в сладость не может.

— То-то ваша братья чрезмерно нежны и замысловаты, а я нарочно смущаю: для мене мутная слаже.

— Верю, — сказал Олень. — Но я родился пить самую прозрачайшую из родника воду. Сей мене поточок доведет до самой своей головы. Оставайся, господин Горбач.

С и л а. Библиа есть источник. Народняя в ней история и плотский имена есть то грязь и мутная иль. Сей живыя воды фонтан подобен киту, испущающему выпрь из ноздрей сокровенную нетления воду, о коей писано: «Вода глубока — совет в сердце мужа, река же искачущая — и источник жизни» (*Притчи, 18 и 20*).

Кто Велблюд, тот возмущение потопных глаголов пьет, не достигая к той источничей главе: «Маслом главы моея не помаза». А Елень к чистой воде востекает с Давидом: «Кто на-

поит мя водою из рова, иже в Вифлееме при вратах?» (2 Царств, 23, стих 15). Слово, имя, знак, путь, след, нога, копыто, термин есть то тленный ворота, ведущий к нетления источнику. Кто не разделяет словесных знаков на плоть и дух, сей не может различить между водою и водою, красот небесных и росы. Взглянь на 33 гл., стих 13, Второзакония: «И есть скот нечистый, не раздвояющий копыто». А каков есть сам, такова ему и Библиа. О ней-то точно сказано: «С преподобным преподобен будеши...» Описатели зверей пишут, что вельблюд, пить приступая, всегда возмущает воду. Но олень — чистый любитель.

*Сия басня писана в светлое воскресение
по полудни, 1774 в Бабаях.*

Б а с н я 21

КУКУШКА И КОСИК

Кукушка прилетела к черному Дроздику.
— Как тебе не скучно? — спрашивает его. —
Что ты делаешь?

— Пою, — отвечает Дроздик, — видиш...

— Я и сама пою чаще тебе, да все, однако, скучно...

— Да ты ж, сударыня, только то одно и делаешь, что, подкинув в чужое гнездо твои яйца, с места на место перелетывая, поиош, пьеш и еш. А я сам кормлю, берегу и учу свои дети, а свои труды облегчаю пением¹.

С и л а. Премножайшии, презрев сродную себе должность, одно поют, пьют и едят. В сей праздности несносную и большую терпят скуку, нежели работающие без ослабы. Петъ, пить и есть не есть дело, но главного нашего сродного дела один точию хвостик. А кто на то ест, пьет и поит, чтоб охотнее после раздоху взяться за должность, как за подлежащий путь свой, сему скуку прогнать не многова стоит: он каждый день и делен, и празден, и о нем-то пословица: Доброму человеку всякой день

¹ Самое доброе дело есть скучным без ослабы, а одно только безделья делать во сто раз скучнее.

праздник. Должность наша есть источником увеселения. А если кого своя должность не веселит, сей, конечно, не к ней сроден, ни друг ей верный, но не чтось возле нея любит, и как не спокоен, так и не щаслив. Но ничто столько не сладко, как общая всем нам должность. Она есть искание царствия божия и есть глава, свет и соль каждой частной должности. Самая изрядная должность не веселит и без страха божия есть, как без главы, мертва, сколько бы она отправляющему ни была сродна. Страх господень возвеселит сердце. Оно, как только начнет возводить к нему мысли свои, вдруг оживляется, а бес скуки и уныния, как прах ветром возметаем, отбегает. Все мы не ко всему, а к сему всяк добрый человек родился. Щаслив, кто сопряг сродную себе частную должность с общею. Сия есть истинная жизнь. И теперь можно разуметь следующее Сократово слово: «Иные на то живут, чтоб есть и пить, а я пью и ем на то, чтоб жить».

Б а с н я 22

НАВОЗ И АЛМАЗ

Тот-то самой Навоз, в котором древле Езопов Петух вырил драгоценный камушок, дивился Алмазу и любопытно вопрошал:

— Скажи мне, пожалуй, откуда вошла в тебе цена толь великая? И за что тебе люде столько почитают? Я одобряю нивы, сады, огороды, красы и ползы есмь пода-тель, а при всем том ни десятой доли не имею чести в сравнении твоей.

— И сам не знаю, — отвечает Алмаз. — Я та же, что и ты, есмь земля и гораздо хуже тебе. Она есть пережженная солнечным ва-ром жужель. Но только в сухих моих водах благолепно изображается блистание солнеч-ного света, без котораго силы все твои одоб-рения пусты, а произращения мертвы, по ста-ринной пословице: В поле пшеница годом родится, не нивою, ни навозом.

С и л а. Свецкия книги, безспорно, всякой ползы и красы суть преисполненные. Если бы они спросили Библию: для чего сами пред

нею ни десятой доли чести и цены не имеют, для чего ей создаются олтари и храмы? — И сама не знаю, — отвечала бы она. — Я состою с тех же слов и речей, что вы, да и гаразда с худших и варварских. Но в невкусных речи моей водах, как в зеркале, боголепно сияет невидимое, но пресветлейшее око божие, без которого вся ваша польза пуста, а краса мертва.

Конечно, сим-то древом жизни услаждается невкусных речей ея горесть, когда обуялая вода ея претворяется в вино, веселящее сердце человеку. А точно о ней одной скажет Соломон следующее: «Превознеслася еси над всеми. Ложного угождения и суетныя доброты женския несть в тебе». Взглянь на конец Притчей. Бог часто в Библии означает годом, погодою, благоденствием, например: «Лето господне приятно...»; «Се ныне время благоприятно...» Прочти начало Соломонова проповедника о времени. Время — римски *tempus*, оно значит не только движение в небесных кругах, но и меру движения, называемую у древних греков *ρῥυμός*. Сие

слово значит то же, что такт; и сие греческое ж от слова $\tau\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega$ (располагаю) происходит. Да и у нынешних музыкантов мера в движении пения именуется *темпо*. Итак, *темпо* в движении планет, часовых машин и музыкального пения есть то же, что в красках рисунок. Теперь видно, что значит $\rho\upsilon\theta\mu\acute{o}\varsigma$ и *tempus*. И премудро пословица говорит: В поле пшеница годом родится... Премудро и у римлян говаривали: *Annus producit, non ager*. Рисунок и темпо есть невидимость.

Басня наша да заключится сими Аристотеля о музыке словами: $\rho\upsilon\theta\mu\acute{o}\varsigma$ δὲ καίρομεν διὰ τὸ γνῶριμον καὶ συντεταγμένον. Кто сие разжует, тот знает, что значит рифм. Сие слово в России во многих устах, но не во многих умах.

Б а с н я 23 СОБАКА И ВОЛК

У Титира, пастуха, жили Левкон и Фиридам, две собаки, в великой дружбе. Они прославились у диких и домашних зверей.

Волк, побужден их славою и сыскав случай, поручал себе в их дружбу.

— Прошу меня жаловать и любить, государи мои, — говорил с придворною ужимкою Волк. — Вы меня высоколепно ощасливать в состоянии, если соизволите удостоить меня места быть третьим вашим другом, чего лестно ожидаю.

Потом насказал им о славных и богатых предках своих, о модных науках, в коих воспитан тщанием отцовским.

— Если ж, — промолвил Волк, — фамилиею и науками хвалиться у разумных сердец почитается за дурость, то имею лучшие меры для приведения себя в вашу любовь. Я становитостью с обеими вами сходен, а голосом и волосом с господином Фиридамом. Самая древнейшая пословица: *Simile ducit deus ad simile*. В одном только не таюся, что у меня лисей хвост, а волчей взор.

Левкон отвечал, что Титир на их совсем не похож, однак есть третьим для них другом, что он без Фиридама ничего делать не начинает. Тогда Фиридам сказал так:

— Голосом и волосом ты нам подобен, но сердце твое далече отстоит. Мы бережем овцы, довольны волною и молоком, а вы кожу сдыраете, снедающе их вместо хлеба. Паче же не нравится нам зеркало твоя души лукавый взор твой, косо на близ тебе ходящего барашка поглядывающий.

С и л а. И фамилия, и богатство, и чин, и родство, и телесны дарования, и науки — не сильны утвердить дружбу. Но сердце, в мыслях согласное, и одинакая честность человеколюбныя души, в двоих или троих телах живущая, сия есть истинная любовь и единство, о коем взглянь 4 гл., стих 32 в «Деяниях», и о коем Павел: «Несть иудей, ни еллин... Вси бо вы едино есте о Христе Иисусе» (*К галатам, 3*).

Б а с н я 24

КРОТ И ЛИНКС

По сказкам, звер Линкс имеет столь острый взор, что на несколько аршин землю

прозирает. Сей, в земле увидев Крота, начал смеяться слепоте его.

— Если бы ты, негодная тваришка, имел моей прозорливости сотую долю, ты бы мог проникнуть сквозь самой центр земли. А теперь всио щупаеш, слеп, как безлунная полночь...

— Пожалуй, перестань фастать, — отвечал Крот, — взор тебе острый, но ум весьма слеп. Если тебе дано, чего я лишен, и я ж имею, чего у тебе нет. Когда помышляеш о остром твоём взоре, тогда не забывай и острого моего слуха. Давно бы имел, если бы для мене нужны были очи. Вечная правда блаженныя натуры никого не обижает. Она, равное во всем неравенство делая, в остроте моего слуха вместила чувство очей.

С и л а. Глупость в изобилии гордится и ругается, а в скудости оседает и отчаевается. Она в обоих долях нещасна. Там бесится, как в сумозбродной горячке, а тут с ног валится, как стерво. Сия вся язва родится оттуду, что не научилися царствию Божию и правде его, а думают, что в мире все де-

лается на удачу так, как в незаконном владении. Но распрости, о бедная тварь, очисти твои и увидишь, что все делается по самой точной правде и равенству, а сим успокоишься. Если в богатстве есть, чего в нищете нет, справся — и сыщешь в нищете, чего в богатстве нет. В которой земли менее родится плодов, там в награду здоровье воздуха. Где менее клюквы и черницы, там менее скорбной болезни; менее врачей — менее больных; менее золота — менее надобностей; менее ремесл — менее мотов; менее наук — менее дураков; менее прав — менее незаконников; менее оружия — менее войны; менее поваров — менее испорченного вкуса; менее чести — менее страха; менее сластей — менее грусти; менее славы — менее безславия; менее друзей — менее врагов; менее здоровья — менее страстей. Век и век, страна и страна, народ и народ, город и село, юность и старость, болезнь и здоровье, смерть и жизнь, ночь и день, зима и лето — каждая статья, пол и возраст и всякая тварь имеет собственныи свои выгоды.

Но слепая глупость и глупое неверие сего не понимает, одно только худое во всем видит, подобна цылюрничым пявкам, негодную кровь высосающим. Для сего век над век возносит, народ вышше народа, недовольна своею ни статью, ни страну, ни возрастом, ни сродностью, ни участью, ни болезнию, ни здоровьям, ни смертью, ни жизнью, ни старостию, ни юностью, ни летом, ни зимою, ни ночью, ни днем и при удаче то восходит до небес, то низходит отчаянием до бездн, лишена как света и духа веры, так и сладчайшаго мира с равнодушием и жжется собственным своих печалей пламенем, дабы исполнилось на ней: «А не веруй уже осужден есть». Все же есть благое, кроме не видеть царствия Божия и правды его, кроме болеть душою и мучиться из роптания неудовольствием: сие одно есть злое. Сия есть гордость сатанинская, возсести на престоле вышняго покушающаяся. Сей есть точный центр ада и отец страстей. «И не даде Иов безумия богу». «Благословлю Господа на всякое время».

Сей есть свет истинны и ведения Божия. Посему и священники именуются сердца, в неведении сидящие, Божиим светом озаряя: «Вы есте свет миру». «Коль красны ноги благовествующих мир...». «Святи их во истину твою...»

Б а с н я 25

ЛЕВ И ОБЕЗЬЯНЫ

Лев спит навзничь, а спящий весьма схож на мертвого. Толпа разного рода Обезьян, почитая его в мертвых, приблизившись к нему, начали прыгать и ругаться, забыв страх и почтение к царю своему. А как пришло время востания от сна, подвинулся Лев. Тогда Обезьяны, одним путем к нему пришедши, седмицею путей разсыпались. Старшая с них, пришед в себе, сказала:

— Нашии предки ненавидели льва, но лев и ныне львом и во веки веков.

С и л а. Лев есть образ Библии, на которую встают и ругаются идолопоклонничьи мудрецы. Они думают, что она мертва и го-

ворит о мертвости стихийной, не помышляя о том, что в тленных ея образах сокрывается живот вечный и что все сие востает и возносится к тому: «Бог наш на небеси и на земли...» И не разумея, что исходы ея суть исходы живота, ругаются, слыша сие. «Горняя мудрствуйте...». «Несть zde»¹.

А как только блеснул свет востания ея, тогда исполняется на них: «Расточатся врази его». Вот для чего Василий Великий говорит о Евангелии, что оно есть воскресение мертвых.

Иуда, сын Иаковль, вместо льва, образом невидимаго царя и бога лежит, и посему-то написано: «Возлег почи, аки лев. Кто воздвигнет его?» Лежит львица и царица наша, чистая дева, Библиа, и о ней-то жизнь и воскресение наше Христос сказует: «Не умре девица, но спит...»

Блажен не смежающий очей пред блистанием ея! Сей да поет с Давидом: «Коль возлюбленна селения твоя...»; «Коль красны дома твои, Иакове...»

¹ Сие Хамово племя смеется наготe отчей.

Зверей описатели пишут, что лев, родившись, лежит мертв, поколь ужасным рыком возбудит его отец его, а сие делает в третий день. Возможно ль найти благолепнейший для божественных книги образ?

Б а с н я 26
ЩУКА И РАК

Щука, напав на сладкую ядь, жадно проглотила. Но вдруг почувствовала сокровенную в сладости удку, увязшую во внутренностях своих. Рак сие издали приметил и, на утрешний день увидев Щуку, спросил:

— Зачем вы, сударыня, не веселы? Где девался ваш кураж?

— Не знаю, брат, что-то грусно. Думается для увеселения поплыть из Кременчука в Дунай. Днепр наскучил.

— А я знаю вашей грусти родник, — сказал Рак, — вы проглотили удку. Теперь вам не пособит ни быстрый Дунай, ни плодоносный Нил, ни веселовидный Меандр, ни золотые крильца.

С и л а. Рак точную правду сказует. Без бога и за морем худо, а мудрому человеку весь мир есть отечеством: везде ему и всегда добро. Он добро не собирает по местам, но внутрь себе носит оное. Оно ему солнцем во всех временах, а сокровищем во всех сторонах. Не его место, но он посвящает место, не изгнанник, но странник и не отечество оставляет, а отечество переменяет; в коей земли пришлец, твоей земли и сын, имея внутри себе народное право, о коем Павел: «Закон духовен есть».

Страх господень — источник мудрости, и веселия, и долгоденствия, а неверие есть сладчайшая ядь, сокрывающая горчайший яд. Трудно сей яд приметить. Трудно проникнуть беззаконие. «Грехопадение кто разумеет?» Тот, кто проникнул страх божий. Корень его горкий, но плоды сладчайшие. А беззаконие есть удка, сладостью обвитая, уязвляющая душу.

Честолюбие ли тебе вадит ко греху? Оно есть сладость, обвившая удку. Плотская ли сласть пленила? Проглотил ты удку. За среб-

ром ли погнался и впал в неправду? Пленены удкою. Зависть ли, месть, гнев или отчаянность увязла в душе твоей? Проглотил ты удку, о коей Павел: «Жало же смерти — грех». Безбожие ли вселилось в сердце твоём? Проглотил ты удку, о коей Исаия: «Несть радоваться нечестивым». «Рече безумен в сердце своем: несть Бог...» Вражда ли с Богом воцарилась внутри тебе? Пожер ты удку, о коей Мойсей: «Проклят ты во граде, проклят ты на селе...» Мучит душу твою страх смерти плотской? Увязла в ней удка, о коей Исаия: «Беззаконнии взволнуются и почити не возмогут».

Грех значит жить по закону плотских удов и страстей наших, воюющих противу закону ума нашего. Таков где сокрыется? Кое место увеселит его? Кая прибыль раскуражит сердце его? В душе своей и в сердце своем везде и всегда носит нещастие. Взглянь и послушай нещаснаго раба! «Еже бо хотети, прилежит мне, а еже делати, не обретаю...»

Вот истинная плень! «Всяк согрешаяй раб есть греху».

Б а с н я 27
ПЧЕЛА И ШЕРШЕНЬ

— Скажи мне, Пчела, для чего ты столь глупа? Знаешь, что трудов твоих плоды не столько для тебе самой, сколько для людей полезны, но тебе часто и вредят, принося вместо награждения смерть, однак не престаєте дурачитись в собирании меда. Много у вас голов, но безмозгие. Видно, что вы без толку влюбилися в мед.

— Ты высокий дурак, господин советник, — отвечала Пчела. — Мед любит есть и медведь, а Шершень тоже лукаво достает. И мы бы могли воровски добывать, как иногда наша братья и делает, если бы мы только есть любили. Но нам несравненно большая забава собирать мед, нежели кушать. К сему мы рожденны и не престанем, поколь умрем. А без сего жить и в изобилии меда есть для нас одна лютейшая смерть.

С и л а. Шершень есть образ людей, живущих хищением чуждаго и рожденных на то одно, чтоб есть, пить и протч. А пчела есть

герб мудраго человека, в сродном деле трудящегося. Многии шершни без толку говорят: для чего сей, например, студент научился, а ничего не имеет? На что-де учиться, если не иметь изобилия?.. Не разсуждая слов Сираха: «Веселие сердца — живот человеку», и не разумея, что сродное дело есть для него сладчайшее пиршество. Взгляньте на правление блаженныя натуры и научитесь. Спросите вашу борзую собаку, когда она веселее? — Тогда, — отвечает вам, — когда гоню зайца. Когда вкуснее заец? — Тогда, — отвечает охотник, — когда ганяю.

Взгляньте на сидящаго пред вами кота. Когда он куражнее? Тогда, когда целу ночь бродит или сидит возле норохи, хотя, уловивши, и не ест мыши. Запри в изобилии пчелу, не умрет ли с тоски в то время, когда можно ей летать по цветоносным лугам? Что горестнее, как плавать в изобилии и смертно мучиться без сроднаго дела? Нет мучительнее, как болеть мыслями, а болят мысли, лишаясь сроднаго дела. И нет радостнее, как жить по натуре. Сладок здесь

труд телесный, терпенье тела и самая смерть его тогда, когда душа, владычица его, сродным услаждается делом. Или так жить, или должно умереть. Старик Катон чем мудр и щаслив? Не изобилием, ни чином, — тем, что последует натуре, как видно в Цицероновой книжечке «О старости». Сия одна есть премилосердная мати и премудрая путевоительница. Сия преблагая домостроительница несытому дарует много, а мало дает довольному малым.

Но раскусить же должно, что значит жить по натуре. Не закон скотских удов и похотей наших, но значит блаженное оное *естество*, называемое у богословов *трисолнечное*, всякой твари свою для нея часть и сродность вечно предписующее. О сем-то естестве сказал древний Эпикур следующее: «Благодарение блаженной натуре за то, что нужное зделала нетрудным, а трудное ненужным».

А понеже в Боге несть мужский пол ни женский, но все в нем и он во всем, для того сказует Павел: «Иже есть всяческая во всем...»

Б а с н я 28
ОЛЕНИЦА И КАБАН

В полских и венгерских горах Оленица, увидев домашнего Кабана:

— Желаю здравствовать, господин Кабан, — стала витаться, — радуюсь, что вас...

— Что ж ты, негодная подлость, столько не учтива! — вскричал, надувшись, Кабан. — Почему ты меня называешь Кабаном? Разве не знаешь, что я пожалован Бараном? В сем имею патент, и что род мой происходит от самых благородных бобров, а вместо епанчи для характера ношу в публике содраную с овцы кожу.

— Прошу простить, ваше благородие, — сказала Оленица, — я не знала! Мы, простыи, судим не по убору и словам, но по делам. Вы так же, как прежде, роете землю и ламаете плетень. Дай бог вам быть и Конем!

С и л а. Не можно довольно надивится глупцам, пренебрегшим и поправшим премного честнейший и безценный добродете-

ли бысер на то одно, чтоб продратся в чин, совсем ему не сродный. Кой им змий в ухо нашептал, что имя и одежда преобразит их в бытие, а не жизнь честная, достойная чина? Вот точныи граки Езоповы, одевающиеся в чужое перья. Из таковых сошитое жителство подобное судну, в котором ехали морем одетии по-человечому обезьяны, и ни одна править не умела. Если кто просвещенное око имеет, коликое множество видит сих ослов, одетых в львиную кожу! А на что одеты? На то, чтоб вполне могли жить по рабским своим прихотям, беспокоить людей и проламываться сквозь законов гражданских заборы. А никто из достойных чести на неучтивость скорее не сердится, как сии обезьяны с ослами и кабанами. Древняя еллинская пословица: Обезьяна обезьяною и в золотом характере.

Вспоминает и Соломон о свиньи с золотым в ноздрах ея колцом (*Притчи, гл. 11, стих 22*). Знаю, что точно он сие говорит о тленных и бранных фигурах, в коих погрязло и сокрылося колцо вечнаго царствия Бо-

жия, а только говорю, что можно приточить и к тем, от коих оное взято для особливаго образования в Библию. Добросердечными и прозорливыми люде разными фигурами изображали дурную душу сих на одно только зло живых и движимых чучелов. Есть и в Малороссии пословица: Далеко свинья от коня.

Б а с н я 29

СТАРУХА И ГОРШЕЧНИК

Старуха покупала горшки. Амуры молодых лет еще и тогда ей отыгались.

— А что за сей хорошенький?..

— За того возму хоть 3 полушки, — отвечал Горшечник.

— А за того гнусного (вот он), конечно, полушка?

— За того ниже двух копеек не возму...

— Что за чудо?..

— У нас, бабко, — сказал майстер, — не глазами выбирают: мы испытуем, чисто ли звонит.

Баба, хотя была не подлаго вкуса, однак не могла больше говорить, а только сказала, что и сама она давно сие знала, да вздумать не могла.

С и л а. Конечно, сия премудрая Ева есть прабабою всем тем вострякам, которые человека ценят по одежде, по телу, по деньгам, по углам, по имени, не по его жития плодам. Сии правнуки, имея тот же вкус, совершенно доказуют, что они суть плод от сей райской яблони. Чистое, и как римляне говорили *sapdidum*, — белое, и независтное сердце, милосердное, терпеливое, куражное, прозорливое, воздержное, мирное, верующее в Бога и уповающее на него во всем, — вот чистый звон и честная души нашей цена! Воспоминает и сосуд избранный Павел о сосудах честных и безчестных (*2 К Тимофею, гл. 2, стих 20 и К римлянам, гл. 9, стих 21*). «Утроба буюго яко сосуд сокрушен и всякаго разума не удержит» (*Сирах, гл. 21, стих 17*).

Известно, что в царских домах находятся фарфоровые, серебряные и золотые урины, от которых, конечно, честнее глиня-

ная и деревянная посуда, пищею наполняемая; так как ветхий селский храм божий почтеннее господского бархатом украшенного афедрона. Изрядная великороссийская пословица сия: Не красна изба углами, а красна пирогами.

Довелось мне в Харькове между премудрыми эмблематами на стене залы видеть следующий: написан схожий на черепаху гад с долговатым хвостом, среде черепа сияет большая золотая звезда, украшая оной. Посему он у римлян назывался *stellio*, звезда — *stella*, но под ним толк подписан следующий: *Sub luce lues*, сиречь: под сиянием язва. Сюда принадлежит пословица, находящаяся в Евангелии: «Гробы повапленные».

Б а с н я 30

СОЛОВЕЙ, ЖАВОРОНОК И ДРОЗД

Среде высокой степи стоял сад — жилище Соловьев и Дроздов. Жаворонок, прилетев к Соловью:

— Здравствуй, господин певчей, — сказал ему.

— Здравствуй и ты, господин Соловей, — отвечал ему певчий.

— Для чего ты мене твоим именем называешь? — спросил Жаворонок.

— А ты для чего мене называешь певчим?..

Жаворонок. Я тебе не без причины назвал певчим: твое имя у древних еллинов было ᾠδών, сиречь певчий, а ᾠδή — песня.

Соловей. А твое имя у древних римлян было alauda, сиречь славей, а славлю — laudo.

Жаворонок. Если так, теперь начинаю тебе больше любить и прилетел просить твоей дружбы.

Соловей. О простак! Можно ли выпросить дружбу? Надобно родится к ней¹. Я часто пою сию мою песеньку, научен от отца моего: Ὁμοιον πρὸς ὁμοιον ἄγει θεός².

Жаворонок. И мой батенько сию песеньку поет. Я ж тебе как в протчем, так

¹ Один Бог есть сеятель дружбы.

² Сиречь: подобного до подобного ведет Бог.

и в сем подобен, что ты поеш Христа, вся твари Господа, а я его ж славлю и в сем вся наша забава.

С о л о в е й. Хорошо, я совершенный твой друг, если в саду жить станеш.

Ж а в о р о н о к. А я искренный твой любитель, если в степи жить станеш.

С о л о в е й. Ах, не волоки мене в степь: степь — мне смерть; как ты в ней живеш?

Ж а в о р о н о к. Ах, не волоки ж мене в сад: сад — мне смерть, как ты в нем живеш?..

— Полно вам, братия, дурачиться, — молвил, недалече сидя, Дрозд. — Вижу, вы рождены к дружбе, но не смыслите любить. Не ищи тое, что тебе нравно, но то, что другу полезно: тогда и я готов быть третьим вашим другом.

Потом, всяк своим пением запевав, утвердили в Бозе вечную дружбу.

С и л а. Сими тремя птичками образуется добрая дружба. Дружбы нельзя выпросить, ни купить, ни силою вырвать. Любим тех, коих любить родились так, как ядим то, что

по природе, а у Бога для всякаго дыхания всяка пища добра, но не всем. И как нельзя коня з медведем, а собаку с волком припрягти к коляске, так не можно, чтоб не оторвалось ветхое сукно, пришитое к свежему, а гнилая доска приклеена к новой. Равное ж несогласие есть между двома разстоящих природ человеками, а самая вящшая несродность между злым и добрым сердцем. Жаворонок с дроздом и соловьем дружить может, а с ястребом, нетопырем — не может. Если Бог разделил, тогда кто совокупит? Премудрая и предревняя есть сия пословица: Ὅμοιον πρὸς ὅμοιον ἄγει θεός. *Similem ad similem ducit deus* — «Подобнаго до подобнаго ведет Бог». Одна только не-сносность жаворонку жить в саду так, как соловью в степи. Сие у еллин именовалось ἀντιπάθεια¹. А в протчем во всем между ими равная сносность συμπάθεια².

Не должно же друга нудить к тому, что тебе веселит, а его мучит. Многии помяну-

¹ Разностность или противострастие.

² Равностность или сострастие.

той пословице противоречат: должно-де и врагов любить. Безспорно, но дружба так, как милостыня; многие степени окружают центр престола ея. Всем доброжелателем быть можешь, но не наперстником. Иначе благодетельствуем домашним и сродственникам, иначе приходим и странным. Бог всем благодетель, но не для всех сие его слово: «Обретох Давида, мужа по сердцу моему», а только для тех, кои, сердце свое в божественную совсем преобразив волю, о всем благодаряще веруют, надеются, любят его и слышат: «Вы друзи мои есте...» (15, *Иоанна Евангелие*).

Щаслив, кто хоть одну только тень доброй дружбы нажить удостоился. Нет ничего дороже, слаже и полезнее ея. Великая Русь просвещенно поговаривает: В поле пшеница годом родится, а доброй человек всегда пригодится. «Где был?» — У друга. «Что пил?» — Воду, лучше неприятельскаго мiodу. Носится и в Малороссии пословица: Не имей ста рублей, как одного друга. Но не достоин дружения любви превозносящий что-либо вышше

дружбы и не положивший оную остатним краем и пристанищем всех своих дел и желаний. Соловей преславное свое имя уступает самовольно другу. Сладка вода с другом, славна с ним и безименность. Катон сказал: «Пропал тот день, что без ползы пройшол». Но Траян (чуть ли не Тит) яснее: «О други! Погиб мой день — никому я не услужил».

Всякой власти, званию, чину, статьи, ремеслу, наукам начало и конец — дружба, основание, союз и венец обществу. Она создала небо и землю, сохраняя мир миров в красоте, чине и мире. «Бог любви есть...»

А кто пленился ею, тот вышший законов гражданских, самим управляется богом. «Всяк, иже в нем пребывает, не согрешает...» (*1 Иоанна, гл. 3, стих 7*). «Праведнику закон не положен, но беззаконным» (*1 к Тимофею, гл. 1, стих 9*).

Не надобно приводить трубами воду туда, где отрыгает чистейшее питье сам источник — всех поточков отец и глава. «Своему господеву стоит или падает» (*К римлянам, гл. 14*).

К сей главе нас возводить есть должность богословии, одной из троих главнейших наук, содержащих в благоденствии жителство. Сих одних учителя именуются в Европе *doctores*. Единственным их предметом есть человек. Медицина врачует тело; юриспруденция страхом приводит каждого к должности, а богословия из рабов делает сынами и друзьями божиими, вливая в сердце их охоту свободную к тому, к чему гражданские законы силою волокут. «Уже неси раб, но сын...» (*К галатам, гл. 4*). Чем множае таковых в жителстве, тем оно щасливее, и не напрасно есть пословица: «Доброе братство лучше богатства».

А что сказано о дружбе, тое ж разумеется и о статьи. Как к той, так и к сему вожд верный есть природа; щаслив же последуй ему. Впрочем, как помянутыи птички образуют вернаго, избраннаго по природе, сиречь по бозе, друга, так друг есть фигурою и образом священныя Библии. Взглянь на гл. 6, стих 14 Сираха. Читай их подалее и понимай, что Христос есть всех тех слов

цель. Он есть премудрость Божия, глаголющая к нам: «Вы друзи мои есте... Се мати моя и братия...» (*Марка, гл. 3*).

А как творящи волю Божию суть мати и братия Христовы, так взаимно им Библия. Взглянь на конец 14 гл. и на начало 15 Си-раха. Точно о Библии речь: «Срящет его, яко мати...»

Скажи мне, что есть друг? Слуга и доб-рожелатель. Кая ж лучшая услуга, как при-вести к ведению Божию? Все есть ложь, си-речь непостоянное и нетвердое, кроме Бога. Но Библия учит о Бозе: «Аз на сие родихся... да свидетелствую истину» (*гл. 18*). «Слово твое истина есть» (*гл. 17 Иоанна*). Вся наша жизнь в руце Божией; сие значит врожден-ное нам предписание пищи, статьи, дружбы... Самое маленькое дело без его руководства есть неудачное. «Без мене не можете...». Кто знает Бога, тот знает план и путь жития сво-его. Что есть житие? Есть всех дел и движе-ний твоих сноп. Видиш, что познавший Бога все свое разумеет. Вот для чего сказано: «Друг верен, кров (покров) крепок...»

Ничего нас Библия не учит, кроме богословия, но сим самым всего учит. И как имеющий очи все видит, так чувствующий Бога все разумеет и все имеет — все, что для себе. А если черепаха крил не имеет, кая нужда? Они для птицы нужны. Не в том совершенная премудрость, чтоб весь мир перезнать. Кто может сие? А невозможное и ненужное есть то же. Но если все знаешь, что тебе надобное, сие значит совершенную мудрость. Пересмотрев все планеты и приобрев все миры, не имея и не зная тое, что для тебе, и скуден, и не знаток, и не весел еси, так как перебедава все дороги, но не уведав твою, ничего и не знаешь, и не имеешь, и не куражен. Да и как быть можешь куражен, лишен для тебе нужного? Как иметь станешь, не сыскав? А как сыщешь, не узнав? Как же узнаешь, лишен сладчайшаго и всевожденнейшаго твоего руководителя — света Божия? Старинная пословица: «Охота пуще неволи». Злая охота побуждает злодея к ужасным предприятиям. Но не менее сильна и святая охота. Охота, любовь, огонь,

свет, пламень, ражжение есть то же. «Бог любви есть...»

Сия распалила и устремила апостолский, пророческий и мученический сердца на лютый страдания, а пустынников и постников к горчайшим подвигам ражжегла и оживляла их. О сем просвещающем и распаляющем, но не опаляющем огне Соломон в «Песне песней»:

Крепка, яко смерть, любви,
Жестока, яко ад, ревность,
Крила ея — крила огня;
Углие огненно — пламы ея (гл. 8).

Сей божественный кураж просвещал тму их, согревал отчаяние, прохлаждал зной, услаждал горести, а без сего всякое щастие есть нещасное. Итак, Библиа есть наш верховнейший друг и ближний, приводя нас к тому, что есть единое дражайшее и любезнейшее. Она есть для нас предками нашими оставленный завет, хранящий сокровище боговедения. Боговедение, вера, страх божий, премудрость есть то же. Сия одна есть ис-

тинная премудрость. Сия други божия и пророки устрояет (*Премудрости Соломона*, гл. 4): «Сию возлюбих и поисках от юности моя». «Сия благолепнее солнца... Проникающая, аки утро, добра, яко луна, избрана, яко солнце». Труды ея суть добродетели; целомудрию бо и разуму учит, правде и мужеству, их же потребнее ничто же есть в житии человеком» (*«Песнь песней»*, гл. 7 и *«Премудрости Соломона»*, гл. 8).

Содержание

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Разговор, называемый Алфавит или Букварь мира	7
Убогий жайворонок. <i>Притча</i>	116

ПОЭЗИЯ. БАСНИ

Сад божественных песней, прозябший из зерн Священного Писания . . .	155
Песнь 1-я	155
Песнь 2-я	157
Песнь 3-я	159
Песнь 4-я	161
Песнь 5-я	163
Песнь 6-я	164
Песнь 7-я	165
Песнь 8-я	167
Песнь 9-я	168
Песнь 10-я	170

Песнь 11-я	171
Песнь 12-я	174
Песнь 13-я	176
Песнь 14-я	178
Песнь 15-я	182
Песнь 16-я	184
Песнь 17-я	185
Песнь 18-я	186
Песнь 19-я	187
Песнь 20-я	189
Песнь 21-я	190
Песнь 22-я	193
Песнь 23-я	195
Песнь 24-я	197
Песнь 25-я	199
Песнь 26-я	201
Песнь 27-я	204
Песнь 28-я	207
Песнь 29-я	211
Песнь 30-я	213
Басни Харьковския	215
1. Собаки.	220
2. Ворона и Чиж	221

3. Жаворонки	222
4. Голова и Тулуб.	223
5. Чиж и Щиглик.	224
6. Колеса часовии	225
7. Орел и Сорока.	226
8. Голова и Тулуб.	227
9. Мурашка и Свинья.	227
10. Две Курицы	229
11. Ветер и Философ.	231
12. Оселка и Нож	233
13. Орел и Черепаха	234
14. Сова и Дрозд.	236
15. Змия и Буфон	236
16. Жабы.	238
17. Два ценныи камушки:	
Алмаз и Смарагд	239
18. Собака и Кобыла	241
19. Нетопыр и два птенца —	
Горлицын и Голубинин	244
20. Велблюд и Олень	246
21. Кукушка и Косик.	248
22. Навоз и Алмаз.	251
23. Собака и Волк	253
24. Крот и Линкс.	255

25. Лев и Обезьяны	259
26. Щука и Рак	261
27. Пчела и Шершень	264
28. Оленица и Кабан	268
29. Старуха и Горшечник	270
30. Соловей, Жаворонок и Дрозд	272

